

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

11
1972

ГОВОРИТ ВСЕСОЮЗНАЯ УДАРНАЯ...
На строительстве трассы Тюмень — Сургут

Фото И. Сапожкова

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания пятнадцатый

У Р А Л Ъ С К И Й **11**
С Л Е Д О П Ы Т **1972**

В НОМЕРЕ

Л. Лапцуй ПОД ЗВЕЗДАМИ ЯМАЛА. Поэма	2
И. Полуянов РЯБОЙ. Маленькая повесть	6
П. Ковешников ДОНСКАЯ «АВРОРА»	20
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	22
В. Жемчужников СТУДЕНЫЙ БАЙКАЛ. Очерк	23
В. Ботков ПОКОРИТЕЛЬ ТОПОРКОВЫХ КРУЧ	30
Д. Репухов МЕРА ЖИЗНИ. Окончание	33
В ОБЪЕКТИВЕ МГНОВЕНИЕ	54
А. Китаев ГОРЩИКИ	58
А. Ассовская ЕЕ УЛЫБКА. Фантастический рассказ	64
С. Марков ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ БЕТПАК-ДАЛА	69
Ю. Яровой ШАХТЫ БЕЗ ШАХТЕРОВ	71
В. Житников ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ	76
А. Дайновская С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ. Юмореска	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

ОБЛОЖКА Е. СТЕРЛИГОВОЙ

Л. ЛАПЦУЙ

Фото И. Сапожкова

Спит под сугробами рассвет,
Метель метет направо.
Как видно, Север — древний дед —
Почуял силу молодую.
И крылья ветра в серой мгле
Бьют по нехоженой земле.

Смолк вездеход в седой пыли,
Ни капли в баках! Стынут ноги.
Машины брошены вдали,
Как веки пройденной дороги.

Земная тяжесть — на плечах,
А ночь — как темная пещера.
И костерок уже зачах,
А может, гаснет в сердце вера!
Молчат геологи.

О чем

Их иступленное молчанье!

О том, что где-то теплый дом
Есть и под северным сияньем,

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Леонид ЛАПЦУЙ

Поэма

И что в конце любых дорог
Горит, как точка, огонек.

И ненец Тусида встает.
Он вырос здесь и твердо знает:
В буран не погибает тот,
Кто перед ним не отступает.
Сильней улыбка, чем приказ:
— Вы что, к земле примерзли, братцы!
Ямал испытывает нас,
Лишь сильным он отдаст богатства.
И ненец Тусида идет,
Взвалив на плечи небосвод.

Суставы, как озерный лед,
Трещат. Но Тусида шагает.
Но чу! Незримый вертолет
В метельный гул
свой гул вплетает.

Кричат геологи! Кричат!
Он ищет их! Он ищет, ищет!
Но вертолет ушел назад,
И снова только ветер свищет.
И люди падают в сугроб,
А тот сугроб — как белый гроб.

А переходы короткие,
И тают силы и отвага.
И не поднять уже руки,
И не пройти уже полшага.
А ветер снежные холмы
Опять строгают, как рубанок.
— Быть может, заночуем мы,
А завтра выйдем спозаранок!..
И командир кричит сквозь шум,
Что рядом куропачий чум.

Но удивляются друзья,
И кажется — хохочет ветер:

ЯМАЛА

Сказка Бородная

— Здесь ни дымка и ни жилья!
Где чум ты, Тусида, заметил!
А тот, шагнув под косогор,
Разрыл колючий снег руками.
— А ну, кончайте разговор,
Мы этот чум построим сами!
Дружны усилия ребят,
В снег зарывается отряд.
...Вход в куропачий чум, как щель.
Метет метель, метет метель.

Давно поселок на ногах,
Тревожат поиски отряда,
Тревога слышится в шагах,
Тревога видится во взглядах.
Встречаясь, люди говорят,
Как будто разбудить боятся
Тех, не вернувшихся назад
На зов невыспавшихся раций.

Клубок из снега и громов
На вертолетной взмыл площадке.
Собака Хорти меж домов
За ним помчалась без оглядки.
«Хозяин Тусида в беде,
Хозяин Тусида! Ты где!» —
И поглощает снежный край
Ее надрывный хриплый лай.

Она под снегом след берет,
Усталость — инеем на морде.
И многоместный вертолет
Кружит над маленькою Хорти.
И вдруг — застыла на бегу,
И вдруг — рванулась к косогору.
И роет лапами в снегу,
И заползает с визгом в нору.
Рывком — хозяину на грудь,
Чтобы лицо его лизнуть!

И вот обратно вертолет
Ложится курсом на поселок.

И понимающе пилот
Глядит, как пса обнял геолог.
А руки вычернил мороз
У поседевшего ямальца.
Но нежно лижет, лижет пес
Почти негнущиеся пальцы.
И улыбается пилот.
Летит в поселок вертолет.

Дорога мшистая длинна,
Листает Время дни и ночи,
Из тучи выплыла луна,
Но не закончен день рабочий.
Шагает Тусиды отряд
В сырое тундровое лето.
Пусть маловеры говорят,
Ямал — бесплодная планета!
Ямал богат,
Ямал отдаст,
Отдаст для нас и нефть и газ!

Известен Тусиде Ямал,
Немало тут покочевал.
Смышленным, ловким подрастал,
Из сказок знал про дни былые.
Ему загадывал Ямал.
Загадки вовсе непростые.
Он, словно молодой олень,
В путь поднимался вместе с утром.
И в тундре каждый новый день
Его учителем был мудрым.
Срывались звезды на Ямал,
Их утром Тусида искал.

Порой овраг хранил на дне
Прокопанный камень.
Кто-то вспомнил —
Земля пылала здесь в огне,
Когда вонзались стрелы молний.
Взрывался холм.

Голодным псом
Бока у туч лизало пламя.
И черный дым вставал столбом
И небеса коптил годами.
Забить ли Тусиде о том,
Как дед склонялся пред огнем!

Считали ненцы:

Бог Земли

Карает огненным дыханьем.
Оленей в дар ему вели,
И, как далекие преданья,
Росли ветвистые рога
На склонах у священных сопок.
И белокрылая пурга
Скрывала сети тайных тропок.
Из детских дней
Который год
К тем сопкам
Тусида идет!

Ведет отряд по тем местам,
Где пламя прежде танцевало.
И раздаются тут и там
Глухие взрывы аммонала.

И голос газовой волны
Услышит их и им ответит.
И после долгой тишины
«Ура!» «Ура!» — подхватит ветер!

4 Но как дороги нележки
К истокам газовой реки.

Морозец выстудил весну,
Под утро небо раздумянил,
Сдержал ночную тишину
На серебрящемся аркане.
Но с веток рухнул снежный ком,
И распрявился куст устало.
Под первым солнечным лучом
Над лужей льдинка затрещала.
И встрепенулся ручеек,
И зажурчал, как только мог.

Ручьи, дремавшие всю ночь,
Пошли на поиск океана,
А солнце плыло, ну точь-в-точь,
Как бубен старого шамана.
Оно будило в тундре всех:
Промчался заяц без оглядки,
Как будто вдруг взорвался снег,
Взметнулись в небо куропатки.
Весна, как льды, ломая тишь,
Вела на Север свой аргиш¹.

Вела подтаявшей тропой
На безымянный мыс Ямала,
Где перед первой буровой
Вся группа Тусиды стояла.
Не из одних стальных частей —
Из дней, которых не забудешь,
Из воли, выдержки своей
Ее смонтировали люди.

¹ Аргиш — олений обоз.

Чум куропачий,
Снежный вой —
Все воплотилось в буровой.

Ах, что ж вы, стрелки у часов,
Идете медленней, чем надо!
Нельзя завесой бодрых слов
Скрыть напряжение отряда.
И Хорти у хозяйских ног
Застыла, словно неживая.
И только пляшет ветерок,
И не стихает буровая.
И слит ее рабочий гуд
С каплей медленных минут.

Но вот прошел подземный гром,
В земле таившийся веками.
И заходила ходуном
Земля Ямала под ногами.
Труба стальная в этот миг
Березкой гибкой трепетала,
И то ли песню, то ли крик
Она, ликуя, исторгала!
И ненец Тусида сиял:
— Нет, не бесплоден мой Ямал!

Сверкнуло пламя над землей
И развернулось, словно знамя,
Над грохотавшей буровой
И над полярными снегами.
И сразу летняя жара
Пахнула в тундровые дали,
И люди с криками «Ура!»
У великаньего костра,
Как оленията, заскакали.
Перемешался плач и смех,
И Хорти лаяла на всех.

Огонь дорос до облаков,
И виделось в рассвете алом,
Как поднимались из снегов
Крутые вышки над Ямалом.
А людям снова не до сна,
Идут путем непроходимым.
Не зря приветствует весна
Их с неба криком лебединым,
И крылья свищут тетивой
Над самой первой буровой.

*Публикуется с сокращениями.
Перевел с ненецкого Лев СОРОКИН*

Рисунки Н. Мооса

Иван
ПОЛУЯНОВ

Рисунки
Г. Бурмагиной

*Маленькая
повесть*

Светало медленно, по-осеннему трудно. Шероховатые стволы деревьев, сухие и ошетенные хвоей сучья, кусты, висячий лишайник, мох и валежины, затхлая прель — все это составляло чащу.

Капало с ручьев.

Шуршал палый лист.

Качалась ветка ели, кропила каплями. Расстилалась по ветру бахрома лишайника. Ветка колыхалась, колыхался с ней и карий смысленный глаз, выглядывая из темной хвои. Карий глаз под крутой красной бровью.

Рябчик не прятался и однако оставался невидим — серенький, пестренький лесной петушок. Весь он от елового хвойника, каждым перышком: темным — будто взятым у теней и сумрачности чащобной; серым — от мхов и лишайников, от серой древесной коры; коричневыми — от прядей листвы, побуревшей после инея. Ряб и пестр лесной петушок. И не прячась — прячется, на виду — и невидим.

Вот бровь своя — красная.

И глаз свой — бойкий и простодушный.

Качается еловая ветвь, нежит рябого, баюкает.

Румяная, круглит брусника мокрые бока. Та вон, та — ой, крупная брусничина! Соком налилась, видны семечки насквозь. Слететь бы к ней, да еще сыро.

Чего хорошего о сырую траву штаники мочить?

Рябой огорчился. Не от того, что сыро, а потому, что слышал, как втихомолку пробирается, к кочке торопится его рябая рябушка. Бежит и не споткнется. Везде поспеет раньше него.

По ветке бежал муравей, замирая и привставая на цыпочки. Рябой склонил его с отвращением. Тем и утешился.

Уступает он брусничину рябушке. Не маленький, небось.

Первым рябой покинул выводок. Зато и занял лучший участок леса. Елок много — есть где спать-ночевать; берез-то, ольх кругом — есть где почек пощипать; ручей близко — есть где напиться. Пересекая под землей лужайку, крот выбросил на поверхность гору песку: славно в сухом песочке купаться!

Встряхнулся рябой, грудь выкатил колесом. Уступил ведь... уступил рябушке бруснику. Характер покладистый, вот в чем дело.

Чернела под клювом борода. Мягкая, пяток перышек. Она, эта бородушка черная, и понудила рябого обзавестись в ельнике собственным углом.

Гляди, пух на ножках просок! Серый он, густой и похож на штаники.

Это писклявая малышня летом в выводках под опекой мам-рябчих гуляет босая, бесштанная: до единого пестрень-

кие, не разобрать, кто петух, кто курочка. А брови обозначились красные, зачернели под клювом перья бородки, ниже колен пух отрос, значит вышел ты из птичьего детства — живи самостоятельно, за хвойной стеной, под защитой леса.

Круглилась брусничина, манила.

Чего она? Чего дразнится? По ветви рябой спятился, стволом елки заслонился. Выше его сил было смотреть, как рябушка будет бруснику клевать.

Подсемила рябушка мелкими шажками. Нацелилась в ягоду. Вдруг с ближней березы мелькнуло что-то серое, стремительное. Ястреб на лету подхватил птицу когтями и исчез — стремительно и бесшумно, как налетел.

Качали елки лапами.

Желтые листья, подпархивая, плыли с берез.

Рябой недоуменно выгнул брови. Он ничего не увидел, просто почувствовал: что-то произошло.

Теснины хвойные темнеют.

Лист крошится желтый...

Нет, нет, что произошло?

Стучат капли: вкрадчивым полусшепотом, если с прутьев на прутья, и гулко, отрывисто — когда капля разбивается о лист.

Брусника с кочек краснеет — вон и та ягодка цела!

Раздались шаги. Шел по лесу человек. Трещали сучья, шелестели под сапогами опавшие листья.

Рябой прижался к еловому суку.

Шаги были шумные и не страшные. Гораздо опаснее, когда человек крадется, ружье держит наготове и взглядом обыскивает деревья.

Если бы человек остановился, рябой непременно слетел, полагая, что он обнаружен и нужно удирать куда попало.

Человек прошел, разбрызгивая лужи, треща хворостом. У него была шляпа с перышком и мокрые резиновые сапоги.

Пень-выворотень, трухлявый и замшелый, темнел в гуще елок, напоминал зверя, вскинувшегося на дыбы.

Человек неожиданно сор-

вал с плеча ружье, грянул выстрел: клячья мха посыпались с пня.

— Был бы медведь, сразил его наповал,— пробормотал человек.

Шел из ружейного ствола сизый чад. Человек набрал красных листьев под осинкой, разглядывал их, бормоча:

— Ничего нет лучше осени в лесу... Прелесть, прелесть — золотая осень в лесу, запах порохового дыма, лужи и туман!

Шаги удалились, стихли.

Рябой успокоился. Стал охорашиваться. Надо привести себя в порядок. Ночью то дождь был. Встряхивался рябой. Поднимая поочередно крыло за крылом, отжимал клювом намокшие перья.

Трактор загрохотал в поле. Промчался по ухабистому проселку грузовик, громыхая молочными флягами о борта.

— Кукареку-у,— горланили петухи в деревне.

Коровы мычали, и щелкал бич пастуха.

— Петь, петь,— необычный нежный звук возник в хвойных громадах. Казалось, что способны породить этот чистый, сладко тающий звук только струны паутины, радужной от солнца.

— Петь-не-перепеть! — рассыпчато, с перезвоном ударили струны.

Жесткая грубая хвоя. Грузные, в грубой коре стволы. Колодник замшелый, гнилой.

— Петь, пе-еть,— тенорком, с перели-

вами выводил рябой, выговаривая певуче: — Петь-не-перепеть!

Играли, найдя паука, синицы. Рябой тоже не прочь бы поиграть. Со своей рябушкой. Гонялся бы за ней, а настигнув, трепал бы за сивую кисточку на голове, как баловник-мальчишка дергает свою соседку по парте за тонкую косичку.

— Петь, пе-еть, петь-не-перепеть!

Где рябушка? Выстрела испугалась?

А не убежала ли в овраг попить воды?

С негромким хлопком крыльев рябой сорвался с елки. Метров через сто нырнул снова в хвою. Сел плавно: поплавок удочки в руках умелого рыбака не мог бы опуститься на воду легче.

Через лес, вдоль его опушки года два тому назад была прорублена широкая просека для линии электропередачи. Тогда рябого на свете не было. Сейчас он был уверен, что просека существует вечно, как еловый хвойник и ручей по оврагу, затененный душистой смородиной, как крики деревенских петухов и рокот тракторов в полях.

Мышь проскользнула к норе. Белка шелушила шишку. Провода гудели на просеке, слышался лязг металла, людские голоса... Обступали петушка в коротких пуховых штаниках тысячи звуков, лишь одного — от рябушки отклика — не мог поймать его чуткий слух.

— Петь, пе-еть,— вплелась звонкая певучая нить в шорохи ветра, скрип сучьев и шелест опадающей листвы.— Петь-не-пе-репеть!

Рев моторов будил эхо в ольховых полевых перелесках. Стуку дождевой капли лес внимал, развесив сучья еловые, как уши, а рябому петушку никто не ото-звался.

В шорохах листопада чудилась игри-вая беготня, в сплетении сучьев, бахроме лишайников, пятнавших ели, грезилась си-вая косичка.

Вернулся рябой обратно к брусничным кочкам.

— Петь, пе-еть,— выводил старатель-но, хвостом дергал, себе помогая, чтобы звончее, чтобы дальше летело.

— Петь-не-перепеть!

Безответно замирал перебор гуселек в хвойных громадах.

— Петь-не-перепеть...

Рябой рассердился. Ну, погоди, тихоня, задам трепку. Выволочу за косичку и тумачков наподдаю. Утром бруснику по-бежала клевать и не сказала. Сейчас не

откликается. Да что это такое? Да можно ли спускать подобные выходки?

Кочку с брусничкой нашел. Спелая, зрелая — лучше утрешней. Вот съем. Вот... вот тебе, тихоня! Разворошил опавшие мокрые листья, улитку расклевал. Пособи-рал семян в траве. Ел и ел — не знал, чем еще досадить рябушке, раз она без спросу убежала и не отзывается.

День клонился к вечеру, когда петушок обнаружил, что у него гость — круп-ный, явно бывалый рябчик, кривой на один глаз.

Показалась рябому его внешность чем-то знакомой.

Пришел гость пешком. Жадно, словно век не ел, хватал ягоды с кочек. Поцара-пал лапками, добыл камушек и тоже про-глотил.

Рябого это не удивило: все лесные ку-ры, от глухаря до рябчика, осенью глотают камешки для зимы, когда перейдут на грубую пищу. Камешки в зобу, как жернова мельницы, будут перетирать почки деревьев или мерзлую хвою.

Наелся гость ягод, камешек проглотил и плюхнулся в песок.

Эво... эво! Ну, гость, ну, кривой глаз — всю бруснику поел и купаться полез! Пес-ком осыпается, изношенное перо с тре-ском дерет. Блох... блох-то, поди, натряс!

Не снес рябой обиды, спустился вниз. Вихор на голове распушил, чтобы выгля-деть выше ростом и солиднее. Хвост раз-вернут, крылья по полу распущены — бо-ком, боком перед купаленкой он пробе-жался. Во я какой! Видишь, кривой? Ви-дишь, с кем имеешь дело?

Никакого впечатления. Скребет кри-вой лапами, песком осыпается — век, что ли, не мылся? Век песком перья не чистил?

Вдоль купаленки рябой шагом прошел: грудь колесом, пуховые штаники напоказ. На одной ножке круть, на пятке верть — вкруг себя повернулся. Коготком-ногот-ком цап-царап. По мху — цап, по палой листве — царап.

Хоть бы что, купается нахал!

Надулся рябчишка, стал поперек себя толще, и чирк распущенным крылом пе-ред носом чужака. Чирк-чирк крылом.

Это было серьезное предупрежде-ние, кривой бросил купаться.

Ага, проняло! Ликовал рябчишка. Ног-тем-когтем — цап-царап, крылом — чирк-чирк. Ну, вылазь, кривой, будет тебе баня. У-ух, полетит пух по закоулочкам! Рас-храбрился рябчишка, сам себе понравил-

ся. Жалел только о рябушке: посмотрела бы она сейчас, каков он удалец — штанишки пуховые, бородушка на пять перышек!

Приподнялся кривой. Вытаращил единственный глаз да и бряк крылом — песок облаком взвился. Бряк кривой крылом, хватать рябчишку за пестренький вихор. Схватил, дернул...

Уй-ю-юй, больно! Опрометью шарханулся рябой на елку.

Ну его, этого бродягу!

Кого он только напоминает? Сердчишко колотится, голова кругом идет — ничего не вспомнить.

Выкупавшись, кривой забияка отряхнулся.

И опять к кочкам — бруснику клевать.

Поклюет и скосится глазом на рябого: сидишь? Ну, чего сидишь, убирайся, пока цел!

Рябой вспомнил. Вспомнились ему летние утра, росистая трава уютных полей и мама-рябушка. Спозаранку выводок отправлялся к земляничникам, на травянистые лужайки. Учила мама клевать ягоды, находила жуков и козявок — сама не съест, детей позовет, и были они все писклявые, пестренькие. Солнце вставало, роса дымилась, пахло сомлевшей на припеке хвоей, куковала кукушка, ворковал в березах дикий голубь-вяхирь, и было весело бегать в мокрой траве, гоняться за кузнечиками. Весело и беспечно — ведь мама рядом, ведь и отец тут же: крив на один глаз, но врагов не проморгает.

В лесу не на век родство. Осень — такая пора для рябых, что делают они лес, под шорох листопада загадывая о весне.

Пригорюнился рябчишка. Прогонит его кривой глаз, нет сомнения.

— Пиу-пиу,— чуть слышно пробилось сквозь хвойную стену.

Рябушка зовет.

Ага, его, одноглазого.

Вспорхнул он и улетел.

Вернется вдвоем сюда, будет здесь его угол. Песочница будет его и брусничные кочки.

Ах, если б одному жить в лесу-хвойнике, никто бы не позарился на елки, на ягоды, на песчаную купаленку!

Немного спустя выстрел прогремел, раскатился гулко.

Одноглазый не возвращался.

Ночь наступила, его не было и не было...

На просеке терялись в тумане столбы с гирляндами изоляторов, с толстой крученой проволокой, провисавшей между опорами.

Дымил костер. Люди протягивали к огню руки, грелись и курили.

— Славка, слышь? — сказал один. — Рябчик поет! Зачем ты ружье возишь? Хоть бы раз угостил дичью. Знаешь стихи: «Ешь абрикосы, рябчиков жуй»?

— У Маяковского, Петя, не абрикосы — ананасы, — поправил второй рабочий, молодой, уже заросший бородой и в очках.

— Все-таки про рябчиков. Слышь, Славка? Сброди после смены. Ну? Хвастаешь: «Я в Сибири». «Я на Ангаре». «В Казахстане я»... Я да я, а толку? Рябчиков здесь навалом. Ребята с соседнего участка каждый день охотятся.

Тот, кого называли Славкой, небритый, заспанный, процедил лениво:

— Веню проси. Он у нас ходок — на шляпе перо, сапоги как ботфорты. Истый землепроходец.

Парень в очках покраснел:

— А тебе что? Ну, хожу в тайгу. Мне интересно. Надеюсь, никому это не мешает.

Славка посмотрел на него, кривясь в усмешке:

— «Тайга»...

Веня промолчал, и Славка продолжал:

— В Сибири — да, тайга. М-м, какие кедрь! Срубишь один: во, не в обхват! Шишек этих, ну хоть самосвал вызывай!

Он мечтательно сощурился, перекутывая во рту замусоленную папиросу.

— А еще на Алтае раз было. Слыхали про озеро Чаны? Куда вам, домоседам! Раз на Чанах попали мы на пролет лебедей. Сказка, ей-богу! Наложим их полную лодку. Белые — везем, как сугроб. И — черт! Охотинспекция! Пришлось смывать-ся. А вы говорите: рябчики!

Славка сплюнул в костер.

— И вообще тут скука. Подамся обратно в Сибирь. Или еще куда.

Веня вскинулся:

— Лебедей бил! Чем хвастаешь?

У него пресекался голос, на скулах проступили красные пятна.

— Ч-чо? — Славка привстал. Путаный чуб свешивался на лоб. — Окуляры сверкают. Борода трясется — смотри не отвалилась бы!

Пожилой рабочий, гася сигарету о каблук, проговорил:

— Ну-ну, не шебурши, Вячеслав. Давай, ребята, по местам. Пошли, пошли, не время выяснять отношения.

Славка швырнул потухшую папиросу, враскачку, заплетаясь сапогами в траве, направился к трактору, урчавшему мотором.

Хлопнула дверь кабины. Трактор двинулся рывком, звякнули гусеницы, подминающая кусты и брызгаясь грязью.

— Не вяжись ты к нему, Веня,— внушал дядя Гриша, шагая рядом с парнем в очках.— Мальчик ты интеллигентный, держись от Славки подальше.

Веня возмущенно перебил его:

— Вот-вот! Умеем мы, дядя Гриша, держаться подальше, наша хата с краю и все такое. Церемонимся: как же о грязь руки испачкать? Гнать его надо прочь в три шеи! Помните, в селе подрался, с колом у клуба бегал? То пьяный, то опохмеляется... Спрос-то, учтите, с нас. На коллективе пятно. Лебедей бил! Разве не по-донок?

Не слушая его, дядя Гриша напустился на второго рабочего:

— Ты чего, Петро, подначивал? Рябчика ему подай...

— Я думал, дядя Гриша, ничего ведь. Консервы кончаются и завоза нет, дороги раскисли.

— Молчи! — одернул его дядя Гриша.— «Я думал». Мыслитель!

— Гнать, и точка,— повторил Веня.— На что нам подонки?

Дядя Гриша нахмурился.

— Гнать — нехитрое дело. И у меня этот «сибиряк» порой в печёнках сидит. Да за трактором — бог. Когда б не он, мы бы по сей день загорали на сто пятом километре, в болоте по уши. А натяжка проводов? То-то же... Постой! — вскричал он.— Где твой монтажный пояс?

Веня спохватился.

— Забыл в будке. Я сейчас, я мигом. Дядя Гриша крикнул в сердцах:

— И-их, помощнички! Верхотлазы-верхотлады!

Течет желтый, осыпается алый лист. Шуршит, осыпается лист, скопляясь на полянах ворохами, на тропках потоком шумным.

Утро синее, теплое.

Розовый туман...

10 Мягко ступая, словно ощупывая мох босыми пятками, пересекала ельник

семья медведей: мать и два медвежонка.

Прошли они, как волна их пронесла...

Полосатый бурундучок шмыг, шмыг по валежине в кучу хвороста.

Зимовать зверек собирается, съестное добришко про запас нашивает — в кладовую под пнем.

— Чик-чик! — упала с осины капель. Как с сучка на сучок: чик! чик!

Одна осина сохранилась зеленая, остальные красный лист осыпают, желтый сеют.

— Чик! Чик!

Заворочался кто-то наверху, в самой макушке: черная шея мелькнула и белый клюв.

То не капель стучит, глухарь зяблый лист рвет. Осенью ему листок сходит за масляный блинок. Щиплет, рвет, осенними блинами лакомится глухарь: Чик! Чик!

Горят в лесу красные, порошат в лесу желтые осины, и мошки в хороводе веселом вьются, бабочки порхают, танцуют, шмель гудит, точно в трубу трубит.

Мошка-комарик, а чью ты кровушку летом пила? Мужик на косилке луг косил, и его мы поедом ели, его кровушку пили. Пили, ели — в хороводе пляшем, веселимся до упаду!.. Недолги комариные радости: паучья сеть тут как тут. Помирать комару, погибать мошке: бейся, не бейся, хоть плачь, хоть молчи — неумолим паук.

Неумолим паук, да его самого синица расклевала.

Синицу горностаю схватил, только косточки хрустнули.

Горностаю сплюхвал — угодил лисице в зубы.

Так ведется в лесу: жизнь за жизнь, и нет иного пути...

Но и добр лес, всем приволье за его широкой спиной.

Колодины, валежник, кучи хворосту — лезь, бурундук, никто не найдет. Зеленой тучей крона осины нависла; не одного, стаю глухарей спрячет, спокойно щиплите кислый лист. Мхом мягким поляны выстланы — ступай без опаски медвежья босая лапа, сучок не треснет, не выдаст.

Всяк в лесу прячется, таится: как медведь — сырых мхов топтун, так и глухарь — на осенних осинах блинник, полосатый бурундук — в хворост лазун...

Чего же рябой выставился?

— Петь-петь! Петь-не-перепеть!

Стеной лес — плотной, непроницае-

мой для посторонних стеной стволов, сучьев, листвы, хвои.

Раздвинутся стены,— распахивает лес настужь поляны и прогалины с зеленым мягким, с белым жестким мхом, лужайки с папоротниками и колосистой травкой.

Рябой к прогалинам будто на порог выбежал, звал в свой хвойный дом:

— Пе-еть, петь!

На проселке буксовал грузовик. Трактор в поле пахал зябь. Звуки, принадлежавшие полям, рябой пропускал. Они его не трогали. Зато чутко слушал он лес, нет-нет и озабоченно поводил головкой.

Как бы то ни было, голос рябчихи застал его врасплох. Застал на земле, у брусничной кочки.

— Пиу-пиу,— слышалось неподалеку.

От радости рябой подпрыгнул. От радости и неожиданности.

Он всплеснул крыльями: вот, вот я. Засуетился, забегал. Она... Конечно, она! Простил ей все, рад, рябой, что нашлась рябушка и откликнулась.

— Пиу-пиу,— баском откликнулась рябушка.

— Петь, пе-еть, петь-не-перепеть,— сладким тенорком вывел рябой.

Он точно определил, куда зовет рябушка: на поляну, к барсучьей норе. Чего нашла хорошего? Белый мох, две-три сосны — чего там хорошего?

Не полетел на голос. Побежал: прячась за валежинами, пригибаясь к траве.

Торопился в пуховых штаниках, топорщил на головке вихор. Со всех ног бежал и тем не менее выгнул по лесу широкую дугу: будет сивой косичке сюрприз. Он свалится к рябушке как снег на голову. Появится неожиданно сзади и хлопнет крыльями громко. Пусть рябушка перепугается!

Молчком бежал рябой. «Пиу-пиу»,— пищала рябчиха.

Подкрадывался он тихонько.

Да как хлопнет крыльями, да подпрыгнет.

Во напугал, во напугал! Поди у рябушки сердце екнуло, со страху на хвостик села!

Да нет, не рябушка — сам он на хвостик сел...

И как не сесть, если в грудь уперлось ружье: человек, прятаящийся под сосной, обернулся резко, вскинул двустволку и дула ее уставились в щуплую фигурку рябого.

— Перепугал, дьяволенок! — сдавленно пробормотал Славка.

«Тиль-тиль-тиль», — испустил рябой трескучую трель. Дергал шеей, хвостиком дрожал. Подать сигнал тревоги... Сперва сигнал тревоги для рябушки, дальше будь что будет. «Тиль-тиль-тиль».

Стрелять неудобно. Закусив губу, Славка поднимал ружье к плечу, откидываясь спиной к сосне.

Щелкнул предохранитель курков.

От резкого металлического щелчка рябой словно очнулся: шмыгнул за кучу рыжего песка, выброшенного барсуком из норы, и там громыхнул крыльями... Надо, обязательно надо крыльями громче хлопнуть, чтобы услышала рябушка, предупредить ее о беде.

Снова охотник не мог стрелять: птицу заслонила сосна.

— Заноза! — выругался Славка раздраженно. — Обманул, паршивец!

На шее, на витом шнурке, болтались медные тонкие свистки: одним из них, подражая писку рябушки, он и подманил лесного петушка.

Очутившись под защитой дерева, рябой вспорхнул и скрылся из глаз.

Метров двести он в один дух одолел. С лету юркнул в березу, расплескал листву, и желтые кораблики поплыли с нее на траву, на темные, переполненные застойной водой лужицы. Никому из лесных птиц не сравниться с рябчиком в мастерстве врагам отводить глаза. Прижался он к стволу, втянул голову в плечи — и будто шапку-невидимку надел. Исчез — весь без остатка — среди сучьев, пятен лишайника на белесой коре. Расстилается по суку сивый клочок мха. Обмирает от страха: в красных, изогнутых пугливо бровках — страх, в поджатом хвостике — страх, страх.

Опомниться он не успел, рябушка позвала:

— Пиу-пиу!

Человек ушел? Так скоро?

Петушок растерялся. Благоразумие подсказывало: пережди. Писк рябушки требовал отбросить колебания — никогда ни один рябчик голосу не подаст, если есть хоть намек на опасность.

— Пиу-пиу,— укоряла рябушка. — Лети сюда!

Рябой занервничал. Взволнованно ходил по суку взад и вперед, замороженный зовом рябушки. Укорял этот голос, зывал к решительности.

Маялись красные бровки, страдала черная бородушка. Что делать? Ах, что делать?

— Пиу-пиу! — пищала рябушка настойчиво.

Ничего, пусть потерпит. То не отзывалась, то хоть расшибись, да лети к ней. Ничего, впредь ей наука. Будет знать, как не откликаться, когда просят.

Заважничал петушок. Крылья распустил, хвост расправил веером — и боч-

ком, бочком по суку прошелся. Чем я не молодчина: брови красные, как брусника-ягода, бородушка черная, штаники пуховые!

От барсучьей ямы донеслось певуче:

— Петь-петь... Петь-не-перепеть!

Значит, к рябушке другой петушок подсел, пока он на еловом суку выставлялся? К его-то рябушке, на занятое место?

Негодую, сорвался рябой с сука. Задаст сейчас чужаку трепку.

Едва он, однако, оставил сук, распахнулась в недалекой елке хвоя, вынырнул ястреб.

Подоспел он в ельник на зов медной дудочки — точно так, как щуку выманивает блесна.

Рябчишка обмер. Припустил что было сил.

Сучья, хвоя...

По прямой, только по прямой — через сучья, сквозь хвою!

Вытянул ястреб желтые длинные лапы: неслась добыча комочком перьев, на смерть перепуганным карим глазом с красной бровкой — прямо в когти!

В последнее мгновение рябой, сложив крылья, скользнул вниз. Ястреб, разогнувшись, просвистел мимо.

Поняв свой промах, ястреб притормозил хвостом и разразился пискливой бранью:

— Ки-ки-ки!

Бесшумно — веточки не задев, ни единого желтого листика не сронив, — он облетел группу берез, заслоненных елью, куда улизнул рябой.

Кому другому дня не хватило бы оглядеть сплетения сучьев, хвойные лапы — ястреб обшарил их желтыми каменными глазами на лету и высмотрел рябого.

Запал бедняга в развилке сучьев, вытянулся и не дышит.

В немыслимо крутом выраже ястреб прынул в бок, почти встал на правое крыло, заранее вытягивая крючья когтей к комочку серых перьев, распластанному на суку.

Осенью лист, опаленный инеем, столь легко не слетает с дерева, как рябой выпал из развилки сучьев, подставив ястребу пустой сучок.

Опять опередил!

Ястреб кинулся следом. Поздно. На миг потерял он добычу из глаз, и она исчезла, ее заслонил лес широкой спиной.

Попискивала мышь у норки.
Где-то трещали дрозды.
Выбежал заяц на прогалину...

В разгар золотой осени, когда осыпаются деревья и неумолчен шум сухой листвы, зайцу в шорохах желтых, в вихрях багряных метелей мерещатся невесты какие ужасы. И шелест падающего листа громок для робких ушей. Мечется косой, ищет уголок потише, и везде его находит, отовсюду гонит ропот листопада.

Ушами заяц стриг, как портной ножницами, губой раздвоенной шевелил, точно каждый звук пробовал на зуб... Нет! И тут нет покоя!

Заковылял дальше. Скок-поскок дальше от шорохов, столь похожих на шорохи хищных лисьих и волчьих лап.

Камнем свалился ястреб. Мигом оседлал, вцепился когтями.

— Яй-я-яй! — завизжал заяц.

— Кле-е-кле! — гортанно орал ястреб и кривым каменным клювом долбил его по затылку.

Наутек заяц, и на нем ястреб верхом — крыльями бьет, клювом молотит. Шерсть клочьями с зайца, клочьями на мох, на траву.

Стлалась низко седая мгла, обдавая промозглой мокредью ивняк, ржавую, скрюченную инеями таволгу приболотья.

Набухшая влагой, опадала с багряных кустов голубика.

Потерянно трубил из тумана журавль. От своих отстал? Заблудился?

Свободная от тумана, светлела одна прогалина высоко на сухом бугре, в окружении сосен, колкого можжевельника и мохнатых елок.

Рябой расширил поиски. Где же... где косичка сивая? Летал он где попало, ночевал где придется, так и достиг приболотья.

Клубился туман, выпирая из низины. Журавль надрывал сердце горькими стонами.

Внезапный топот нарушил безмолвие. Затрещал валежник.

— Мы-м... ы-ых! — широкой грудью разваливая кусты, вымахнул лось.

Мелькали широкие копыта. Колыхались широкие и тяжелые, в двенадцать отростков рога. Грузным галопом проскакав вокруг прогалины, таежный исполин резко осадил, пробороzdив в белых мхах глубокую рытвину.

— Ы-ых! — вырвался хриплый рык из широкой глотки.

Бока темнели от влаги. На губах пузырилась пена. Потрясая рогами, старый лось выкатывал налитые кровью белки и щетинил шерсть.

Он вызывал на бой, готовый с целым светом сразиться за то, чтобы попирать копытами эти мхи, дышать смоляным духом сосен, пить из здешних ручьев и пастись на зеленых травах.

— Ы-ых! — ревел надсадно. Рыл копытом, рогом бодал пни.

Негромко похрустывало в кустах: паслась лосиха. На этот негромкий звук примчал рогач, и ходуном ходила его грудь, трепетали ноздри.

— М-м! — как вздох, послышалось с болота.

— Ы-ых! — взревел лось, посылая вызов сопернику.

Таежные быки сошлись у края прогалины, многим поколениям рогатых исполинов служившей ареной осенних боев.

Сошлись — старый и молодой. Сшиблись, загремел рог о рог.

Страшны были удары.

Жарко дыша, упирали лоб в лоб, рог в рог.

Рванул на себя старый бык, прочно зацепив рога соперника своими рогами. Не дрогнул молодой.

Низко нагнуты шеи, на холках шерсть дыбом. То молодой нажимал, то старый заставлял его пятиться.

Хлопья пены срываются на мох, перемешанный с землей. Жаром пышут ноздри. Горячий пар окутывает бойцов.

— М-мы!

— Ы-ых!

Боролись быки, слепли и глохли от ярости.

Не уступал молодой, горячился и лез в драку напролом. Если рогом не взять старика, копытом достану: оскалился, выкинул вперед ногу — закровянела на боку старика ссадина.

— Ы-ых!

— М-мы!

Напрягся старик и согнул шею молодого рогача, вот-вот падет тот на колени... Устоял все-таки молодой, хоть и увяз копытами в землю, занялся весь дрожью, от боли глаза лезли из орбит.

Поглощенные боем, не вняли рогачи предупредительному храпу лосихи, отступившей с бугра в приболотье.

Дрозд проквохтал из тумана. Сорока пустила трескучую очередь суматошных выкриков.

Тревога...

Перекачивается от куста к кусту, от ствола к стволу, через мхи и лужайки, по чащобам и полянам: тревога, тревога!

Но не бывает ничьих в осенних битвах лосей. Сражаются до победы. Гремит рог о рог.

Оба изнемогли, упершись рог в рог, лоб в лоб.

Не вспомнил ли старик, что не одна такая прогалина в лесном краю, где мох изрыт копытами, пропах терпким потом? Или слабость начал? Кровоточила ссадина на боку, не хватало дыхания.

За благо посчитал старый уступить. Последним ударом рогов, для которого собрал остатки сил, он отбросил соперника и пошел прочь, тяжело ступая. Всею свое время, и не водить ему больше лосиное стадо. Спотыклив усталый шаг, розовая мусть застилает глаза. Всею свое время, и приходится уступать молодым.

Не веря, что победа за ним, вскочил молодой рогач. Гордо окинул он взглядом владения. Лес, поляны, болота — все теперь его, принадлежит ему одному.

Лосиха вот куда пропала?

Ударил рогач вскачь с бугра, прошуршали, разомкнулись кусты и вновь сомкнулись.

Почти тотчас показался из кустов человек: кепка козырьком назад, ружье на плече висит по-таежному, стволами вниз.

— Опоздал!

Он задышался, рукавом утирая пот с лица.

Рябчик сидел над самой его головой. Сжался, вытянул по суку шею — и нет птицы, есть серый нарост, несмело поблескивающий карим любопытным глазом под красной бровью.

— Опозда-ал! — человек кусал губы. — А нич-чо... нич-чо! Свое возьмем!

Скрылся в кустах, завозился там, шурша брезентовой курткой. Скрипнула береста. Тюк-тюк! — тюкнул нож.

Пугливо приподнял рябой голову и сразу опустил на сук. Слететь с елки — значило бы обнаружить себя.

Туман рассасывался. Стонал в болоте журавль.

— М-м... М-м! — глуховато прозвучало из-за сосен.

Лось? Ну да, кто же еще больше? Рябой склонил почку. Ветка сронила несколько желтых листьев, и они прошуршали вниз, задевая за еловые прутья.

— Ы-ых,— окреп зов лося.

— ...ы-ых,— прозвучало в болоте.

— М-мы... ы-ых! — утробный рев послали кусты. — Ы-ы, ы-ых!

Почка за почкой набивал зоб рябчишка. Глотал торопливо, не забывая и крутить головой по сторонам.

— Ы-ых!

Лось открылся на бугре: рога запрокинуты на спину, дыбится холка взъерошен-

ной шерстью, ноздри пышат горячим паром.

Упоенный недавней победой, рогач был уверен в своих силах. Кто с ним потягается, если старого, опытного вояку он обратил в бегство? Страшны пудовые рога, разящ удар копыт. Кто осмелился бросить им вызов? Играючи вымахнул лось на середину прогалины. Мотнул рогами, ударил копытом. Ну, кто? Кто здесь?

Струя спящего огня выплеснулась из кустов.

Грохот выстрела еще не достиг ушей, как ноги подкосились, хлынула кровь изо рта, и рухнул рогач на мох.

— Ж-жить! — колыхнулся он многопудовой тушей. Загребал ногами, копытом толк смоляной пень. А кровь шла дымная, горячая. С кровью уходила жизнь. Он все бил, толк ногами, как будто убежал от смерти, и не мог убежать.

Расступились кусты, выпустили на прогалину сперва черное дуло двустяолки, резиновый сапог, потом кепку козырьком назад.

— ...Официально заявляю: лося завалили ваши ребята, Григорий, никто больше, — на крик срывался егерь Чебыкин. — Не будем отпираться. Не поможет. Так и так придется заводить уголовное дело. Не усугубляйте, прошу. Добром прошу. Костер догорал.

Тянулся к огню Веня. словно было ему зябко, поеживался, то и дело поправлял очки.

Дядя Гриша бережно отряхивал пепел сигареты на осиновый лист, залетевший к кострищу: старался угадать, чтобы пепел попадал в центр листа и скапливался серой кучкой.

Славка-сибиряк зевал, развалился на брезентовом плаще.

— Х-хы... Добром он просит! А ты не добром, ты как можешь. Жми в горсть, на горло наступай. Мы — кто? По-научному, как один лектор накручивал, мы владыки мира. Проще говоря, рабочий класс. Материальные ценности создаем... да. Еще свет даем. Вам, ага! Лектор знаешь как нас назвал? Вы, говорит, — Прометей!

Славка блеснул в ухмылке золотым вставным зубом.

— Не-е... Не надо с нами добром.

Веня вскочил. Он бледнел и краснел.

— Не могу, когда самое святое топчут в грязь!

Петька дернул его за куртку, шепча: «Чего ты? Чего?»

Веня бледнел и задыхался.

— Товарищи, лося это он... Славка... Ручаюсь головой! Нужны свидетели, я — первый. Записывайте!

Чебыкин помедлил и, расстегнув левую сумку, вынул тетрадь.

— Официально составляю протокол.

Славка, свешивая чуб на лоб, усмехнулся лениво.

— Э, посмотрите на него: чистый ангел... херувим. Головой ручается. Нужна кому-то его пустая голова!

Дядя Гриша отбросил окуроч.

— Ну-ну, зашебуршали.

Сдул пепел с осинового листа и обратился к егерю:

— Выкладывай доказательства, Пал Палыч. Дело нешуточное.

— Первое: лось действительно незаконно, в неположенное время забит, — егерь загибал пальцы. — Изъята пуля двенадцатого калибра — второе. Возле туши натоптано сапогами сорок третьего размера и следы ведут к вам, прямо к будке, — кивнул он на дощатый навес с бочками из-под горячего, мотками проводов.

— Минуту, — поднял руку Славка.

Он сходил к будке. Патронташ небрежно швырнул егерю:

— Что пуля двенадцатого калибра, это ничего не говорит: подобных ружей масса. У Веньки, например, тоже двенадцатый калибр, в лес тоже ходит.

— Я не стрелял! — вскричал Веня, краснея. — Я не как ты!

— На что же держишь ружье? — спросил Чебыкин. — Охотничий билет есть?

Веня смешался.

— С рук ружье куплено...

— Для карточки, для фото! — засмеялся Славка. — Папе-маме в город послать. Во, мол, я — в тайге вкалываю, сплю с ружьем под подушкой... — Веня было вскочил, но Славка остановил его жестом. — Ладно, об этом потом! Перехожу ко второму пункту. Второе: как только я обнаружил забитого лося, поставил в известность бригадира. Было решено: пользоваться мясом, поскольку консервы кончились. Ну, кто отказывался от лосятины?

Он перевел дыхание, процедил сквозь зубы:

— Давай, Прометей, предъявляй сапоги. Будя дурака валять.

Сапоги сорок третьего размера оказались у Вени.

Парень бледнел и краснел, очки прыгали на носу.

— Я... я не виноват. Брал мясо, не отпираюсь. Ведь правда, ребята? Вы мне верите? Дядя Гриша, подтверди, ты посылал за мясом? Не я... честное слово, не я!

Растерялся Веня: на него, на одного него падает подозрение.

Петька, самый жалостливый, бодро воскликнул:

— Факт, не ты! Кто на тебя подумает?

Дядя Гриша понурился. Не посылал он за мясом. Наоборот, возражал всячески. Веня сам вызвался. Пошел и заблудился. В двух шагах от будки! Ну, километра нет до болота — и заблудился! Комнатный мальчик. Задурил голову романтикой, заносится, что добровольно пошел на стройку со школьной скамьи. А что Петьку, его же сверстника, горькая нужда погнала в рабочие? Или Славку нужда носит по стройкам? Допустим, Славка — особая статья. Но все же! И как он легко на товарища по бригаде понес: «Головой ручаюсь!» Но самого задело, сник — смотреть тошно. Вообще-то больше всех виноват бригадир. Старый дурень, не стоял на своем, допустил слабинку. «Мясо зря пропадает»... Вот и пропало!

— Котлеты жарили, — бормотал Веня. — Для всех. Ведь правда? Скажите вы, ребята, что я не лгу. Отбивные котлеты.

Славка сплюнул презрительно:

— Прокурору будешь объяснять, отбивной котлетник!

— Ну-ну, — пристрожил дядя Гриша, — дозволено. За работу, нечего время переводить. После смены детально разберемся. Давай, давай от костра. Никто за нас задание не выполнит. Двигаем по местам, двигаем, ребята.

Долгим пристальным взглядом в спину проводил он Славку, обронил глухо:

— На тракторе он бог. Сибирская школа! На стольких стройках участвовал мирового значения, что у тебя, Пал Палыч, на руках пальцев не хватит загигать.

Затрещал пускач трактора, добавил к сырому туману, к запахам дождя и палой листвы бензиновой синей гари.

Стайка синиц подлетела, с писком перепархивали они в сучьях березы у костра.

— А этот... Веня, что ли? — спросил егерь. — Он каков человек? Ружье у него придется конфисковать. Без билета не положено ружье держать.

— Не думай на него, — сказал дядя Гриша. — Не сможет. Пока что ничего он не может, в бригаде только место занимает, желанье добрых в нем много, меньше никак не дается.

Чебыкин открыл патронташ.

— Пули, Григорий.

— Есть и дробь, Павел. Рябчиков Славка носит. Для всех, как Веня бы сказал. Ты, поди, думаешь: почему я не заявил о лосе? Недосуг, вот что. Тянем нитку, ни с чем не считаясь. На сухарях сидим. Две недели в бане не бывали, не то что. Сроки поджимают. Опять же Веня у нас. Комнатный мальчик, не дается ему работа: что ни сделает, за него и придется переделывать.

На патронташе висели ножны. Чебыкин достал нож, трогал лезвие пальцем.

— Себя я не уважаю на егерской службе, Григорий. Геологи до вас были. Среди лета у каждого ружье либо винтовка-малопулька. Стыдил, совестил: били же что попада. Поймаю, протокол составляю по форме... Нельзя! Геологи! Как можно их привлекать? Задание ихнее сорвется! А сук, на котором сами же сидим, рубить можно? Расхищать природу можно? Своих, местных, приборал к рукам, никто не вольничает, так приезжие безобразят. Лось какой был, Гриша! Золотой был лось!

Шуршали, падали желтые листья.

Чебыкин застегнул сумку.

— Я ведь так... Постращал вас только. Для протокола нужны свидетели, веские улики. Где в тайге возьмешь свидетелей? Трудитесь, давайте ток. Заждались по деревьям свету.

Хмурился дядя Гриша, покусывая травинку.

— Кем на фронте был, Павел?

— Вековечный охотник, в полковой был разведке.

— Так какие тебе улики нужны? Раз ты разведка, то бди! — рассердился бригадир.

— Бдим, конечно.

Пал Палыч порылся в сумке и выложил берестяной рожок.

— Вабой его зовут. Кто умеет, этим рожком может за лося подать голос. Подобрал я рожок в кустах. Понятно? Возле забитого лося. Хищный, волчий способ — лосей на вабу брать.

Подался к нему дядя Гриша:

— Ну и что?

— Теперь ножик, — показал егерь нож

Славки.— На лезвии есть щербины. Этим ножом береста срезана для рожка. Совпадают неровности на лыке со щербинами лезвия. Можешь проверить.

Дядя Гриша отмахнулся:

— И так вижу: свое дело ты сделал.

Он покусывал травинку. Каменели на скулах желваки.

— А я на фронте был сапером.

Пал Палыч улыбнулся:

— А, сапер один раз в жизни ошибается!

Дядя Гриша не принял его шуточного тона.

— Конечно, саперу нельзя ошибаться.

Он угрюмо моргал.

— Жизнь, жизнь! А ведь Славка прав: рабочий класс — владыка мира, основа основ...

И резко обернулся к егерю:

— Так что? Суд? Вот тебе и владыки, без милиции не обойтись! А то Славку выгнать — пусть его другие воспитывают?

Костер постреливал угольками. Синицы копошились в сучьях, ронявших желтые листья.

Пал Палыч молчал. Наконец промолвил:

— Гляди, сапер. Твой Славка, как я подумаю, мина опасная.

Дядя Гриша встал. Носком сапога огрудил головни в костре.

— Добро, договорились. Если человек Славка, поймает меня. Не поймет — пусть на себя пеняет.

Скрипит елка, покачивается. Растопыривает сучья, нагруженная-перегруженная хвоей. Вчера всего щелку и приотворила она в гуще хвойной, пустила к себе: но-чуй без забот у меня за пазухой!

Обернувшись комом лишайника серого, помаргивает рябой из-под красной брови.

Комок лишайника — что с него взять? Угляди его, когда на иной елке лишайников больше, чем хвои!

Выстрелы, что ни день, гремят в ельнике, собаки лают охотничьи, ястреб в засадах караулит...

Худо в лесу. Равнодушен лес, широка его спина, без разбора прячет — кого ни попало.

Колыхает елка сучьями, побеги хвойные, как пальцы, во все стороны, вверх и вниз тычут: там беда, и тут и там.

Ах, если бы на одного был лес!

Он теперь ученый, усвоил, что почем в лесу. Брусника попалась и вся твоя. Песочница — опять твоя, ни с кем не делись. А того лучше, наземь не спускаться. Поклевал почек, и сыт. Жив, так радуйся. Не выставляться, спасаться надо: на березе кажись сучком, на елке — лишайником. Хвост... Хвост-то подожди! Вот... вот... Теперь удобно, покойно. Ты сам за себя, до других тебе дела нет.

Пусть другие песни поют, пусть их ястреба ловят, собаки на них лают!

Лес? А зачем он?

Голоден, то березы хватит, чтобы почек поклевать, с сучьев водой запить. Ночь приспела — в елку схоронись.

Когда ты сам за себя, как мало нужно для счастья!

Один рябой. Что надо, то при нем.

К березе елка склонилась, словно чтобы укрыть ее, белую, тоненькую, теплыми лапами.

Пешком, в три погибели сгибаясь, рябой перебрался с ветки на другую. Греется, распушив перья, вокруг озирается.

И встретились взгляды: карий, простодушный из-под красной бровки и желтый, пылающий огнем, каменный.

Подкрался ястреб бесшумно, зыркал из-за серого елового ствола: где рябой? Тут был и с глаз пропал.

Обмер рябчишка: вот она беда, легка на помине!

К счастью, на этот раз не высмотрел его ястреб. Продолжал засаду. Прилежен ястреб в засадах сидеть, его не учить добычу брать исподтишка.

Тянулись минуты.

Говор на просеке. Стук. Лязг железа. Все как обычно.

Трактор лишь что-то молчит. Давно уже не слышно трактора на просеке.

Обогрело солнце хвойное затишье. Шмель зажуужжал полосатый, силась в желтом цвете добраться до сладкого нектара.

Белка завозилась. Невдомек белке, что идет в хвойнике незримая, отчаянная схватка. Каково серенькому петушку минута за минутой сидеть, не шелохнувшись, под каменным взглядом ястреба?

Белка и подвела, уронив сверху шишку. Стукнула шишка рядом с рябым по хвойной лапе, не выдержал он, сорвался, хлопнул крыльями.

Ястреб не замедлил ринуться вдогон. Отчаянно махал крыльями рябой. Да

где ему тягаться с ястребом, маленькому с красными бровками, коль ястреб свободно бьет на лету и тяжелых глухарей и стремительных тетеревов.

Рябой вырвался на лужайку — и юрк под колодину.

Спрятался, а хвост наружу!

Сел ястреб. Мешали сучья нанести удар. Тогда он когтисто зацепил лапой, точно вилкой, и поволок рябого. «Кле-кле», — приговаривал ястреб просто-душно. Желтые каменные глаза горели. «Кле-кле», — будто уговаривал ястреб не сопротивляться. Рябой дернулся, пробил мох, вылез наружу с другой стороны валежины, оставив в ястребиной лапе пух и перья.

Побежал, семена ножками. Ему бы взлететь, возможно, успел бы скрыться. Спрятался бы — ведь любой сучок его пустит, любая горсть хвои или висячих мхов наготове держит для него шапку-невидимку.

Страх сковал крылья. Рябой был способен только бежать, верещая тоненько и жалко: «пиль-пиль-пиль».

— Кле-е... кле! — заорал ястреб, долговязо шагая, путаясь кривыми когтями в жухлой траве и мхах. Стой! Не уйдешь!

Вне себя от досады, запинаясь когтями ястреб, ковылял, распутив крылья. Стой!

Все же рябому удалось взлететь. Взлетел и ястреб.

Брызнули синицы с елки.

Затрещали дрозды, врассыпную с рябины кто куда: ястреб в лесу!

Как иголкой прошивал рябой хвойный заслон... Напрасно. Не уйти.

Слома голову он вылетел к линии электропередачи. Просека была широкая. Ничто на свете не заставило бы рябого покинуть хвойный заслон, да с чем считаешься, когда смерть висит на хвосте?

Рябой опережал ястреба на один бросок. Взмах широких ястребиных крыльев, и все будет кончено.

Ветер свистел в широких крыльях. Когти ястреб расправил, желтые лапы вытянул, примеряясь: куда ему ударить.

Были на просеке люди.

— Смотри... смотри! — раздались голоса.— Ястреб рябка гонит!

— Ого-го-го! — закричали на просеке.

Кто-то кепку вверх бросил.

Прянул ястреб в сторону, низко помчался вдоль просеки. Охота была сорвана.

Места за просекой низменные. Кустарник. Луга. Лиственные перелески. Рошцы, вплотную примыкающие к полям... Поля и поля. С самой высокой березы виделись рябому поля и деревни.

Он был один. В перелесках у полей не водятся рябчики.

Собственно, полное одиночество невозможно. Перелески были густо заселены. Прежде всего сойками. Летали они порознь и стаями, поднимали суматошные вопли по малейшему поводу: нашли брошенную соевой мышью — орут без умолку, точно невесть какое сокровище попало им под черный нос; заяц проскочит перелеском — орут. Но сороки еще хуже, только увидят, сразу привяжутся, приставали они и нахалки.

Хлеб с полей убран, солома сжжена к фермам.

Тракторы пахали поля под зябь. Сперва их сопровождали грачи, искали червей. Потом место грачей около тракторов заняла лиса. В сумерках постоянно отиралась на пахоте. Если грачи с леной перелетали сзади плугов, то лиса сновала впереди трактора и чуть сбоку: наверное, шум машины пугал, плуги выгоняли из норок мышей, и рыжая ловко использовала это обстоятельство. Держалась лиса настороже: чуть трактор сбавлял ход, она улепетывала подальше.

Как-то появилась лиска, худенький долговязый подросток. Рослая матерая лиса с ворчливым лаем выпроводила ее вон. Мало того, сильно покусала.

Скоро холода и снег. Не заставит себя ждать стужа, и в полях, погребенных под снегом, каждая мышья будет на счету.

Зима стучится в лес голой веткой по голой ветке...

Пух на ножках отрос, достигая пальцев, и когда рябой укромно хохлился где-нибудь в гуще сучьев, то казалось, что он в пуховых валенках. На пальцах кожистые зубчики отвердели: пешком ходи по любой обледенелой ветке и не поскользнешься. Близится пора стуж лютых, коль рябой переобулся в валенки потеплее; пора обледенелых веток близка.

Нашелся в перелесках ручей-болтун, купаленка отыскалась — старое кострище с мягкой золой. И елки попадаются — есть где ночевать, и кочки с брусничкой — есть где подкормиться...

Только ни разу луга низменного ополья не слышали зазывный, нежно тающий напев:

— Петь-петь, петь-не-перепеть!

Рябой был сыт. Никто его не беспокоил: сойки и сороки не в счет.

Достиг он, чего желал, был один и было ему постыло, было одиноко, и он догадывался, что никто-никто не разделит его одиночества.

Худо... Худо жить украдкой, в вечных прятках!

Бессчетно вылетал рябой к просеке.

Широка граница, залегшая между луговым ополем и родимым хвойником, никак ее не одолеть. Никак-никак... Никак не решиться птице лесной, пугливой остаться без хвойного заслона.

Работы на линии завершились. Дежурный электрик пройдет, насвистывая, старухи за клюквой к болоту, и снова никого: провода гудят, на столбе ястреб сутулится...

Ночью ныла незажившая царапина, оставленная его когтями. У самой елки, где прятался рябой, шныряли совы, жутко вспыхивали их очи во мгле под колючими звездами. Опавшей листвой шуршали мыши, горностаи юлил, пролазчивый, как змея, и допоздна не гасли в деревнях огни, мерцавшие из-за полей сквозь жидкие ольховые куртины.

Под звездами, глухой полночью, ушел куда-то последний караван лебедей. Высоко летели невидимые лебеди. Сова шныряла на пуховых крыльях, горностаи в корневищах ольх коготками царапали — эти ночные звуки, шорохи покрывал собой звон серебряных труб с неба:

— То-гонг... Клип-понг!

Снег выпал той же ночью, под утро. Густой, рассыпчатый — на голые березки, на тусклую ольху, на зеленые полянки с осевшими под дождями стогами сена.

Рябой побродил, слушая хруст собственных шагов и поминутно оглядываясь на следы. Следы он тянул прямо, точно по линейке. Брусники пощипал, твердой, как дробь, под елкой собирал семян и пешком направился к линии электропередачи.

Повитый стылым туманом, лес-хвойник за просекой за ночь состарился. Седой, притихший, он звал и манил — к елкам, к оврагу и той брусничине спелой, которая под снегом ушла, не дождалась, кто бы ее склонил.

Рябой решил. Он шел, вытягивая сторожко шею, и топорщил вставший дыбом вихор. Ему было страшно, он цепенел от ужаса — рябой, седо-пестрый на белом, белом снегу.

Не выдержал и побежал, пригибаясь. Наконец вспорхнул, загремев крыльями, когда желанный хвойник стал ближе. Вот я! Громыхнул он крыльями: вот... вот я вернулся!

Никто ему не отозвался.

Или пешком, походя склевывал что-нибудь съестное, или короткими шумными перелетами от елки к березе, от березы к елке уходил рябой дальше и дальше в глубь хвойника.

Что ему встретится в темных лесах и белых снегах?

ДОНСКАЯ «АВРОРА»

Донская волна набегает на берег, закованный в гранит и железобетон, ударяется о него, вскипает, пенится. Летят холодные брызги. Но ребята не обращают внимания на осеннее буйство стихии и не торопятся спрятаться от пронизывающего ветра. Ведь они впервые приехали из поселка Шолоховский в порт пяти морей. Так называют теперь Ростов-на-Дону.

Морские красавцы-лайнеры на рейде, гигантские портальные краны, сказочные мосты через величавую песчаную реку, многоэтажные дома современной архитектуры, сбегające по крутому склону к самому берегу... Глаз не оторвешь.

— А вот здесь осенью 1917 года была пришвартована яхта «Колхида», корабль, первым на Дону принявший позывные революции, — продолжает рассказ экскурсовод, участник трех русских революций Михаил Антонович Шумный. — Судьба ее чрезвычайно интересна.

— Расскажите, пожалуйста, — просят следопыты.

— Сведений о «Колхиде» очень мало, — заметил Михаил Антонович. — Вот вам бы и завягаться поисками, друзья, восстановить историю корабля.

Тогда-то следопыты школы № 2 поселка Шолоховский и решили пройти по следам донской «Авроры». Поиск продолжался не один год.

Вот что удалось узнать ребятам.

...Солдат-радиот посылает в эфир короткие слова: «Всемир! Всемир! Всемир!» Настоячивые позывные самой мощной в России радиостанции в Царском Селе под Петроградом настрожили радистов всего земно-

го шара. Приготовились к приему чрезвычайного сообщения и на яхте «Колхида», что стояла на рейде у Ростова. Матрос Кузьменко принял к ленте. Карандаш лихорадочно бежал по бумаге: «В России революция! Министры Временного буржуазного правительства арестованы. Керенский бежал. Вся власть перешла в руки революционного народа!»

Из воспоминаний ветерана А. А. Френкеля школьники узнали, что матрос «Колхиды» тогда доставил историческую радиogramму в городской Ростов-Нахичеванский Совет. Ростовский телеграф в это время находился в руках белогвардейцев, и радиорубка «Колхиды» оставалась единственным пунктом связи с Петроградом.

— И мы стали тайком получать первые декреты Совнаркома, отчеты заседаний ВЦИК, — рассказал А. А. Френкель. — Не раз по ночам ходил я в радиотелеграфную будку и дожидался в этой ярко освещенной и заставленной аппаратами комнате, пока матрос не расшифрует телеграмму.

В областной библиотеке имени Карла Маркса следопыты просмотрели пожелтевшие страницы газеты «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов» за ноябрь 1917 года. Это на ее полосах печатались первые декреты Совнаркома, радиотелеграммы, принятые «Колхидой».

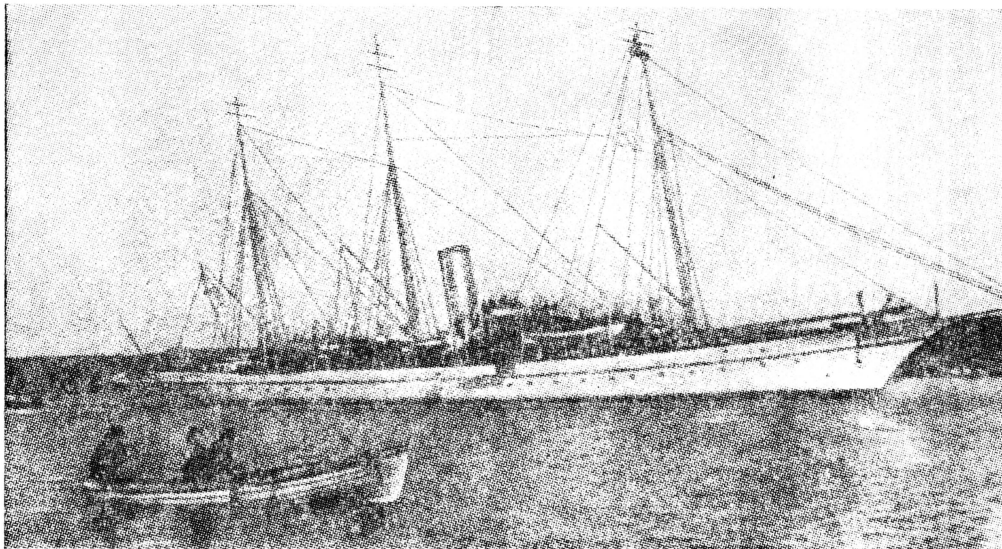
На борту «Колхиды» позже находился ростовский ревком — штаб донского пролетариата.

Еще в самом начале поиска группа ребят побывала в Ро-

стовском музее краеведения. Здесь они увидели огромную модель белоснежной яхты, познакомились с фотокопиями исторических документов, подписанных В. И. Лениным. Следопыты узнали, что 27 ноября 1917 года на яхту «Колхида» прибыл с поручением В. И. Ленина член Реввоенсовета республики А. С. Бубнов. Из радиорубки Кузьменко он ежедневно докладывал Совнаркому о борьбе против белогвардейщины на Дону.

В областном архиве юные следопыты обнаружили телеграмму, переданную В. И. Ленину 27 ноября с борта «Колхиды». В ней говорилось: «Нападение юнкеров на Совет, организованное генералом Потоцким в ночь на 26-е, явилось началом вооруженной борьбы. В Ростове весь день 27-го идут ожесточенные схватки. Утром прибыли юнкера из Новочеркасска, которые заняли станцию Нахичевань и повели наступление на бараки 252-го полка, но были отбиты и откинuty к станции, около которой по линии Кизитеринка — Нахичевань идет непрерывный бой. Потери с обеих сторон значительные; одновременно идет бой за станцию Ростов, где засели юнкера с генералом Потоцким. Черноморская флотилия обстреливает линию Кизитеринка — Нахичевань... Насторожение наших частей твердое и бодрое».

Революционная пламя вихрем сметало с донской земли белогвардейскую нечисть. Ростовский пролетариат 28 ноября установил в городе Советскую власть. Из радиорубки «Колхиды» снова летит теле-

грамма В. И. Ленину, подписанная А. С. Бубновым: «В ночь на 28 ноября станция Нахичевань захвачена войсками Военно-Революционного комитета. Юнкера отступили по направлению к Новочеркаску. Нами взяты броневые машины и различные припасы. Утром 28 ноября юнкера были выбиты со станции Ростов. Казаки сдались. Генерал Потоцкий и его штаб арестованы... Днем юнкера во главе с Каледниным повели наступление на линию Нахичевань — станция Александровская, действует артиллерия. Идет непрерывная перестрелка. Черноморская флотилия подбила несколько орудий».

Следопыты заинтересовались дальнейшей судьбой «Колхиды». Но прежде несколько слов о родословной судна. В конце XIX века, именно в 1898 году, на воду была спущена яхта с лермонтовским названием — «Тамара». Она принадлежала царской семье. Перед первой мировой войной один из последних дома Романовых — великий князь Алексей Михайлович выгодно продал корабль военно-морскому ведомству. Новые владельцы нарекли его «Колхидой». В годы первой мировой войны яхта плавала в Черном и Азовском морях. Ее экипаж не раз участвовал в смелых рейдах против врагов

России. События революционного 1917 года застали «Колхиду» в Ростове-на-Дону, куда она еще в 1916 году пришла на ремонт.

В начале 1918 года силы белоказаков и германских империалистов объединились в один контрреволюционный лагерь. Ростов оказался в руках войск Каледина. Яхта «Колхида» вместе с Черноморской флотилией двинулась к Азову, но провратиться на юг не смогла и была захвачена белогвардейцами. В 1920 году, убегая из Крыма под натиском Красной Армии, яхту захватили белогвардейцы. Из Севастополя судно ушло к берегам Болгарии. После этого следы его надолго затерялись.

И вот снова из школы полетели в разные концы страны письма, запросы, уточнения, справки. Теперь стало известно, что яхта «Колхида» в декабре 1920-го затонула возле села Бялы под Варной, в Болгарии, напорвшись в море на каменную гряду у мыса Кара-Бурун (по-турецки — «Черный мыс»).

Поиски «Колхиды» привели следопытов в военно-морской музей города Варны. Вот что сообщили в поселок Шолоховский научные сотрудники музея:

«Скрытый на небольшой глу-

бине остов корабля пролежал на дне морском 50 лет. Сейчас он поднят. Правда, отдельные части корабля были подняты раньше. Например, в 1922 году для военно-морского музея в Варне болгарские водолазы сняли с «Колхиды» нактоуз, металлический шкаф с судовым компасом и навигационными приборами, носовое украшение».

О «Колхиде» помнят на Дону, о ней знают на Балканах. Болгарский поэт Владимир Голев напечатал в газете «Работническо дело» поэму «Яхта «Колхида», посвященную легендарному судну.

Случится вам побывать в Ростове-на-Дону — спуститесь к Дону. На одном из портовых зданий на берегу установлена мемориальная доска в память о героических подвигах моряков легендарной яхты. На мраморной плите золотыми буквами написано, что экипаж этого военного судна активно участвовал в революционных событиях. Выстрелы с «Колхиды» возвестили всему Дону о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому «Колхиду» по праву называют донской «Авророй».

П. КОВЕШНИКОВ,
руководитель поиска

Стол с секретом

На первый взгляд — это самый обычный стол: четыре ножки, столешница, выдвижные ящики. Но если вы обратитесь к следопытам 17-й восьмилетней школы города Риги, то они расскажут вам много интересного об этом старом столе. Вы узнаете, что в одном из его ящиков находился тайник, в котором хранились прокламации, что изготовил стол в 1920 году столяр Клерекис, что находился стол в квартире его сына революционера Рудольфа Клерекиса.

Рудольф и его жена Анна были членами Рижской нелегальной организации Коммунистической партии Латвии. Они хранили и распространяли нелегальную литературу, в их доме изготовлялись красные флаги, писались лозунги. Не один раз шпики обыскивали квартиру, но ничего обнаружить не могли. Они не подозревали, что стол, на котором оформлялись протоколы обысков, набит той самой литературой, которую они ищут.

Не так давно стол с секретом был торжественно передан Музею истории города Риги. Присутствовал при этом и сам Рудольф Клерекис, которого также разыскали следопыты.

За три дня до штурма Зимнего

Вот какое сообщение прочитали в старой газете следопыты Дома пионеров города Котовского в Молдавии: «В имении Морешены председатель земельного комитета Собор, извратив предписанное ему указание, послал массу вооруженных крестьян на экономическую землю, где работали плуги. Крестьяне потребовали немедленно прекратить работу, заявив, что земля принадлежит им, а владелица может убираться. Когда же приказчик стал удерживать рабочих, посланные Собором, крестьяне привели свои угрозы в исполнение». Под заметкой стояла дата 22 октября 1917 года. Это сообщение о захвате крестьянами земли появилось за три дня до исторического залпа «Авроры».

Ребята, естественно, заинтересовало, как дальше развивались события? Кто такой Собор? Следопыты начали поиск, и вот что они узнали.

Весной 1917 года в Ганчештах был создан Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По решению Совета крестьяне окрестных сел отбирали землю у помещиков, создавали земельные советы. Председателем такого совета в Ганчештах был И. А. Собор.

Десятки сел обошли ребята, выслушали рассказы старожил и наконец нашли сына и дочь Собора. Школьники записали воспоминания детей об их отце, Иване Александровиче.

Сотни архивных документов, рассказов очевидцев собрали ребята о революционных событиях в районе.

В сельском музее

Членский билет делегата Кокчетавского ударного съезда Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Ивана Андреевича Баева. Выдан в январе 1918 года.

Это один из многочисленных экспонатов сельского школьного музея. Музей открыли ребята в колхозе «Ленинский» Тимирязевского района Северо-Казахстанской области.

Иван Андреевич Баев — председатель первого волостного Совета. В дни колчаковщины он партизанил, был несколько раз ранен и однажды пленен белыми. Сельского коммуниста приговорили к расстрелу, но он бежал накануне казни. И. А. Баев воевал за власть Советов до 1921 года, пока тяжелое ранение не вывело его из строя.

Четыре года длился поиск сельских следопытов, посвященный героическому прошлому отцов и дедов, создававших первое в мире социалистическое государство.

В экспозиции сельского музея — памятные грамоты передовиков колхозного производства, их фотографии; собрание открыток и плакатов Великой Отечественной войны, самодельное оружие времен гражданской войны.

СТУДЕННЫЙ БАЙКАЛ

Очерк

К мысу Покойники

Поплыли!

Поплыли мы на северный Байкал, к далекому мысу Покойники, считать медведей. Как говорят охотоведы — провести учет численности.

Растворилась в утреннем тумане плотина Иркутской ГЭС, все тоньше, короче становится игла телевизионной вышки.

Убегаем из пыльного июньского города. С веселой душой покидаем его асфальтовые улицы, дребезжащие трамваи, вечернюю толкотню у гастрономов и кинотеатров.

Плывем в лодке. Нас трое и три собаки: Пальма, Загар, Саян. Лайки, видно, радехоньки пуще нас, что оказались на воле. Они замерли — стоят на задних лапах, положив передние на кромку высокого борта, только подрагивают влажными носами и втягивают в себя текущие с ближнего берега живые запахи леса.

Посудина у нас большая — метров шесть от кормы до носа и метра три в ширину. Установлен на ней стационарный мотор, дизель в двадцать лошадиных сил. Грузоподъемность — три тонны. Крейсерская, то бишь самая выгодная по расходу горючего, скорость — 12 километров в час. Не очень, конечно, «крейсерская». Зато весьма надежна эта мореходка, уважают ее на Байкале. Все местные рыбаки называют ее «Дора», или «Матадора». Что сие означает — никто не растолковал, сколько я ни спрашивал. Потом уже вычитал в одной книге, что это значит — моторизованная лодка системы «ДОРИ», сокращено — «мото-дори». Не звучит! Поэтому буду и я называть ее женским именем «Дора». Тем более, что по форме напоминает она женские ладони, сложенные лодочкой. А потом — в самом слове есть что-то успокоительно-добротное. До-о-ра...

Мы плывем вверх по Ангаре, Байкал еще не скоро.

Отстояв часовую вахту, Виктор Носырев передает мне руль:

— Главное — следи за температурой воды. Видишь приборный щиток? Видишь циферблат? Смотри, чтобы стрелка не перескочила за восемьдесят. Если что — зови меня. Ну, и гляди по курсу, чтоб на бревно не напороться. Держи вот на тот мысок. Задача ясна? Выполняй!

Я крепко сжал железный рулевой рычаг и с прищуром, ответственно поглядел вдаль по курсу.

Так произвели меня в матросы. А накануне меня назначили... Впрочем, надо соблюсти субординацию. Капитаном у нас — Виктор Носырев. На эту должность никто, кроме него, и не мог претендовать, поскольку остальные сроду не имели дела с Байкалом, а Носырев работал в рыболовецкой бригаде, водил по Большому и Малому морю собственный катер, который извлек из моталолома и воскресил героическими усилиями.

Боцманом так же единодушно был назван Юрий Михайлович Барановский. Единодушно, потому что не было среди нас человека, более подходящего по комплекции: Юрий Михайлович — крупный мужчина. И возраст у него авторитетный — 45.

А поскольку ни одна экспедиция не может обойтись без заведующего харчами, поскольку я оставался один без должности, меня и назначили завхарчем. Теперь я должен следить, чтобы не утонули ненароком лавровый лист, перец, лук, чеснок и самое ценное — чай. Чай — гениальный напиток! Без чая не продержалось бы и неделю, вымерло бы разношерстное племя таежников.

Экспедицию нашу организовало государственное лесохозяйственное хозяйство «Байкал», короче сказать — ГЛОХ «Байкал». Начальником у нас будет заместитель директора ГЛОХа Евгений Сорокин. Пока плывем без него, он догонит позднее, берегом, на машине. Мы делали небольшую остановку в Большой Речке, где базируется ГЛОХ, и Сорокин сказал нам напутственное слово: «До встречи в Покойниках!»

Если уж раскрывать все карты, следует еще кое-что рассказать об участниках экспедиции. Юрий Михайлович Барановский работает старшим научным сотрудником Восточно-Сибирского

отделения ВНИИОЗ — Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства. Он у нас главный консультант по медведям. А Виктор Носырев недавно принят егерем в ГЛОХ «Байкал», поставили его на северный, самый дальний участок хозяйства, в медвежий заказник, куда мы и держим путь. А лично я встал в это путешествие в качестве журналиста-фотографа. Я, правда, не нанимался делать фотопортреты самого «хозяина» тайги, но следы его крупные имею решимость запечатлеть.

...На четвертый день путешествия Байкал задал «Доре» нешутейную трепку. Только мы вошли в Малое море, как разыгралась волна. Вроде бы и небо мирно-голубое было, и «верховик» дул совсем не напористо, а волны двигались на нас с севера двухметровые. И запрыгала наша шаланда, полная соллярки, — пять бочек горячего было в нее загружено. Корма проваливалась, нос задирался торчком. Ощущение — как на качелях. Только бы не встала расшива наша на попа. Только бы не отказал мотор. Только бы не раскатились бочки, не передавили собак, вымокших под холодными брызгами. В общем, с непривычки, как говорят, — волнительно.

Тихо вдруг стало — замолк мотор.

— Вода закипела в двигателе, проморгали! — чертыхнулся капитан Носырев.

— А куда править, Виктор? — ухватился я за тяжелое весло.

— Теперь стихия будет править, — сказал сузовый капитан и полез под мотор что-то отвинчивать. Юрий Михайлович двинулся ему помогать. Хорошо, что оба они разбираются в двигателях.

Барановский и Носырев оба когда-то были в авиации (прятагельная, надо заметить, служба!), а теперь вот оба таежники, только один со стажем и опытом, а другой начинающий.

Лодку сразу развернуло бортом к волне и стало раскачивать, как люльку, — того и гляди, черпанет воды. Может, потому, что качка переменялась, или потому, что осточертело так долго жить на воде, — завывала в этот момент самая старая из наших лаек — Пальма. Тоскливо, как на зимнюю луну, завывала.

Барановский прикрикнул на нее по-боцмански — замолчала собака. Немного погодя он же сказал:

— Собакам тяжело даются путешествия. Но и дома они мучаются. Нельзя их держать в городе.

Я подумал: мучаются в городе не только лайки. Я подумал о себе, о своих попутчиках — с какой радостью бежали мы из города к воде и лесу! Точно так в знойный полдень бегут, ломаются сквозь кусты ребятишки, завидевшие спасительный ручей; бегут, чтобы упасть перед ним и приникнуть сухими губами к чистой живительной струе.

Блудные сыновья природы, мы все больней и боязней ощущаем, сколь неосмотрительно отдались от своей прародительницы, и все желанней для нас покаянное возвращение: не заплутаться бы, не потеряться бы среди машин... «Я хочу в лес!» — «Все хотят в лес...»

Да, все мы, городские жители, бежим к ручью — в мыслях, в мечтаниях. Мало у кого хватает духу расстаться «со всеми удобствами».

Один знакомый мне литератор, большой теоретик таежных промыслов, нередко при встрече угрюмо цитирует: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» И — никуда не убегает...

Впрочем, подумал я обо всем этом сейчас,

сидя за столом, а тогда, в минуты бортовой качки, в голове другое было. «А далеко ли до берега?» — прикидывал я. До берега было недалеко, но все равно это не успокаивало. Дело в том, что нашу «Дору» силами экипажа не вытащить на песочек, как плоскодонку: грузоподъемность у нее большая, да и собственный вес немалый. К тому же на песочек был близости, а типично байкальская скальная стена. Не пристанешь.

До того, как заглох мотор, я любовался ольхонскими скалами, расцвеченными охряным лишайником и похожими на гигантскую древнюю мозаику. А теперь глядел на них вовсе не восторженными глазами. И совсем уже нехотел вспомнил рассказ одного старожилы. Будто бы когда-то давно где-то здесь, на Ольхоне, разбила «сарма» две баржи с людьми, потонуло сразу чуть ли не двести человек, и потом еще долго, в течение многих лет, страшные находки в прибойной полосе напоминали местным рыбакам о трагедии.

Нас Байкал миловал. Завел капитан остуженный мотор, поплыли дальше. Вперед. Как гозорится, навстречу шторму. Потому что другого выхода не было. А волны еще выше стали громоздиться, корму подкидывало так, что винт надрывно молотил воздух.

На наше счастье, подвернулась на пути бухточка. Там, с подветренной стороны, мы и отсиделись.

Вечером пришли в Хужир — рыбацкую столицу Малого моря, главный населенный пункт острова Ольхон. Ночевали снова на берегу, возле «Доры». В ногах — Байкал, в изголовье — голыши, прикрытые для мягкости резиновыми сапогами, и прямо в лицо — звезды.

Мы лежали у подножья Шаманки — самой, пожалуй, красивой скалы на всем озере. Самой друга дымчатого хрусталя, выметнулась она из зеленой воды. Когда-то были здесь древние стоянки — свидетельство безусловного эстетического вкуса угрюмых низколобых предков. А нынче Шаманка — место летнего паломничества туристов, и, к сожалению, многие расписываются на скале масляной краской... в своем диком безвкусию.

К нечи совсем угомонилось море. На воде — тишь да гладь. Медно-красный закат все еще тлел, не сдавался темноте. Низко над водой горела Венера — небожители рыбу лучили.

...И снова плывем. Курс — на Онгурен, поперек Малого моря. Пусто на воде, не видно ни лодок рыбацких, ни катеров. Только чайки кое-где качаются, как бумажные кораблики. Изредка показываются утки. Вот спешит мама-турпан увести свой выводок подальше от опасного шума мотора, утятя улепетывают мелкими короткими нырялками. Вот стайка морской чернати почти без разбега легко снимается с воды. Впрочем, одна утка замешкалась почему-то, бежит, бежит и никак не может взлететь. А что это она делает? Она суматошно, на бегу начинает выбрасывать из зоба рыбешек, одну за другой. Видно, пожадничала и затжелела. Но вот и она поднялась.

Справа по курсу показался большой черный лакированный поплавок. Он чуть подпрыгнул и утонул — будто клюнуло. Это нерпа. Любопытное животное: обязательно нужно высунуться и подглядеть, что за люди плывут.

Опять нас зацепил «верховик» и загнал в тихое место за каменную косу. Но большой пролив, именуемый Малым морем, к счастью, был уже позади.

Переночевав на стане чабанов-бурят, мы закупили продуктов в Онгурене и отправились дальше. Плавание шло к концу, до Покойников оставался один переход.

Горы на берегу стали заметно выше. Кончился Приморский хребет, начинался Байкальский. На смену зеленым ручьям травы на серых холмах пришли белые ручьи снега в расщелинах скал. И мы ощутили дыхание снега.

— Холодная красота, — сказал Барановский, запахивая куртку из шинельного сукна.

— Холодный рай, — сказал Носырев, натягивая лыжную шапочку из верблюжьей шерсти. — Тут и собакам надо «северные» платить.

Да, мы замерзли на Байкале в середине лета пуще, чем зимой в городе. От воды постоянно несло как от ледника, искупаться и не подумаешь. А если и загорали когда, то одним боком, прикрывая другой от северного ветерка брезентовой курткой. А то вдруг туманы наваливались — промозглые, как поздней осенью. Шапка, телогрейка, ватные брюки и меховые варежки — вот самая подходящая форма одежды для всех сезонов на Байкале. Во всяком случае, нельзя без такой одежды пускаться в плавание на рыбацких лодках. Мы убедились в этом.

В семь часов вечера, на шестой день путешествия, подходила наша «Дора» к мысу Покойники. Издалека увидели мы деревья, которые стояли в воде. Они были согнуты и словно бы шли, склонившись, друг за дружкой к Байкалу. Они напоминали скорбную толпу, которая провожает кого-то в последний путь. Впрочем, не ис-

ключено, что такую картину просто наваяло нам невеселое наименование мыса.

«А почему так назвали — Покойники?» — не раз спрашивали у нас туристы. «Видно, когда-то был для этого серьезный повод», — отвечали мы. Во-первых, все здешние мысы — Рытый, Шартла, Покойники, Заворотный — давно пользуются дурной славой: они полого сходят на нет и нацелены в море, словно меч-рыбы, напоротся на них нетрудно даже при легком тумане. Не случайно у мыса Рытого есть второе — бурятское — имя Хыз-Хушун, что означает — мыс сердитого бога. Во-вторых, на Байкале редко-редко встретишь такого человека, который может рассказать: «Я вот однажды тонул...» Если случается в море беда, не помогают и спасательные круги — коленеют люди в студеной воде. Так что наверняка были «основания», когда мыс назвали похоронным словом.

В Онгуренском сельсовете мне сообщили, что отныне на картах будет значиться не «Покойники», а «Солнечный». Честное слово, я расстроился. Мое воображение, может быть, с детства притягивали эти мистически загадочные Покойники. Опоздал, значит? Но выяснилось, что переименовали только название метеостанции на этом мысу.

Было на карте северного Байкала и еще одно колоритное русское слово, напоминавшее о судьбе «ангаршины», подневольного племени рыбаков, — Горемыки. Так назывался небольшой поселок. Теперь он переименован в Байкальск. Дальше фантазия не пошла. И появилось на Байкале два Байкальска.

Украшают священные берега две бухты с

Остров Ольхон

Петли из троса

удивительными именами — Ая и Аяя. Не нужно быть лингвистом, чтобы уловить в самом звучании слов восхищение наших предков красотой озера. А переименовать на современный лад, конечно, и это можно. Скажем — бухта Радости, бухта Счастья. Только не стоит переименовывать, речь ведь идет не просто о словах, а о малых затесках истории. Исчезнут они — и менее ощутимой станет древность сибирского моря. Жаль Горемык-то...

«ПРИБЫЛИ ПОКОЙНИКИ ЖИВЫМИ» — такую телеграмму своим домашним сочинили мы сообщая. Но отправить не смогли: за неимением почты. На мысу не было ничего, кроме трех жилых домов для работников метеостанции. Мы решили устроиться в некотором отдалении, в маленьком заливе, где будет себя чувствовать спокойно наша «Дора», где наши собаки не станут общаться с местной сворой.

Маленький залив. О, это была Венеция! Посреди залива, метрах в тридцати от берега, красовался бревенчатый домишко под шиферной крышей. К нему вели мостки — этакий погорбившийся тротуар на сваях. А сама хижина стояла на фундаменте из байкальских камней. Заметный крен влево не уродовал ее, а придавал еще больше картинности. Не жилье — загляденье.

При близком осмотре зимовьюшка оказалась хоть куда. Стены были надежно законопачены, единственное окошко не имело стекол, но надежно прикрывалось ставней. На деревянном полу свободно могли улечься и даже вытянуть ноги три-четыре человека. Словом, эта «избушка на курьих ножках» была наградой за все лишения, которые мы претерпели на «Доре».

...Утром, когда уже рассвело, проснулся я от стрекота крыльев. Подумал — утки прилетели. Но стрекот опять повторился и совсем близко. В дверном проеме (а мы не закрывали дверь на ночь) мелькнула быстрая тень, и над косяком затрепетали крылья. Летучая мышь? Нет, оказалась ласточка.

Я выбрался из спальника и обнаружил, что внутри избушки, именно внутри, над дверным косяком слепили гнездо ласточки.

Доминок строили для себя метеорологи, раньше в нем был установлен счетчик-самописец («Валдай», который фиксировал уровень воды. А нынче будка стояла без дела, пустая, с распахнутой дверью. Вот и облюбовали ласточки место, где не дует и не каплет.

Подвиньтесь, ласточки, — люди пришли. («Подвинься, товарищ тайга!» — была такая лихая рубрика в одной молодежной газете). Благо, яиц в гнезде еще не было, и ласточки без лишнего писка переселились на улицу, под крышу. Они работали от сумерек до сумерек и за три дня слепили себе новую хатку.

А мы отдыхали после морского перехода. Все-таки не близкое совершили путешествие — 400 километров покрыла наша «Дора». Мы азартно ловили спиннингами хариусов. Клев был бешеный. Мы готовили себе рыбу в разных видах — варили уху, жарили на сковороде, пекли на рожне, как говорится, в собственном соку, и солили: малосольный хариус — объедение. Собакам варили мучную болтушку, в которую добавляли — для вкуса — мелких хариусов.

По-хорошему встретил гостей мыс Покойники. «Кормное место», — определил Юрий Михайлович на своем охотоведческом языке.

Ну, а теперь пора объяснить, для чего и кому это понадобилось — проводить учет численности медведей в отрогах далекого Байкальского хребта. Я повторю: организатор нашей экспедиции — ГЛОХ «Байкал». Тому, кто бывал на западном берегу озера, наверняка встречались большие фанерные щиты с надписью: «ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЛЕСОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО «БАЙКАЛ». ВСЯКАЯ ОХОТА, НАТАСКА И НАГОНКА СОБАК ЗАПРЕЩЕНА». От Култука на юге до Елохина мыса на севере, где проходит граница Иркутской области и Бурятии, разметнулись таежные угодья этого хозяйства. Его создали несколько лет назад, а до этого огромная прибрежная территория — почти полмиллиона гектаров — была практически безнадзорной, «опекаемой» одними лишь браконьерами. ГЛОХ все еще перемогает организационный период, и учет численности животных в его владениях — своеобразная инвентаризация имущества.

Как-то еще весной попалась мне в руки новая туристская карта Байкала. На ней в левом углу был нарисован медведь, этакий симпатичный увалень, и написаны слова: «Прибайкалье издавна славится бурными медведями». Теперь я исправил бы подпись — не «славится», а «славилось». Зачем зря пугать туристов?

Наша экспедиция работала в тех местах, которые прежде считались наиболее густо населенными медведями. И время для учета было выбрано самое подходящее — первая половина лета. Именно в этот период наблюдались раньше «коллективные выходы» зверя на морьяны — открытые безлесные склоны прибрежных гор — да и прямо на береговую полосу, к воде: на морьянах дикий чеснок появлялся, а вдоль уреза воды, на камнях скапливались целые колонии ручейника, или, как говорят местные жители, — метляка. Кстати, эти крылатые насекомые обычно примагнивают к берегам косяки хариуса, а иногда и омуля. Но почему же мизерными невесомыми букашками интересуется сам «хозяин», животное-громадина? Оказывается, ручейник — высокобелковый корм. Зачем брезгать букашками, если они кишмя кишат и можно загрести их лапой, как лопатой.

Вот почему, какой бы ни был урожай в тайге, а в те летние дни, когда личинки ручейника превращаются в крылатых насекомых, всплывают и мчатся, глуссируя, к берегам, чтобы позаботиться о продолжении своего рода и тут же умереть, — в те дни медведь непременно спускается с гор, будто чует издали лакомый подарок Байкала. Потом он снова поднимается в гольцы и переключается на другое питание — поспевающие ягоды и шишки кедрового стланика.

Охотники и рыбаки из ближайшего от Покойников села Онгурен рассказывали нам, сколько было медведей раньше: за один вечер, проплывая на лодке вдоль берега, можно было увидеть 8—10 зверей. И на мысе Покойники метеорологи не чувствовали себя спокойно. Маленькая женщина, жена начальника метеостанции Бурмейстера, вспоминала, что доводилось сталкиваться с медведями нос к носу, но старалась жить с ними мирно, добрососедски. Заезжие охотники вели себя, конечно, иначе, и одного из них едва не задрал «хозяин» совсем неподалеку от метеостанции. Помня о том, что к охотничьим балладам многие испы-

Бухта Аяя

тывают устойчивое недоверие, не стану пересказывать местные трагикомические истории. У нашей экспедиции не было оснований сомневаться в них — в качестве красноречивых подтверждений валялись на мысу два медвежьих черепа.

—...С медведем шутки плохи,— сказал Юрий Михайлович Барановский однажды у вечернего костра, когда мы смотрели, как выкатывается из Байкала большая луна, похожая на медный таз.

Только приготовился он рассказывать, как залаяла Пальма, самая опытная из наших лаек. Барановский цыкнул на нее — Пальма отбежала от костра в сторонку, нацелилась носом на черные против заката вершины и опять загавкала, негромко, будто понарошку. Эхо в горах звучало сильно и чисто—казалось, там отбредивается другая собака. Потешно переругивались они — Пальма и эхо.

— Вот дура — сама на себя лает! — обиделся Виктор Носырев на свою соболяницу.

— Видать, от тишины спятила, — предположил Барановский. — Так я вам хотел насчет медведей...

И он рассказал о трагедии, свидетелем которой выпало ему стать. У одного студента-охотоведа тема курсовой работы была связана с медведями. Летом уехал он в саянскую тайгу собирать материал. Рискованное занятие — изучать следы самого сильного зверя тайги. Однажды студент не вернулся из маршрута. Немало ушло времени на поиски, пока наткнулись на сломанное ружье, обрывки одежды и обнаружили под кучей валежника и листьев то, что осталось от парня. Опытные охотоведы определили по старым сле-

дам, что, вероятно, студент слишком увлекся в своих наблюдениях, напоролся на воинственную медведицу с медвежатами, успел выстрелить один раз — и промахнулся... То, что осталось от парня, — вместились в ящичек из-под патронов, который вынес из тайги Барановский. Более тяжелого груза никогда не приходилось носить на своих плечах Юрию Михайловичу.

Ночью Пальма опять лаяла на горы. Ее хозяин Виктор Носырев вконец расстроился: что случилось с собакой?

...Приехал начальник экспедиции Евгений Сорокин, и стали мы жить вчетвером в нашем бревенчатом дворце, стоящем посреди залива. С этого времени приступили к регулярным поискам медведей. Мы совершали пешие маршруты по наиболее типичным местам обитания. Вооружившись двумя биноклями, плавали вдоль берегов на легком катерке «Прогресс-2». Вели придирчивые «перекрестные» опросы местных охотников, рыбаков, рабочих геологической партии — у охотоведов этот метод тоже вполне правомочен.

15 июля добрались мы до самой дальней северной точки лесохозяйственного хозяйства — до Елохина мыса. В просторной уютной пади еще цвела черемуха и одуванчики стояли в новеньких заячьих шапках. Лето здесь только началось.

Мы переночевали в большом зимовье, добротном, как свежесрубленный крестьянский дом. Там над бригадным столом, выскобленным до-

текстом: «Товарищи! Большая просьба к вам: относитесь к зимовьям с уважением. С приветом к вам — рыбаки и охотники поселка Байкальск». Мне запомнилось это объяснение своим человеческим тоном: «относитесь к зимовьям с уважением».

Неподалеку от Елохина мыса было любопытное место, которое мы решили обследовать. По крутому каменистому ложу сбегает в Байкал небольшая речушка. В устье ее лежат пятиметровые зимние наросты прозрачно-зеленого льда, которые так и не успевают растаять за лето. Поэтому и называют речонку Ледяная. Здесь нередко выползают на берег нерпы. И медведи, как выяснилось, навдываются к таежному холоду льду. В зарослях кедрового стланика мы обнаружили тропы «хозяина» и свежий помет. Так наша экспедиция учла первого медведя.

А второго и третьего мы увидели на морях, так сказать, в живом виде — один рыл землю, добывал луковички сараны, а другой камни ворочал, выискивал муравьиные яйца. Оба выглядели работягами, как и подобает настоящим таежникам. Мы заметили того и другого с воды, проезжая на катере. Тот, который копал сарану, встретился в нескольких километрах от Покойников. Из нашего венецианского домика его легко можно было бы разглядеть в бинокль. Значит, не впустую лаяла на горы соболяница Пальма, чуяла, что медведь неподалеку бродит.

Много ли насчиталось их? К сожалению, мало. Экспедиция учла на стокилометровом участке — от мыса Рытого до мыса Елохина — все-

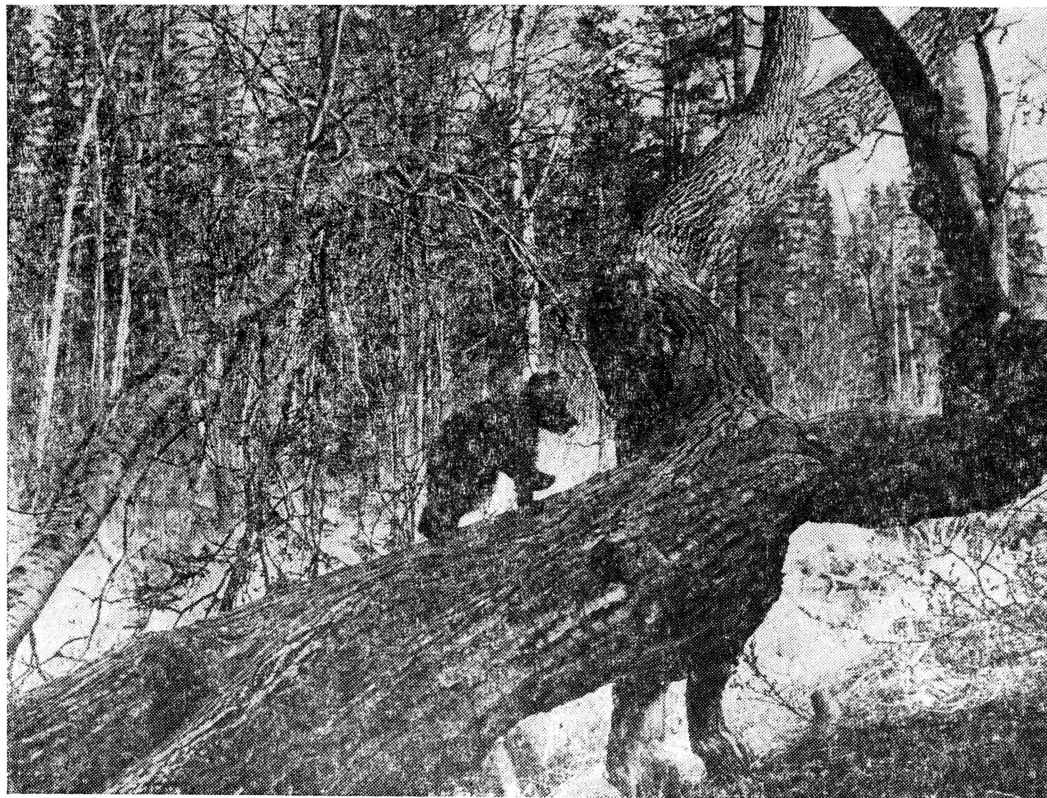
го шесть штук (сюда входят не только виденные нами звери, но и те, о которых сообщил местный егеря Иван Шепетнев).

А раньше действительно славилось Прибайкалье бурыми медведями. Но истребили их браконьеры, передавали петлями, как зайцев в иных местах. Тросовые петли — страшное оружие лова, особенно тогда, когда их надолго оставляют в тайге настороженными, а то и совсем «забывают» снять. Хоть и пишут охотозеды, что медведь обладает большой жизненной цепкостью, но даже на байкальском полуострове Святой Нос, где особенно много водилось этого зверя, — сжили его со света. Все теми же петлями из стального троса.

Вторая причина резкого сокращения поголовья — таежные неурожаи 62-го и 68-го годов. От бескормицы 68-го, очевидно, погиб молодой медведь. Но все-таки уцелели медведи, не вымерли окончательно. И сейчас главное — оставить их в покое.

«Сколько стоит медвежья шкура?» — спрашивал в стихотворении один молодой поэт. Могут ответить точно: на северном Байкале она «стоит» 500 рублей. Такова сумма штрафа, которая причитается с браконьера-медвежатника. Есть над чем задуматься любителям ставить петли.

Для охраны ценного представителя охотничьей фауны Прибайкалья создали своеобразный резерват, как раз на участке от мыса Рытого до мыса Елохина, который и обследовала наша экспедиция. Пока здесь работают три егеря, а будет больше десяти. Намечено построить два

В Прибайкальской тайге

кордона и сеть охотничьих избушек. Выходит, отстрел в будущем разрешат? Да, если численность медведя восстановится. Но петли из троа ставить уже никогда и никому не позволят, старый разбойный промысел пресекут.

Медведи, изюбри, кабаны — этим животным лесоохотничье хозяйство «Байкал» уделяет больше всего внимания. Чтобы увеличить их численность, созданы три специальных заказника. Особняком стоит заказник, расположенный в верхней части Иркутского водохранилища. Здесь взяты под охрану нерестовые речки и исток Ангары, где зимует водоплавающая птица. Кстати, это уникальная для Сибири зимовка. Минувшей зимой незамерзающий исток приютил три с половиной тысячи птиц.

Не так далеко от этого места, на левобережье Ангары, когда-то водилось много кабанов — и тут приложил свою руку вездесущий браконьер. Убереглось от пуль всего несколько экземпляров. Не спаслись бы и те, последние, если бы их местожительство не объявили заказником и не приставили охранников-егерей. Сейчас стадо медленно начинает восстанавливаться.

Прошедшая зима была многоснежной, губительной для таежного зверя. Но кабаны пережили ее без потерь — егеря подкормили. Издалека — из Нальчикского лесоохотничьего хозяйства — были высланы по специальному заказу кукурузные початки. Сначала кабаны шарахались от гостинцев, потом перестали дичиться. А вот в Нальчикском хозяйстве дикие свиньи приручились настолько, что заходят кормиться даже в загоны. И стадо у них там — полторы тысячи голов!

Об этом рассказывал мне заместитель директора ГЛОХа «Байкал» Евгений Сорокин. Он надеется, что в тайге можно поставить дело на широкую ногу.

А пока — все только начинается. И трудно начинается. ГЛОХ «Байкал» организовали буквально на голом месте, то есть на той территории Прибайкалья, где большую часть леса вырубали леспромхозы, где звери и дичь выбили официальные охотники-любители и неофициальные браконьеры. По той и другой причине охотоугодья, научно выражаясь, видоизменились.

Остров Ольхон, к примеру, тоже принадлежит ГЛОХу. Но как там заниматься охотничьим хозяйством? Ходят слухи, будто бы еще осталось в ольхонских горах два-три изюбря. Скорей всего это лишь приятная легенда, которой тешат себя местные жители. Что же делать ГЛОХу на пустом острове? Разве что проводить эксперименты по акклиматизации, заселять Ольхон зверьем.

Лесоохотничье хозяйство — принципиально новая организация, задача которой — полная охрана лесных богатств. Пока в стране работает 15 таких хозяйств, а на территории от Урала до Камчатки всего одно — «Байкал». ГЛОХ при-

зван быть настоящим хозяином тайги. А значит, в первую очередь заботиться о лесе: беречь от пожаров, проводить санитарные рубки, прореживание, осветление, посадки, посевы. Вторая забота — «благоустройство» охотоугодий: учет животных, зимняя подкормка, устройство солонцов, чистка дорог и троп, строительство охотничьих зимовий. Рабочие ГЛОХа должны совмещать профессии лесника и егеря. Вариант идеальный, но не простой — очень много работы. Правда, и сила у хозяйства сейчас немалая — 68 егерей. Для сравнения следует заметить: столько же егерей приходится на все остальные охотничьи угодья Иркутской области. Такова «мощность» нового предприятия. А в скором времени штаты должны увеличиться вдвое.

Что же такое ГЛОХ? Заповедник, раз «всякая охота запрещена». Если бы это было так, стоило бы всерьез посочувствовать аборигенам байкальских берегов: ни порыбачить, ни поохотиться! Нет, все-таки не заповедник, хотя и главная задача хозяйства — охрана леса и животных. Со временем охота будет разрешена, но только по специальным лицензиям. А для того, чтобы угодья использовались рационально, «по уму», необходимо в ближайшее время разработать научно обоснованный план охотохозяйственной деятельности и в дальнейшем создать при ГЛОХе научную лабораторию хотя бы из двух-трех охотоведов-биологов.

Быть рачительными хозяевами воды и леса — именно этого требует Постановление Совета Министров СССР от 21 января 1969 года «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал». Только разумное, дальновидно расчетливое природопользование поможет сохранить и кедровники, и медведей, и соболей, и глухарей, и уток, и знаменитого омуля.

Когда живешь на Байкале — в этом храме, сотворенном из первобытных скал, чистой воды, таежного воздуха и тишины, — трудно все же поверить в то насилие, которое творит «цивилизованный» мир над природой. Неужели правда, что в Канаде северные олени подверглись радиоактивному заражению — от лишайников, пропитанных смертоносными осадками? Неужели правда, что в каком-то американском городе уже продают в бутылках чистую питьевую воду и люди вынуждены ее покупать, дабы не отравиться водопроводной? Неужели правда, что в столице Японии уже настолько не хватает чистого воздуха, что особые автоматы за плату одаряют горожан порцией кислорода? Неужели правда?..

Можно было бы сказать так, как говорят японцы, — «это на другом берегу горит». Да ведь не скажешь. Потому что упомянутой заграничной поговорке соответствует русская — «моя хата с краю»... Моя. В том-то и дело.

Байкал священный, да минуют тебя все беды.

Фото В. Белоколодова

ПОКОРОИТЕЛЬ ТОПОРКОВЫХ КРУЧ

В. БОТКОВ

Рисунки В. Бубенщикова

Вот есть же моря: Красное, Черное, Белое, Желтое... Почему бы не быть Серому? Будь моя воля, назвал бы так Охотское море. Сколько раз по нему ходил, ни разу голубой воды не видел — всегда серая, как лежалый свинец. Не туман, так шторм, не шторм, так мертвая зыбь. А то вдруг в августе подует норд-ост, повалит снег, тоже — серый...

На северном берегу этого Серого, то есть Охотского моря есть порт Нагаево и город Магадан. Везли мы туда груз. От пролива Лаперуза четверо суток, как сквозь стену, пробивались — такой густой туман стоял. А на пятые сутки шторм поднялся. Десять баллов. Видать, в центр бури угодили. Машина работает полным ходом вперед, а судно тянет назад.

Пробились мы к бухте Гертнера, укрылись за высокими скалами. Оба якоря отдали, по десяти смычек каната. А судно все дрейфует...

Наконец, к утру выдохся ветер, стихать стал шторм.

После обеда приходит ко мне начальник судовой радиостанции Попов. Фамилия-то, замечайте, как у знаменитого изобретателя радио, Александра Степановича. Гордился радист фамилией. И дело свое знал.

— Будь добр, — говорит Попов, — дай команду спустить шлюпку-шестерку, хочу под парусом пройтись.

— Какой парус! — отвечаю. — Зыбь, ветер четыре балла, еще перевернешься!

Но радист свое:

— Капитан дал добро, а ты упираешься.

— Да не за тебя беспокоюсь, парус жалко, намокнет, — пробую отшутиться.

Только вижу, отговаривать бесполезно.

Пошли с радистом два кочегара и электрик. Этим, из машинной команды, я не больно-то доверял. Нет-нет да и погляжу в бинокль. Однако хорошо шлюпка идет, бурун под форштевнем. Курс держит к «Старшему брату», остров так называется. Там их три: маленький — у самого мыса, дальше — побольше, еще дальше, мористее, почти в двух кабельтовых, — самый большой. Кабельтов, чтоб вы знали, сто восемьдесят пять метров.

Все три острова, как братья, похожи: острые конусы, каменистые, без единого кустика. Ничего на них интересного. Разве что гнезда чаек да топорков. Так ведь к ним на кручи и не доберешься. Ну что ж, охота пуще неволи.

Тем временем замечаю — крепчает ветер, белые барашки по морю побежали. Забеспокоился я, звоню на мостик вахтенному штурману: дай, мол, два длинных гудка, сигнал «шлюпка к борту».

Мокрый пришел ко мне Попов и сердитый. — Если, — говорит, — и завтра мне музыку испортишь, разговаривать с тобой перестану — раз, радиogramмы твои во Владивосток передавать не буду — два. И не придержишься! Скажу: «непрохождение, атмосферные разряды, помехи»...

На мое счастье, за ночь ветер совсем убился. Опять-таки радист недоволен: «В парус теперь что — дуть прикажешь?»

Пришлось дать ему лучшие весла, вальковые, да еще пару запасных. Ухмыльнулся он, говорит:

— Ладно, старый дракон, забудем. Я тебе с острова подарочек привезу.

— Сходил бы лучше в поселок, — говорю, — оттуда привез бы...

Но он как не слышал.

Солнечный шарик из-за туч выкатился. В самый раз следы шторма прибрать, палубу да надстройки подкрасить. Ведь если машина — сердце корабля, то палуба — его лицо.

Помогать матросам вышли все свободные от вахты. Комсомольцы воскресник объявили. Кто скребком, кто щеткой стальной орудует — ржавчину очищает, кто следом — кистью. Радиста поминают: сам уехал, да еще трех парней от полезного дела увел. Предлагают: гуднуть бы... Ладно, думаю, пусть только туда догребут, охотку собьют. Долго не задержатся.

Так оно и вышло: шлюпка вскорости уже полным ходом шла к пароходу. Как на гонках! Носом так и зарывается.

— Смотрите! — кричит вдруг один из матросов. — Радист подарочек боцману везет, морского чертенка!

Моряки столпились у борта. Но чем ближе подходила шлюпка, тем реже сыпались шутки, тише становились голоса. Потом и совсем затихли: в шлюпке между банок, неестественно подогнув ноги, лежал худой, оборванный мальчишка.

Осторожно, вместе со шлюпкой, подняли его на борт. Крикнули доктору.

Двенадцать часов у дверей судового лазарета толпились моряки, то и дело навевался радист, бессменно нес у постели вахту наш врач, — мальчик не просыпался.

И только под утро мы узнали его необыкновенную историю.

...Кончились занятия в школе. Постепенно разъехались ребята: кто на машине в Магадан, кто на пароходе — во Владивосток, а кто и на самолете — «на материк». Из всего пятого класса в поселке остался лишь он, Ванюшка Клюквин. Танька Мальшева — не в счет: только и знает, что возиться с куклами, да при случае дразниться — «Клюква», «Клюква»...

Есть еще, правда, медвежонок Морошка. Но теперь с ним не поборешься, такие зубы и когти отрастил — пришлось посадить на цепь.

Скучно одному. Вернутся ребята, начнут рассказывать: один в Москве был, другой в Крыму, третий по Днепру на большом пароходе катался. А ему, Ванюшке, мама только обещает: «Подожди, полетим, сынок, и мы в отпуск. На самолете». Третий год обещает. Обидно! Ну, чем он сможет перед ребятами похвалиться?

Если бы золото найти! Здесь, на Колыме, его много. Открыли бы рудник имени Ивана Ключкина!

Но сколько ни лазил Ванюшка по сопкам, чуть прикрытым чахлым стлаником, сколько ни копался в ручьях, что бегут по ущельям и распадам, — только комаров зря кормил.

Оставались удочки. Может быть, клюнет какая-нибудь необыкновенная, невиданная рыба-луна? Или меч-рыба...

Часами сидел он на берегу бухты, прищурившись, смотрел в бескрайнюю даль. Что там, за чертой, где море сливается с небом?

Справа горизонт закрывали острые желто-коричневые пики «Трех братьев». Над «Старшим» всегда тучи топорков и чаек. Веселый птичий базар. Вот где, наверное, яйцо! Но взрослые говорят, гиблое место. И еще Ванюшка слышал, что там, среди подводных скал, живут страшлища-осьминоги. Щупальцы — по пять метров.

В школьном уголке натуралиста есть чучело топорка. Какое у птицы яйцо? Не меньше утиного, наверное.

Чем дольше глядел Ванюшка на «Трех братьев», тем больше овладевало им страстное желание не только посмотреть вблизи живого топорка, но и поддержать в руках еще теплое яйцо. Выдуть бы его да подложить к чучелу. Вот удивятся ребята!

Найти лодку нетрудно — десяток плоскодонок всегда лежит на песке. Трудней достать весла: рыбаки каждый раз уносят и прячут их в сараях. Что ж, на худой конец можно приспособить две неширокие доски...

Однажды утром, выждав, когда туман начал отрываться от воды, Ванюшка столкнулся с берега крайнюю лодку и умело, без всплесков, заработал самодельными веслами. В носу лодки, прикрытые куском брезента, лежали припасенные с вечера банка консервов, буханка хлеба, щепоть соли и большая бутылка воды.

Туман еще густо клубился у берега, влезал на сопки, а посреди бухты от него остались только редкие-редкие клочья. В воде, как в зеркале, отражались кудрявые облака. Скрип, скрип, скрип — трутся о борт доски-весла.

Все громче крик, писк и стон чаек, топорков. Вот они уже носятся над головой.

Поминутно поглядывая за борт — вдруг вот сейчас выползут из воды страшные щупальцы? — Ванюшка греб вдоль скал «Старшего брата».

Долго пришлось искать место, куда бы пристать. Уже и спина взмокла, но он не сдавался. Наконец загнал лодку в расселину между двумя огромными плоскими камнями, выбрался, волоча за собой цепь, привязанную к носу лодки, огляделся и облегченно вздохнул.

В зеленоватой глубине лениво колыхались зеленые ленты водорослей. Безбоязненно плавали косяки мальков, и Ванюшка успокоился.

Трижды обмотав цепь вокруг острого высту-

па, он на всякий случай привалил ее тремя увесистыми камнями. Поправил брезент, прикрывавший продукты, и, не теряя времени, отправился в путь. С камня на камень, с камня на камень.

Чем дальше, тем круче. Пришлось перейти на шаг, а потом — и стать на четвереньки.

Цепляясь за каждый мало-мальски пригодный выступ, плотно прижимаясь к скалам, он карабкался все выше и выше.

Ветер начал свистеть в ушах. Это, наверное, от крыльев встревоженных птиц, они с криками носились вокруг.

Вот совсем близко на карнизе сидит и сидит крутит головой топорок. Не зря его так зовут: клюв и вправду — как колун. Ишь не улета-ет... Значит, точно — гнездо с яйцами. Эй, кыш, кыш!

Еще усилие, и... Вдруг камень, о который упиралась правая нога, вывернулся, левая тоже соскользнула, и Ванюшка повис на руках, судорожно скрючив пальцы.

Выждал, пока отгрохочет оборвавшийся камень. Подтянулся, нашарил ногами другой выступ. Изловчился и боком завалился на каменный карниз. Видела бы Танька Малышева! Сама она — «Клюква»!

По карнизу, если прижаться спиной к скале, можно даже ходить. Здесь была масса гнезд, и Ванюшка вскоре выбрал полдюжины самых крупных яиц, самых красивых и самых свежих, — каждое просматривал на солнце. Отдохнул, уложил добычу за пазуху, высмотрел более удобный путь и стал спускаться.

Приходилось еще труднее — надо было оберегать яйца.

Оставались последние два-три метра. И вот эти метры, все-таки сорвавшись, он проделал «на брюхе».

В кровь расцарапаны руки, кровь капала с подбородка, саднили разбитые колени. Но он плакал не от боли. Плакал от обиды: за пазухой осталось лишь одно яйцо, да и то с трещиной. Остальные — всмятку.

Нарезавшись, Ванюшка побрел к воде — обмыться, обсушиться, поесть и — он это решил твердо — снова отправиться к топоркам.

У камней глухо шумел прибой, вздымая пенные султаны. Так часто бывает: под обманчивой гладью, в глубине, море катит к берегу огромные волны, отголоски далекого шторма.

Ванюшка ускорил шаг. Торопливо прыгал он с камня на камень, и все сильнее им овладевало беспокойство. Еще несколько метров, вот уже плоские камни, знакомая расселина. Но где шлюпка?... От удальения Ванюшка даже присвистнул.

Ничего не понимая, внимательно осматривал он каждую выемку, незаметно для себя насвистывая песенку о веселом ветре.

А ветер уже не пел, а выл. Небо заволочло тяжелыми тучами. На недосягаемом берегу в серой мгле исчезли домики поселка.

Лодку он не нашел, хотя излазил вдоль берега весь остров.

Издранные на коленях штаны, намокшая рубашка не спасали от холода. Надвигалась ночь.

Ванюшка нашел у подножья небольшой грот, забился в него и завалил изнутри ход камнями.

Мучили голод и жажда. Он выскреб из-за пазухи «яичницу», соскреб все остатки с рубашки, облизал каждую, даже крохотную скорлупку. Но целое, хотя и надтреснутое яйцо — не тронул.

Над островом дико выл шторм. Срывался со скалы камень — Ванюшке казалось, что рушится весь остров...

Всю ночь не сомкнул он глаз. Но прошла ночь — а день не наступил. Все таким же грязно-серым, мрачным было небо. По-прежнему бесновался шторм, с грохотом разбивались о скалы громадные волны.

Обессилен, он забылся беспокойным сном. Разбудила тишина. Ванюшка быстро разброем камни, выбрался из своего убежища и... закричал от радости. Море почти успокоилось, большой пароход стоял на рейде, а от него к острову мчалась под парусом спасательная шлюпка!

Ванюшка бросился к берегу, остановился, повернул назад, взбежал на высокий камень, закричал, замахал, снова побежал к воде и все кричал, плакал от радости, кричал и махал руками.

Шлюпка прошла уже половину пути. Ну еще, еще быстрее, дяденьки!

Слезы застилали глаза, он вытер их кулаками, а когда отнял от лица руки — шлюпка, развернувшись, уходила назад, к пароходу.

Ванюшка не помнил, как прошли еще сутки. В каменной ямке нашел немного пресной воды... Искал у берега рачков, но побоялся свалиться в воду — они сидели глубоко... Очень хотелось есть... Очень... Не вытерпел и выпил яйцо топорком...

— Последнее яйцо!.. — прошептал мальчишка, закончив рассказ. — Ведь теперь ребята не поверят, что я был на «Трех братьях», на самом старшем...

Ванюшка всхлипнул, но тотчас оживился: — Дяденьки моряки, вам они поверят — и Колька, и Степка, и Танька Малышева. Вы подтвердите, расскажете им?

— Конечно, Ваня, — сказал я.

— Честное пионерское?

— Честное, закон моря! — подтвердили остальные.

Сказали, переглянулись и опустили глаза. Наступила неловкая тишина. Вспомнили: судовая машина уже в полной готовности, пар на марке, на воду спущен моторный бот. Сейчас отведут Ванюшку на берег, и — вира жорь. Только случай может забросить нас снова сюда, в эту далекую бухту.

Первым нашелся капитан. Он наклонился к старшему помощнику и что-то шепнул ему на ухо. Старпом быстро вышел. Вскоре он вернулся, неся небольшой квадратный картон. На картоне была наклеена цветная фотография с изображением морского царя Нептуна и всей его свиты. Такие фотокарточки — «грамоты» — были у каждого из нас, их вручают, когда первый раз пересекаешь экватор.

Капитан подал команду «смирно». Матросы, что были поблизости, выстроились, и старший помощник, поправив на голове форменную фуражку, торжественно и громко зачитал:

«Я, великий Нептун, повелитель и владыка всех морей и океанов, сей грамотою удостоверяю, что российский мореход Иван Клюквин сего числа... месяца... года... принял морское крещение на островах «Трех братьев» в Охотском море.

Отныне нарекаю его именем «Покоритель Топорковых Круч» и повелеваю всем своим подданным сему мореходу Ивану уважение оказывать».

Капитан скомандовал «вольно», расписался на грамоте и поставил на ней судовую печать.

А. ПЛАСТОВ

ГУРТОВЩИЦА МАНЯ ШАРЫМОВА

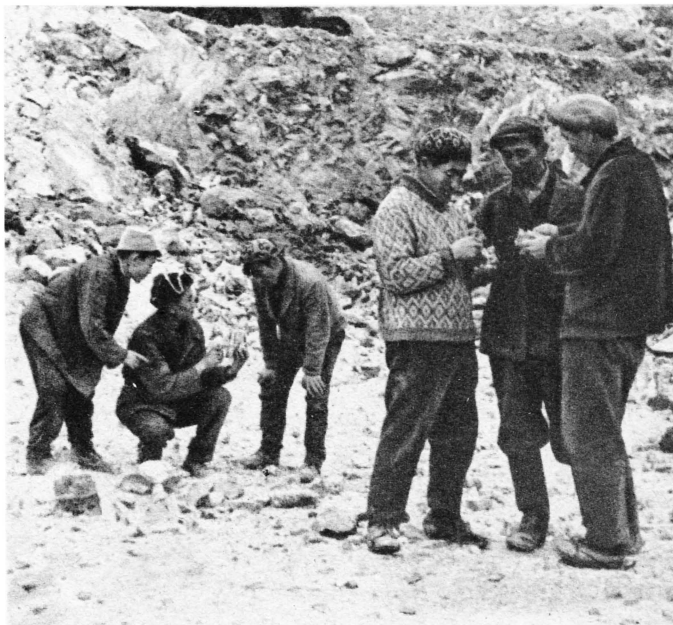
Аркадий Александрович Пластов посвятил свое творчество одной теме — советской русской деревне. Человек для Пластова — всегда деятельный участник жизни, связанный с другими людьми. Природа в картинах художника — это та естественная среда, где трудится крестьянин. Пейзаж органически вливается в общий замысел, являясь составной частью художественного образа.

Народный художник СССР А. А. Пластов родился в Поволжье. Учился в Строгановском училище, а позже в Училище живописи, ваяния и зодчества. До конца своих дней жил и работал в родной Прислонихе.

Картина «Гуртовщица Маня Шарымова» строится на сопоставлении ярких цветовых пятен и заставляет каждый из цветов звучать особенно сильно.

В ГОРАХ И СТЕПЯХ ПУБЫ

Фото В. Каушанова

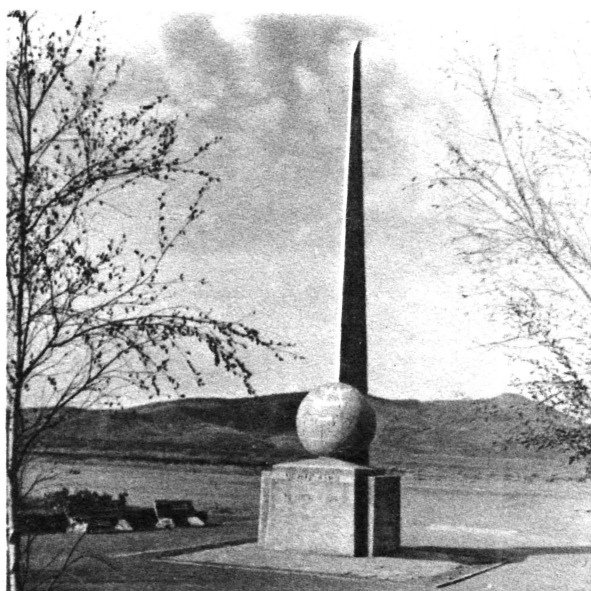
Сыновья аратов стали разведчиками недр.

В карьерах треста «Туваасбест». Здесь работают 4-кубовые уралмашевские экскаваторы и белорусские «МАЗы».

В юго-западных районах
Тувы пасутся стада яков.

Этот памятник с надписью
«Центр Азии» стоит в главном
городе Тувинской автономной
республики Кызыле

Искусство

советских республик

С. ЧУЙКОВ

УТРО

Художественный мир С. А. Чуйкова — мир повседневности, который красив в своей простоте. Персонажи его произведений привлекают своей одухотворенностью. Такова женщина в картине «Утро».

Основное средство выразительности у Чуйкова — цвет. Пейзажи художника отличаются плавностью форм, оставляют впечатление гармонии.

Народный художник СССР Семен Афанасьевич Чуйков родился в Киргизии. После революции учился в Туркестанской художественной школе, а затем окончил ВХУТЕИИ в Москве.

МЕРА ЖИЗНИ

Дмитрий РЕПУХОВ

Рисунки В. Бубеничкова

После завтрака нас повезли в баню. Баня оказалась вросшей в землю халупкой и топилась по-черному. Голые, прокопченные стены, парилка в два аршина, печь, сложенная из камней, да еще предбанник из тонких жердей. Я стащил с себя одежду и пошел в парилку. Плеснув ковш воды на горку раскаленных камней, сел на деревянную скамейку и задумался: «Смогу ли я выбраться отсюда до того, как меня отправят в Германию?»...

— Эй, Димка! Поддай-ка еще парку! — это с верхней полки крикнул Ваня Селиверстов. Похлестывая березовым веником по спине, добавил: — Может, в последний разок моемся.

— Не каркай, ворона! — одернул его Володя.

Я долго и старательно полоскался в теплой воде, а когда вернулся в предбанник, солдат-каптенармус подал мне изрядно поношенную солдатскую амуницию. Я отвел руки за спину и запальчиво спросил:

— А где мои тряпки?

— Сгорели, — ответил со смешком солдат. — Одевай, что дают, ну!

Делать было нечего. Я отошел в уголок и напялил на себя заплатаанные галифе и мундир мышинного цвета. Он был настолько велик, что, казалось, вот-вот соскользнет с моих плеч. Один за другим мальчишки, как и я, превращались в огородные чучела и выходили во двор строиться. Федотов неторопливо прошелся вдоль неровного строя и весело произнес:

— Форма в самый раз. Хоть сейчас на парад — гвардейцы, да и только!

«Вот трепло», — с удивлением подумал я.

— Молодцы! — продолжал восхищаться воспитатель. — Коль вы гвардейцы, теперь необходимо вам настоящее походное жилье. Что, если мы будем жить в палатках, как Александр... ну, как его? — Федотов выжидательно посмотрел на нас. — Что молчите? Небось, обидели от счастья?

— Невский! — выкрикнул из строя Толя Парфенов.

Воспитатель поморщился.

— Дурачок! Вы будете жить, как воины великого завоевателя Александра Македонского! — Он небрежно махнул рукой. — Ладно, идите за мной.

Вскоре на лужайке, огороженной густой порослью акаций, вырос палаточный городок.

¹ Окончание. Начало в № 10.

— Вот тут и будете отдыхать,— сказал Федотов.

Когда он ушел, по палаткам поползла неизвестно как возникшая догадка: фрицы наверняка задумали такое, что без мальчишек им никак не обойтись. Потому они и задабривают нас.

Как утоляющий хватается за соломинку, так и я решил — будь что будет! — воспользоваться единственной возможностью повидаться с мамой: если немцы такие добрые, то неужели не отпустят меня домой хотя бы на часок?

Улучив удобный момент, я подошел к Федотову и, с трудом сдерживая волнение, изложил свою просьбу.

— Я мигом, туда и обратно!..

Федотов посерьезнел. Почесав за ухом, вкрадчиво произнес:

— Соскучился? Или нужда какая?

— С мамкой не успел попрощаться, когда забирали...

Федотов в упор посмотрел на меня и еще раз почесал за ухом.

— Так уж и быть, шлепай. Увольнительную даю на три часа. Да, кстати, у тебя будет попутчик. Василь!

К нам подошел солдат-каптенармус. Воспитатель показал на меня глазами:

— Проводишь в Богородицкое.

После обеда мы отправились в путь. По дороге солдат как бы невзначай бросил:

— Завтра начнется двухнедельный санитарный карантин. Считай, что тебе повезло.

Заметив издали тесовую крышу родного дома, я ускорил шаг.

— Не спеши, небось не к поезду,— суровым голосом предупредил меня солдат.

Потом я увидел в дверях бледное лицо матери. На какой-то миг я замер, а затем рванулся вперед.

Мама, вскрикнув, бросилась мне навстречу. Ее сухонькие хрупкие плечи сильно дрожали, когда она приникла ко мне.

Когда вошли в комнату, мама бросила на солдата укоризненный взгляд.

— Если у вас осталась хоть капля совести, тогда оставьте нас наедине!

Василь поморщился и вышел во двор.

Дрожащими руками мама открыла дверку кухонного стола и достала несколько сваренных в мундире картофелин.

— Не надо, мама. Я сыт.

Она с недоумением и растерянностью посмотрела на меня:

— Как же это? Неужели фашисты тебя накормили?

— Нас хорошо кормят, мама,— прошептал я.

— Вот как? Чего они от вас хотят?

— В Германию повезут, а там — не знаю. Они говорят, что мы — будущее России. Наверное, хотят нас воспитывать,— и тут я не сдержался, заплакал: — Мама! Что делать-то мне? Не хочу я никуда ехать...

Я видел, как мама вздрогнула всем телом и тоже заплакала.

— Не уберегла я тебя, сынок! Не сумела вырвать тебя из фашистских рук.

Тут к окну подошел Василь и показал на стрелки часов. Я прижался к матери.

— Сынок! Береги себя,— сказала мама.— Может случиться, ты вернешься и не застанешь меня. Так вот, под яблоней, которую мы посадили перед самой войной, я оставляю тебе записку...

В МТС меня ждала новая встреча. Еще издали я заметил среди мальчишек Женю Хатистова, с которым мы в пионерском лагере «Моштинки» охраняли питьевой колодец от немецких диверсантов. А теперь вот встретились в немецкой форме...

Женя не сразу признал меня. Он долго смотрел исподлобья, и только потом, радостно вздохнув, шагнул мне навстречу.

Попался он из-за велосипеда. Три дня назад стащил у одного фрица. Его поймали, выдрали и посадили в тюрьму. Там в первую ночь его чуть было не сожрали крысы. А вчера, под вечер, в камеру явился Шварц и спросил: «Мальчик, ты хочешь хорошо жить?» Женя подумал о крысах и сказал: «Хочу». — «Тогда пойдем со мной». И Шварц привел Женю сюда.

Потом Женя сказал:

— Помнишь Люсю Семенову? В пионерском лагере она с нами в одном звене была. Так вот, прошлой весной ее фрицы убили и сожгли.

У меня к горлу подступила тошнота.

— За что ее так?

— Тифом болела.

И я опять задумался: почему фашисты с нами так добры? Вот и Женю Шварц из тюрьмы вызволил. Какую участь они нам готовят? Может, еще почище смерти от сыпного тифа...

На следующий день, после завтрака, опять пришел Федотов.

— Вот вам мяч. Будем играть в лапту. А это учебные гранаты. Совсем как настоящие,— воспитатель глянул на часы.— Собирайтесь. Пойдем на приютскую пустошь.

Валька схватил гранату и закричал:

— Ура-а-а-а!

Я тоже взял гранату и сунул ее за пазуху.

— Отряд! В две шеренги становись! Смирно! Шагом марш!

И Федотов звонко запел:

Петроград мы не сдадим,

Русскую столицу,

Через море полетим

Защищать границу.

— Теперь все вместе! — воспитатель взмахнул рукой. Мы разногласно подхватили:

Марш вперед,

Воздушный флот,

Русские пилоты...

— Отставить! Так не поют. Так только собаки лают. Давайте попробуем еще разок, только дружной. Раз, два, три — запевай!

Мне показался знакомым мотив этой армейской песни. Где я его слышал? И вдруг вспомнил — это же белогвардейский марш из кинофильма «Последняя ночь!» Только там было про гусаров, а здесь — про пилотов.

Мы лихо запели.

— Ну вот,— похвалил нас Федотов,— теперь гораздо лучше. Но учтите: надо петь не «Ленинград», а «Петроград».

Остановились у оврага. Гранаты бросали по очереди. Первым вышел Иван. Его граната улетела далеко. Валька завистливо произнес:

— Подумаешь!

Воспитатель покровительственно похлопал его по плечу:

— Обиду оставь при себе. Любой вид спорта требует силы и воли, а главное — тренировки. Стайся — и ты будешь первым. Дима Репухов! На исходный рубеж! Приготовиться! Марш! ...Через несколько дней в палаточный городок

Федотов притащил бредень. Шумно отдуваясь, он снял с плеча противогазную сумку и сказал усталым голосом:

— Ох и досталось же мне хлопот с этой сеткой. Но я все-таки сдержал свое обещание. Вот вам, ребята, гайки — крепите грузила.

Толя Парфенов швырнул носом и недоверчиво протянул:

— Мы что, взаправду пойдем рыбачить?

Федотов хитровато сощурил глаз:

— Мое слово — закон. Сказал: пойдем, значит — пойдем.

— А я не умею ловить рыбу, — растерянно произнес Валя Белов.

— Научу. Я вас всему научу, — пообещал Федотов, завязывая с нами по-приятельски доверительный разговор. — Только, чур, от меня не отходить ни на шаг. Время-то военное. Не ровен час, и подстрелить могут. Да, кстати, вы соображаете, что вчера натворили? Стоило мне только на один час выпустить вас из виду, так вы, разбойники, палатки со всех сторон пикой продырявили. А Петя Фролов умудрился орла на мундире залапать грязью. За такие проделки следовало бы надрать хорошенько уши. А я терплю. Знаю: разума у вас ешто нет.

Неизвестно, сколько времени Федотов читал бы нам наставление, но его перебил Женя Хатистов:

— Алексей Николаевич! А где мы будем ловить рыбу? Поблизости-то и озера никакого нет!

— Ясное дело, где — на пруду. Там караси — во!

Женя разочарованно присвистнул:

— В мутной воде лягушатника? Была охота! Федотов круто повернулся к нему лицом.

— Смотрите-ка на него! Хлюпик! Мутной воды испугался. А может, подзатыльника захотел? — Тут он улыбнулся краешком глаз и, скривив губы, вставил в разговор, казалось бы, безобидную фразу:

— Раз и навсегда заруби у себя на носу — в любой игре или забаве, как в бою, человек виден наизнанку. А у тебя какая изнанка? Молчишь? Вспомни, откуда мы вытащили тебя. — С едва скрытым раздражением добавил: — При таком-то поведении могу ли я поручиться за тебя?

После рыбалки мы между собой продолжили этот разговор.

— Нашел с кем спорить, — упрекал Хатистова Ваня. — Да он враз съест тебя с потрохами.

— Подавится! — отмахнулся Женя.

Толя Парфенов что-то прикидывал в уме, потом прошептал:

— Что верно, то верно. С ним по-честному нельзя. Чуть что — согнет в рожок и не разогнешься.

Мы скоро научились жить двойной жизнью. На глазах у фашистов весело играли, резвились, пели песни. А по вечерам, когда оставались одни, с волнением шептали друг другу новости, которые удавалось узнать за день:

— Дом-то каменный за забором — это ведь штаб ихний!..

— Зря, что ли, Шварц оттуда не вылазит... — Вот бы настоящие гранаты нам дали!..

— Жди, дадут!

— А может, после когда-нибудь...

Приютские всерьез подумывали о побеге. Они подолгу шептались между собой, не посвящая нас, деревенских, в свои планы.

Но вот однажды на исходе ночи нас разбудил пронзительный крик Федотова:

— Подъем!

Мы выскочили из палаток и увидели возле забора несколько грузовиков с работающими моторами. Должно быть, крепко мы спали, если не слышали, как они подъехали.

— Итак, — торжественно произнес Шварц, когда мы построились, — настал долгожданный день. Через несколько минут вы покинете свой палаточный городок. Великая Германия ждет вас!

Мальчишеские лица выражали и отчаяние и растерянность. Едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, я посмотрел на обер-лейтенанта. Как я его ненавидел!

Раздалась команда:

— По машинам, марш!

Тут я увидел, как Петя Фролов подбежал к обочине дороги и, присев на корточки, нагреб руками земли и насыпал в карманы своих необъятных галифе.

Взревели моторы, и машины одна за другой устремились к шоссе. Тень от кузова, покачиваясь из стороны в сторону, бежала рядом по серому асфальту. Вот, наконец, остановились у вокзала.

— Выходи! Быстро, быстро! — Федотов подталкивал нас по очереди к вагону. Раздался паровозный гудок, пассажирский состав вздрогнул и плавно тронулся с места. Мальчишки припили к окну. Их бледные лица казались совсем прозрачными. Дробно стучали колеса. Железнодорожный состав пересек черту города и, ускоряя бег, понесся на запад, в неизвестность. Через двое суток он уже мчался по незнакомой чужой земле. Немцы заметно оживились. За окном мелькали красные черепичные крыши домов, островерхие кирхи, сады. И вдоль всего пути — аккуратные ряды подстриженных деревьев. Из репродукторов звучали армейские марши. Безногий ефрейтор из соседнего купе с радостной улыбкой смотрел на привокзальную площадь. Он ежеминутно восклицал по-немецки.

— Кассель, я дома! Какое счастье! Я живой!

Потом мы долго шли по каким-то закоулкам мимо разрушенных бомбами дымящихся зданий. И всю дорогу мне казалось, что воспитатель с некоторой растерянностью смотрит на руины, мимо которых мы шли: здесь не было почти ни одного целого здания. Американцы и англичане одновременно размолотили Кассель. Примерно через час мы вышли на окраину города, Федотов провел нас через ворота в какой-то двор, в глубине которого стояли два уцелевших от бомбежки одноэтажных здания, выкрашенных в защитный цвет. Когда мы остановились возле одного из этих зданий, Федотов сказал:

— Вот и приехали.

Я с любопытством уставился на запыленное окно деревянной казармы, увидев в нем мальчишеское лицо. На меня смотрели недобрые глаза, холодные и колючие, как льдинки.

— Там кто-то живет? — воскликнул я.

— Это гитлерюгенд, — улыбнулся Федотов.

— А кто они такие? — спросил Володя Пучков.

— Дети великой Германии. Ну, входите по одному! — и воспитатель повел нас в помещение.

В большой, заставленной кроватями комнате пахло йодом и хлорной известью. Сверкали белой простыни и подушки.

— А теперь,— воспитатель загадочно посмотрел на ребят,— посмотрите, что у каждого из вас лежит под подушкой.

— Открытка! — ахнул Женя.— А на ней танк, совсем как настоящий!

Федотов погладил Женю по рыжей макушке: — Это тебе подарок от мальчиков из «Гитлерюгенда».

— Я их видел, они только что были здесь,— сказал я.— Почему же они спрятались?

— Нас испугались! — засмеялись мальчишки.— Ну и герои!

Воспитатель строго посмотрел на ребят:

— Придет время, и они пригласят вас к себе.

— Больно нужно! — проворчал Володька.

— А я вот сейчас пойду и всыплю им, чтоб знали наших,— и Толк Парфенов бросил открытку на подоконник.

Федотов схватил его за ухо и потянул в угол. Внезапно в комнату вошел Шварц.

— Все в сборе. Настроение хорошее,— доложил воспитатель.

Поправив на новом мундире Железный крест, обер-лейтенант произнес речь:

— Только сейчас ребята из «Гитлерюгенда» подарили вам открытки с изображением непобедимого немецкого танка «Тигр». Для вас это событие должно быть особенно приятным еще и потому, что наши ребята готовы умереть за великую Германию, хотя им, как и вам, не более четырнадцати лет.— Шварц сжал кулаки: — С мечом в руках мы принесли вам культуру немецкой нации и отстояли ваше будущее. Теперь, когда вы вступили на священную землю Германии, мы постараемся сделать все, чтобы вы с благодарностью вспоминали наше гостеприимство. Завтра вы увидите грандиозное зрелище на стадионе, почувствуете дух величия германской империи. Это зрелище устроено в честь замечательной победы немецкого оружия под Курском в России. Итак, до завтра!

Шварц медленно направился к выходу. Мальчишки притихли.

— Слыхали? — восторженно произнес воспитатель.— Наши освободители стукнули по самому центру Советов!

— А что, нас на фронт пошлют? — спросил Ваня Селиверстов. Федотов словно не расслышал вопроса.

— Ложитесь спать! — оборвал он разговор,— разбейте матрацы и — чтоб тихо!

— Слыхал, как Федотов заговорил? — тихо-нечко сказал я Белову.

— Пусть себе болтает.

— Балда ты, Валька! Разве не понимаешь: они хотят, чтобы мы готовились умереть за их Германию.

— Они хотят, чтобы мы были как эти самые «югенды», — протянул Женя.

Кто-то из мальчишек устало произнес:

— Да заткнитесь же вы наконец! Спать охота.

Когда я утром проснулся, в комнате было уже светло. В коридоре слышался громкий ребячий смех. Из репродуктора, прибитого к косяку жиденького оконца, раздавались звуки незнакомой маршевой песни.

Потом во дворе затрубил горн. Иван посмотрел в окно.

— Вот они — гитлерюгенды, смотрите!

Рубашки, штаны и ботинки — все коричневое. А на поясах кинжалы. Настоящие, наверное.

Кто-то из этого коричневого строя показал нам кулак.

— Иди, иди сюда! — разозлился Иван,— я из тебя враз котлету сделаю!

Позади раздался грозный окрик:

— Кто разрешил вставать без сигнала?

Воспитатель быстро подошел к окну и, опустив светомаскировку, приказал нам одеваться.

Потом в комнате появился Шварц.

— Не проспали? Молодцы! — и весело сообщил: — Ровно через час мы должны быть на стадионе. А теперь — все во двор.

...Еще издали я заметил ревущие колонны солдат, а над ними разноцветные флаги со свастикой. Солдаты и флаги плыли по дороге к огромной зеленой чаше.

Возле стадиона, на холме, Федотов остановил наш строй.

— Располагайтесь вот здесь, под деревьями,— и отошел, пообещав скоро вернуться.

С холма нам хорошо было видно, как под неистовый гром барабанов, прижав к груди автоматы и сотрясая землю топотом кованых сапог, маршировали эсэсовцы, а следом за ними шли мальчишки из «Гитлерюгенда». Блестели на солнце штандарты, победно ревели медные трубы. И вдруг все стихло. В центре зеленого поля на трибуну забрался какой-то человек. Он стал что-то выкрикивать. И тысячи гитлеровских глоток повторяли за ним каждое слово.

— Смотрите! Фрицы клятву дают! — прошептал Женя Хатистов.— Наверное, клянутся быть верными своему Гитлеру.

Ваня Селиверстов вполголоса сказал:

— Давайте мы тоже дадим клятву! Свою, пионерскую! Чтоб никто из нас не помогал фашистам, а при случае бился бы с ними насмерть.

Петя Фролов достал из-за пазухи маленький узелок и высыпал из него на ладонь землю:

— Наша, смоленская!

К Пете потянулись руки мальчишек. Каждый просил отсыпать немного ему. Но Петя покачал головой:

— Она наша, общая. Давайте поклянемся держаться друг друга до последнего, и если доведется вернуться нам домой, то чтобы всем вместе.

У Вани Селиверстова от волнения вспыхнул багровый румянец. Он накрыл своей рукой горсть родной земли и зашептал:

— Умереть мне на этом месте, если я буду помогать фашистам... Пусть только дадут мне автомат или гранату, уж я покажу им, гадам!..

И мы, до крайности возбужденные, шепотом повторяли за Ваней слова клятвы, может быть и неумело составленной, но идущей от самого сердца. Петя каждому насыпал на ладонь по крошечной щепотке земли, и мы, как бы скрепляя нашу клятву, проглатывали эту землю.

Мальчишек словно подменили. Сами того не замечая, мы вдруг переступили невидимую черту, позади которой осталось украденное фашистами детство и родная земля. Каждый теперь понимал: надо делать так, чтобы и здесь, в глубоком тылу врага, помогать своим.

Витя Корольков восторженно сказал:

— Теперь мы — настоящие бойцы. Как на фронте. Здорово ведь, правда?

Мы кружком расселись вокруг дерева и продолжали наблюдать за ревущей толпой на стадионе. Крики то утихали, то угрожающе надвигались на нас, порою переходя в дикий вопль. Вме-

сте со всеми кричали Шварц и Федотов, сидевшие на скамейках неподалеку от нас.

Вскоре трибуна на стадионе словно исчезла. На зеленом поле с кольцами и лентами в руках появились девочки в черных юбках, белых кофточках и черных галстуках на груди. Потом высыпали сотни солдат, и на поле распласталась живая свастика, а над ней на огромных шестах-рогульках поднялся в небо портрет Гитлера. На ветру у него, казалось, шевелились и топорщились в разные стороны черные усики, а сам он, выпучив глаза, сердито уставился на нас и хочет крикнуть: «О чем это вы только что шептались? Ну, отвечайте!»

— Зиг хайль! Зиг хайль! — остервенело вопили фрицы. Крики на стадионе то утихали, то угрожающе надвигались, переходя в суматошный дикий вой.

Ветер трепал и раскачивал портрет из стороны в сторону. Гитлер морщил лоб и упрямо смотрел в нашу сторону.

Потом свастика распалась, разлетелась на мелкие кусочки. Портрет опустился на землю. Эсэсовцы тут же подхватили его и потащили под арку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тут же, у стадиона, нас посадили в автобус, и часа два мы ехали по бетонированному шоссе, к которому с обеих сторон подступали мрачные, покрытые хвойным лесом холмы, которые загораживали небо и солнце. Когда холмы убегали назад, открывались поля с волнующейся рожью и стоящие в зелени садов аккуратные беленькие домики с красными островерхими крышами.

Вот впереди показалось какое-то селение — с десяток домиков, расставленных, словно детские кубики, по обе стороны шоссе. У одного из домиков — он был побольше других и над его крыльцом красовалась яркая вывеска — автобус остановился.

Мы вышли, построились, и Федотов сказал, что селение называется Вальдек, а дом, в который он повел нас, — трактиром. В большой комнате на длинных столах стояли миски с жидким гороховым супом, и возле каждой миски лежало по две картофелины в мундирах вместо хлеба. Вылезли мы из-за столов, словно и не обедали, — такие же голодные остались. Был самый полдень. Солнце палило нещадно. Всех нас разморило в

пути, но Федотов, не дав нам ни минуты передохнуть, подал команду: «Строиться! Шагом марш!»

Дальше мы идем пешком, еле передвигая ноги, по усыпанной гравием проселочной дороге. Впереди сияют покрытые лесом холмы. Справа волнует поле ржи, за полем — стеной стоит лес. Слева — серая лента шоссе, по которому непрерывным потоком в ту и другую сторону проносятся автомашины.

Навстречу нам шла женщина. Шварц, поравнявшись с ней и лихо выбросив руку вперед, произнес: «Хайль Гитлер!» Женщина посмотрела на него недоуменными глазами и, не проронив ни слова, прошла мимо. Шварц сделал вид, что ничего не случилось, вытер платком потный затылок и принялся громко восторгаться красотой немецкой природы. Он рассказал нам о таинственном средневековом замке на крутом берегу озера Вальдек и о своем домике, что стоит на опушке векового леса, неподалеку от замка.

— У меня в этом доме настоящий музей, вы увидите чучела всех птиц и зверей, населяющих землю Гессен. О! Это очень интересно, и я уверен — вам понравится мой тихий лесной уголок.

Послушать Шварца, так мы и взаправду попали в добрый и прекрасный мир. Показывая на опрятные домики немецких крестьян, он сравнивал с ними вросшие в землю, покрытые соломой русские избышки, с веселой издевкой говорил о непролазных русских дорогах. Указав рукой на бетонную ленту шоссе, гордо воскликнул:

— Это есть цивилизованная европейская страна!

Дорога шла в гору. Вскоре мы увидели уходящие вдаль столбы и похожие на скворечники вышки. Между столбами была натянута колючая проволока, а на вышках стояли солдаты, топорились дула пулеметов. За проволокой бродили люди в полосатой одежде и плоских матерчатых шапочках. Концлагерь? Я чуть не вскрикнул от неожиданности. Точно такие же вышки-скворечники и опутанные колючей проволокой столбы я видел в Смоленске, у Молоховских ворот.

Неужели фашисты привезли нас в Германию, чтобы посадить, как зверей, за эту проволоку? Мне стало не по себе, я почувствовал, как зубы начали выбивать мелкую дробь. Остальные ребята тоже притихли, втянули головы в плечи, затравленно заозирались.

Федотов, видимо, заметил перемену в нашем настроении.

— Эй, что носы повесили? — крикнул он. — Ну-ка, запевай! — и сам первый затянул:

— Расцветали яблони и груши...

Концлагерь уже не виден за холмом, мы уходим право от него, по тропинке, ведущей через ржаное поле к лесу. Еще немного, и вековые ели обступили нас со всех сторон, грозно зашумели темными густыми кронами, заслонили солнечный свет. Корни, словно змеи, протянулись поперек тропинки. И опять мы увидели среди деревьев железобетонные столбы и натянутую между ними проволочную сетку.

Шварц, обогнав колонну, подошел к небольшой калитке и отомкнул замок. Пропустив нас в ограду, снова щелкнул ключом.

Мы прошли еще немного по лесу, очутились на зеленой лужайке, на противоположной стороне которой увидели большой деревянный особняк с черепичной островерхой крышей. На выском крыльце, оглядывая нас, стоял наш повар

Герман — только был он не в белом халате, а в солдатской форме, — уперев руки в бока и широко расставив ноги. Заметив Шварца, он мгновенно подтянулся и, сбежав с крыльца, отсалютовал:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — в голос ответили Шварц и Федотов.

Мы остановились. Шварц, широко улыбаясь, сообщил нам:

— Вот мы и прибыли к себе домой. Здесь мы будем жить. Сейчас вам следует отдохнуть после дороги, а вечером вы можете поиграть. Ступайте! В этом доме вам приготовлена самая лучшая комната. О распорядке дня вы узнаете завтра.

— Разойдись! — скомандовал Федотов.

Мы вбежали в огромную светлую комнату да так и замерли. Со всех сторон на нас тарасили глаза диких зверей и птиц. Пестрый дятел, ястреб, сова и тетерев с красными шишками на голове, как живые, сидели на подставках вдоль бревенчатых стен. В простенках стояли волк, лиса, рысь, косяля. У самых дверей, грациозно склонив голову, выставил свои рога олень.

— Зубы-то у волка какие! А глаза зеленые и блестят...

— Смотрите, филин! Что, разбойничек, попался!

Возле медвежьей головы, прикрепленной к темной, без окон, стене, собралось особенно много ребят.

— Пасть-то какая громадная!

Женя протиснулся вперед и ухватил Топтыгина за ухо. За ним потянулись другие мальчишки. Каждый старался потрогать медвежью голову руками.

И вдруг за спинами ребят раздался грозный окрик:

— Прекратить безобразие! — воспитатель сурово посмотрел на ребят. — Кажется, Хатистов — зачинщик?

Женя оглянулся, исподлобья посмотрел на воспитателя.

— Я не знал. Да чтоб провалиться мне на этом месте! Нужен он мне... — бессвязно бормотал он.

Федотов резко перебил его:

— Эти чучела трогать руками нельзя! — он еще раз строго оглядел ребят. — А Женя Хатистов будет наказан.

Со всех сторон послышались взволнованные голоса:

— Он же не знал!

— Хорошо, — смягчился воспитатель. — На первый раз я его прощаю и надеюсь, что все вы в дальнейшем будете более дисциплинированными. А сейчас готовьте постели и ложитесь отдыхать.

Я и не заметил, как уснул, а когда проснулся — было еще светло. Через открытую дверь я услышал, как в коридоре кто-то из мальчишек громко считает: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не схоронился, я не виноват!.. Раз, два, три...»

В комнате никого из ребят не было. Одни чучела обступали меня со всех сторон. А на улице слышались легкие, торопливые шаги, тихие возгласы и приглушенный смех. Я вскопчил с матраца и выбежал в коридор. Витя Корольков

стоял, уткнувшись лицом в угол, возле деревянной лестницы, ведущей на чердак.

Перебивая счет, я с обидой пробурчал:

— Почему меня не разбудили?

— Будили! — ответил Витя. — А ты сам не проснулся. Иди, прячься! — и он снова стал повторять считалочку.

Я спрятался в густых кустах акаций. Вот мимо пробежал Витя и исчез за углом дома.

Я выскочил из укрытия и бросился к крыльцу.

— Чур, первый!

Вслед за мной к крыльцу подбежал Иван, и тотчас же на террасе собрались почти все мальчишки. Не было только Жени.

— Куда он мог подеваться! — растерянно пробормотал Витя.

Толя насмешливо улыбнулся.

— Ищи! Не сквозь землю же он провалился.

Прошло еще несколько минут, а Жени нигде не было. Мы не на шутку встревожились.

— Давайте поищем вместе! — предложил Ваня.

Ребята разбрелись по двору. Мы с Толей обехали вокруг домика, и вдруг из-за угла, прямо на нас, выскочил Женя. Пилотка у него съехала набок, ботинки были в чем-то белом, словно он ходил по извести. А глаза блестели возбужденно и загадочно.

— Где ты был? — набросился на него Толя.

— Там, — показал Женя куда-то назад. —

В подвале. Там такое...

— Да ну, не тяни! — заторопил я его. — Говори скорей!

Женя произнес шепотом:

— Идемте, покажу!

Но в это время на крыльце дома появился Федотов и позвал нас ужинать.

Я, почти не жуя, проглотил бутерброд с маслом, выпил кружку кофе и с нетерпением стал ждать команды. Вот все поднялись из-за столов. Стараясь не терять из виду Женю, я вышел на террасу. Там, облокотившись о перила, стоял солдат в полевой немецкой форме мышиного цвета и насвистывал «Катюшу». На вид ему было лет двадцать. Высокий, стройный и голубоглазый, он равнодушно посмотрел на нас и отвернулся. Следом за нами вышел Федотов.

— Отстрелялись? Молодцы! Жрать умеете.

Ну, а теперь марш во двор!

Меня мучило любопытство: что там, в подвале, увидел Женя Хатистов? Но когда я подошел к нему и спросил об этом, он ответил:

— Потом покажу.

— На сегодня хватит, — объявил, наконец, Федотов и велел нам готовиться ко сну.

Было уже поздно: солнце спряталось за зубчатый край леса, надвигались сумерки, и о том, чтобы лезть сегодня в подвал, нечего было и думать.

— Ну скажи, что там! — чуть не плача от обиды, допытывался я у Хатистова, когда мы улеглись на жесткие соломенные маты.

— Т-сс, — прошипел он. — Спи. Завтра все покажу.

Когда рано утром из-за леса выглянуло солнце, мы были уже во дворе. Здесь уже собрались Шварц, Федотов, унтер-офицер, четыре фашиста из охраны, повар Герман, братья-близнецы Василь и Николай Бойко и вчерашний голубоглазый солдат.

— Юные друзья! — торжественно произнес

Шварц. — С этой минуты ваше будущее зависит не только от нас. Мы, как и раньше, обещаем вам свое покровительство. Но и вы должны быть готовы в скором времени оказать нам маленькую услугу. — Обер-лейтенант положил руку на кобуру пистолета. — Кто не желает принять наши условия, может выйти из строя. Я думаю, одной минуты вам будет достаточно, чтобы сделать правильный выбор.

В напряженной тишине застыли тридцать щуплых мальчишеских фигурок. Я почувствовал, как колющий холодок пробежал по телу, и понял, или нет, скорее ощутил, что сейчас, именно сейчас, решается что-то очень важное в нашей дальнейшей судьбе. Затаив дыхание, я украдкой глянул на своих друзей. Они все словно приросли к земле, сбывчившись, уставились на Шварца.

— Итак, все согласны? Хорошо. — Шварц сделал шаг вперед. — Мы еще вернемся к этому разговору. А теперь я хотел бы сказать вам кое-что весьма приятное. Это касается игр и различных спортивных соревнований. Они в ваших интересах будут расширены. Мы пригласили опытных армейских спортсменов. Унтер-офицер Краузе, — обер-лейтенант кивком головы показал в сторону сухопарого человека в очках, — Алексей Николаевич Федотов и младший инструктор Иван Семенович Таболин, — Шварц повернулся к голубоглазому солдату, — ознакомят вас с правилами военно-спортивных игр. Я надеюсь, что в ходе

учений вы познаете захватывающее чувство необычных приключений и неизведанного риска. Успеха вам, юные друзья!

Меня так и подмывало спросить, какую эту услугу мы должны будем оказать фашистам, но пока я раздумывал, заговорил Федотов:

— Минутку внимания, ребята! После завтрака мы познакомимся с рельефом местности. Потом исследуем приток небольшой речушки, протекающей у подножия холма, и выйдем к ее устью, где начинается озеро Вальдек.

Воспитатель прищурил один глаз и, словно прицеливаясь, неторопливо оглядел нас всех по очереди.

— Ну, кто из вас мог мечтать о такой беззаботной, прямо-таки райской жизни, тем более в тяжелое военное время?

Мы вышли за ворота и походным маршем направились на северо-запад. Шли молча. А когда свернули с тропинки на просеку, построились в две шеренги. Таболин звонко запел «Катюшу». Мы дружно подхватили. Когда кончили, Федотов затянул «Петроград мы не сдадим». У нас снова получилось «Ленинград мы не сдадим», но ни воспитатель, ни инструктор будто ничего не заметили. А вместе «русскую столицу» мы пропели «русскую станицу» — и тут сошло.

Взобрались на каменистую вершину холма. Федотов приказал остановиться.

— Смотрите! Перед вами маленький уголок необъятной немецкой империи. Здесь, на этой священной земле, мы проведем в играх много дней, но я должен предупредить вас: чтоб ни одна травинка, ни один листок без разрешения не были сорваны. Иначе... — он погрозил пальцем. — Ну, а теперь знакомьтесь с рельефом местности.

Вдали, за голубой полоской озера, мы увидели средневековый замок. А недалеко от места, где река впадала в озеро, виднелись остатки моста — груды искореженных металлических конструкций, а левее — огромный, утопающий в зелени сад, в глубине которого возвышалось двухэтажное каменное здание светло-зеленого цвета. Рядом с ним виднелись еще два деревянных строения, похожих на солдатские казармы. Позади нас простиралась холмистая, покрытая лесом равнина, перерезанная серой лентой шоссе, белели какие-то домишки под красной черепичной крышей, а дальше тянулись вышки-скворечники.

— Алексей Николаевич, а кто это там? — спросил Женя Хатистов, показывая рукой в сторону концлагеря.

— Там? — рассеянно переспросил Федотов. И вдруг оживился: — А! Там живут и работают на каменоломнях враги новой Германии. Вы же видели этих бандитов, когда проходили мимо. Каждого из них надо было бы повесить, но фюрер, по доброте своей, даровал им жизнь...

— Алексей Николаевич, пора, наверное, двигаться дальше, — подсказал Федотову Таболин.

— Давайте спускаться, — согласился тот.

— Хорошенько запоминайте дорогу, — предупредил нас Таболин, — здесь вам еще не раз придется бывать.

На каждом шагу мы ахали от удивления. Вон в зарослях кустарника мелькнула голова какого-то большого животного. Да это же лось!

Потом через лужайку проскакал заяц, а на опушке мы увидели пятнистых оленей и косуль. Они без боязни смотрели на нас и неторопливой рысцой убегали прочь.

Спустившись с холма, мы очутились в густых зарослях тростника.

— Учтите, — сказал Федотов, — во время военно-спортивных игр вам придется преодолевать не только пересеченную заболоченную местность и лесные массивы, но и водные преграды.

Потом он вывел нас на поляну и подал команду:

— Привал!

Таболин развязал вещевой мешок и раздал всем бутерброды. Высоко над головой застыло безоблачное небо. В безбрежном голубом просторе резвились ласточки.

— Играют, чертяки, и война им нипочем, — прожевывая бутерброд, подал голос Федотов.

— Алексей Николаевич, так и мы с вами не на передовой, — отозвался Таболин.

— Как сказать, — угромо промычал Федотов, поглядывая на нас. — Может, мы еще подалее будем, чем на передовой.

Таболин усмехнулся, пожал плечами:

— В этом смысле вы, конечно, правы.

— Ну, а теперь к озеру! — сказал нам Федотов.

Мы бодро зашагали по мягкому ковру из мха и трав. Потом все чаще стали попадаться то низкорослый колючий кустарник, то нагромождение из камней-валунов, а то под ногами начинала хлюпать вода. Вот мы уже идем по болоту, перескакиваем с кочки на кочку. Кочки качаются, уходят из-под ног. Того и гляди провалишься в вонючую зеленую жижу.

Первым оступился Витя Корольков. Мы и охнуть не успели, как он увяз по пояс в зыбкой трясине.

— Витька, держись! — крикнул Валя Белов и, как ящерица, пополз на помощь. Но младший инструктор опередил его: пригнул ствол березки, и Витя, ухватившись за ветки, выбрался на кочку.

— В следующий раз, я думаю, это не повторится, — сердито сказал Федотов и отдал команду продолжать движение.

Наконец мы добрались до разбитого моста. Тут воспитатель сделал нам очередное внушение:

— Во время переходов шуметь, разговаривать и, тем более, смеяться нельзя, ребята. Представьте себе, что через это болото, заросли с заводьями и ручейками проходит линия фронта, а вы — солдаты, выполняющие особое поручение командования. Знаете, что случилось бы с вами? Да вас, как куропаток, перестрелял бы неприятель! Ну, а сейчас снимите с себя одежду и просушите ее как следует.

Недалеко, за деревьями, блестела голубая гладь озера.

Женя спросил:

— Алексей Николаевич, а искупаться можно?

— Разрешаю, — сухо ответил Федотов.

Вместе со всеми я побежал к озеру.

— К чему мы поперлись через эти дебри? — недовольно спросил у меня Женя. — Ведь рядом — просека, я ее с холма видел.

— Эх ты, недотепа! — негромко сказал Ваня Селиверстов. — Не слышал, что ли: ведь мы переходили линию фронта!

— Ну да! — удивился я. — Какую линию фронта?

— Такую вот. Потом узнаешь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы играли в прятки.

— Идем в подвал! — шепнул мне на ухо Женя, когда мы с ним побежали прятаться.

У входа в подвал за кирпичной стеной притаились Ваня Селиверстов и Толя Сидоров, а за металлической бочкой — Толя Парфенов и Заля Белов. Женя вынул из кармана изогнутый гвоздь и сунул его в замочную скважину. Дверь со скрипом отворилась. Женя махнул нам рукой и первым переступил порог.

В полумраке я с трудом различал уходящие в темноту бетонные ступени. Женя шел впереди, держа над головой карманный фонарик, который немцы выдали ему на весь отряд. Бледный луч света прыгал то по бетонному полу, то по стенам. Вот на какое-то мгновение он вырвал из темноты кучу какого-то тряпья.

— Откуда это здесь? — спросил Толя, разворошив кучу ногой: то были старые мундиры и брюки, совсем как те, что носили теперь мы.

Наши тени заметались по серым каменным стенам и по бетонному полу. Иван нагнулся, что-то поднял:

— Смотрите! Гильзы!

Женя направил луч света на стену, которая вся была усеяна круглыми дырками. Я потрогал одну дырку пальцем.

— Это следы от пуль, — сказал Женя. — Немцы кого-то тут расстреливали.

Мы все затаили дыхание. Захотелось поскорее выбраться из этого сырого темного подвала. Но Женя не торопился. Он провел нас к бетонной нише и показал какие-то прорезиненные мешки.

— В них, наверное, яд...

На мешках что-то было написано по-немецки. В растерянности смотрели мы друг на друга.

— Да ну, яд! — засомневался Толя Парфенов. — К чему он тут?

— К тому, — убежденно произнес Женя. — Вот дадут тебе такой мешочек, отправят через линию фронта и скажут: «Подсыпай в колодцы!»

— К своим они нас не отправят, — засомневался Толя. — Дураки, что ли, фрицы! Они нас в какую-нибудь другую страну пошлют. Может, в Англию.

— Куда? — спросил я.

— В Англию. Или еще куда-нибудь.

Мы выскользнули на улицу и побежали к крыльцу, чтобы продолжить игру в прятки. Но мы были слишком взволнованы увиденным, и играть больше не хотелось. Немного покрутившись у террасы, мы, не сговариваясь, направились к весу, который был устроен в дальнем углу двора. Там можно было разговаривать, не опасаясь, что кто-нибудь тебя услышит. Однако не успели мы туда побежать, как услышали окрик Федотова:

— Построиться! С вами будет беседовать обер-лейтенант Шварц.

Остановившись перед шеренгой, Шварц начал:

— Наша воля, желание и разум подчинены единственной цели — создать для вас такие жизненные условия, о которых раньше вы даже не

могли и мечтать.— Он на минуту задумался, потом, чеканя каждое слово, продолжил: — Мы будем играть в военно-спортивные игры и полученные навыки применим впоследствии на практике. Это значит, что, находясь в любой обстановке, вы должны найти возможность вовремя укрыться от опасности, незаметно приблизиться к вражескому объекту или скрытно преодолеть участок местности, находящийся под контролем противника. Все это не так просто. Только продолжительные тренировки помогут сделать из вас выносливых солдат.

Я напряженно вслушиваюсь, и мне кажется, что Шварц не говорит, а бьет чем-то тяжелым по голове.

— Вы должны иметь нюх борзой собаки, зоркие и острые глаза степного орла и быть быстрыми и коварными, как тигры. Ваш организм должен привыкнуть к голоду и холоду. Поэтому с сегодняшнего дня отменяются купания с мылом, уменьшается хлебный паек и другие продукты питания. Взамен их вы получите положенную порцию картофеля и кружку кофе к обеду.

Обер-лейтенант круто повернулся на каблучках, и на его место встал Федотов. Он загадочно посмотрел на нас:

— С завтрашнего дня начнется самое интересное. А ну, скажите, кто из вас сумеет определить страны света по солнцу, по Полярной звезде или по деревьям в лесу? Кто определит на глаз расстояние до того или иного предмета? А кто умеет определять расстояние по звукам? Мы молчали.

— Ничего, пройдет какой-нибудь месяц, и вы всему научитесь. Тогда любой из вас, как колобок, сможет легко выбраться из самого дремучего леса и найти дорогу, по которой он должен идти.

Первые занятия Федотов проводил в присутствии обер-лейтенанта Шварца, недалеко от лесной дачи. На поляне, куда нас привели, тут и там были разбросаны огромные камни-валуны, покрытые желто-зеленым мхом. Из притоптанной травы кое-где выглядывали пни только что срубленных деревьев. А вокруг, разметав лохматые ветви, плотной стеной стояли сосны и ели.

Федотов опустил свою руку в нагрудный карман. Блеснула стальная цепочка, и круглый плоский предмет, похожий на карманные часы, повис в воздухе.

— Что это такое? — спросил он.

Позади меня послышался неуверенный возглас.

— Часы!

Второй возразил:

— У часов стрелки не такие.

Я оглянулся. Это спорили приютские.

— Это компас, — сказал Федотов.

Затем он достал из своих необъятных карманов еще четыре компаса, и мы, разделившись на группы, приступили к определению стран света.

После обеда снова пришли на поляну. Поиграли немного в чехарду. Потом Федотов собрал нас и сказал:

— Перед вашими глазами пень, самый обыкновенный. Но сейчас он нам расскажет кое-что о себе. Подойдите ближе. Видите эти кольца? Если их посчитать, то можно точно определить возраст дерева. Теперь посмотрите: с одной стороны расстояние между кольцами уже, чем с другой. Почему? Да потому, что одна сторона дерева по-

лучает меньше тепла и света, чем другая. Скажи, Дима, какая сторона получает больше тепла и света?

— Южная, — ответил я.

— Правильно. А какая будет северная? Как ты думаешь, Хатистов?

— А чего думать? Ясно, где кольца уже, — и в глазах у Жени сверкнули задорные огоньки.

— Ничего, соображаешь! — похвалил Федотов. — Ну, а теперь посчитай кольца. — Женя заторопился и сбился со счета.

— Эх ты, недотепа, — добродушно проворчал Федотов. — Смотри, как надо считать.

Когда Федотов бывал в хорошем настроении, с языка у него так и сыпалось: «недотепа», «размазня», «болван», «дурень». Или что-нибудь еще похлеще.

Мы не обижались. У нашего воспитателя талант — ругаться без раздражения, как бы по-приятельски. Вот когда он с улыбочкой, ласково цедил сквозь зубы: «Что, милый дружок, напакастил?» и смотрел на тебя неподвижными, словно застывшими глазами, — тут уж мы знали: Федотов еще припомнит тебе эту промашку.

Но нам больше по душе были занятия, которые проводил младший инструктор.

Во время кратковременных привалов Таболин ни на минуту не оставлял нас наедине и расспрашивал, где мы жили до войны, чем занимались в оккупации и нравится ли нам то, что делаем мы сейчас.

Во время таких бесед он молча выслушивал придуманные нами небылицы, а мне казалось, что он ждал от нас каких-то других ответов. В свою очередь, мы пытались узнать, как он попал к Шварцу, но Таболин всякий раз старался замять этот разговор, переводя наше внимание на что-либо другое. Вообще он был для нас загадкой. Однажды он спросил:

— Кто из вас до войны проходил в школе русскую историю?

Очень странным показался нам этот вопрос, и потому никто из ребят не ответил на него. Тогда он предложил:

— Хотите, расскажу что-нибудь из истории? Мы недоверчиво поглядывали на него и держали себя настороже.

А он рассказывал нам про Стеньку Разина, про Ивана Болотникова, про Емельяна Пугачева.

Потом мы уже сами просили «что-нибудь» рассказать. Он усаживал нас кружком и начинал:

— У каждого человека есть родина. Это не только деревня, где он родился, или город. Это вся его страна. Вот где твоя родина? — он в упор посмотрел на Ваню Селиверстова.

— Советский... — начал Ваня и тут же поправился: — Россия, что ли?

Таболин сказал:

— Правильно, Россия. Сейчас я вам расскажу про человека, который отдал жизнь за свою родину. Это было давным-давно, еще при царе Михаиле, и человека этого звали Иваном Сусаниным...

Шли дни за днями. По компасу, пенькам, мху, росшему на камнях-валунах, и ветвям деревьев мы без ошибок научились определять страны света. Особенно интересно было ходить с компасом по азимуту. И никто бы из нас раньше не поверил, что Витя Корольков окажется самым смысленным и расторопным. Ведь в самом на-

чале практических занятий он никак не мог по стволу дерева или камню, обросшему мхом, определить нужное направление. Вместо того, чтобы следовать на север, шагнул на юг. «Дурень, ну куда тебя несет!» — то и дело останавливал его Федотов и подзывал на помощь Таболина: «Иван Семенович, объясни этому болвану все с самого начала». А теперь Витьку Федотов ставит нам в пример.

Перед заходом солнца мы возвращались домой и после ужина, усевшись под навесом, чинили изорванную обувь и одежду.

Здесь можно было говорить обо всем, что нас тревожило.

— Ежели так пойдет и дальше — с голодухи околеем, — тяжело вздыхал кто-нибудь.

— Цел, небось, будешь. Триста граммов хлеба — это немало! — приторачивая проволокой отставшую подошву, возражал другой. — Да у моста вон, под камнями, рыбка водится. Лови и жуй себе на здоровье.

— Живую, что ли?

— А какую еще? Вчера я поймал и съел одну. Вкусная.

Однажды во время учений по ведению разведки с наблюдательных пунктов я заметил, как примерно в километре от меня из-за скалы вынырнул маленький, словно игрушечный, паровозик. Он тащил за собой такие же игрушечные вагонетки. Поезд медленно катился к подножию горы. Потом паровозик вдруг куда-то исчез. Один за другим исчезли и вагоны...

Вот так штука! Я посмотрел на схему, сверился с компасом. Квадрат — 12! Мне было известно, что в этом квадрате, за скалистым холмом, примерно в четырех километрах от местечка Вальдек и в двух от «охотничьего» домика Шварца, расположен концлагерь. Значит, игрушечный поезд шел по концлагерю! Что же он вез? И что там за горы? Я ползком взобрался на холм, за которым то появлялся, то исчезал железнодорожный состав из вагонеток, и увидел огромное пространство, огороженное колючей проволокой. И там, за проволокой, люди в полосатой одежде носили камень. Замкнутой бесконечной цепью двигались они к узкоколейке, сбрасывали камни и возвращались в карьер.

С вышек на них были нацелены пулеметы, а вдоль дороги стояли надсмотрщики.

Кто они, эти люди? Может, наши, русские?

Тут я увидел, что по склону холма поднимаются двое наших ребят, и бросился им навстречу.

— Небось, заключенных ходил смотреть? — загадочно произнес Женя.

Я не успел ответить, как из-за кустов появился Таболин.

— Как вы здесь очутились? — строго спросил он.

Все произошло так внезапно, что мы растерялись.

— Гнались за косулей, — неуверенно пролепетал Женя.

Посматривая то на Женю, то на меня, Иван Семенович сказал:

— Ну, а теперь выкладывайте все начистоту.

— Нам выкладывать нечего, — ответил Женя. — Мы правда гнались за косулей.

— Ну что ж, за косулей, так за косулей, — помолчав немного, произнес Таболин — и тут же:

— Марш на пункты наблюдения!

Поначалу унтер-офицер Краузе не вмешивался в нашу жизнь, а как бы со стороны, из окна своей комнаты на втором этаже, наблюдал за нами.

Но однажды вечером он подошел к Вите Королькову и сказал:

— Мне надо поговорить с тобой, мой мальчик. Пойдем ко мне наверх.

Витя, пугливо озираясь, побрел следом за унтер-офицером, а мы, оставшиеся внизу, проводили его тревожными взглядами. И прислушивались к скрипу ступеней старой винтовой лестницы, что вела в кабинет Краузе.

— Что он сделал? — шепотом спросил я у Жени.

— Витька-то? — растерянно переспросил он и развел руками:

— Не знаю...

Когда Витя вернулся от унтера, Женя и Ваня первыми подбежали к нему, затормошили:

— Ну, чего он тебя?

Витя начал было рассказывать, но увидел меня и вдруг весь так и ошетинился.

— Мотай отсюда! — зашипел он.

— Да ты чего? — удивился я.

— Мотай, говорю? А то как дам!...

Я его не узнавал.

Ваня тоже спросил:

— Чего это ты на Димку?

— Сам знает, — сказал он и зло сплюнул в мою сторону.

Тут вошел Федотов и велел всем спать. Но я слышал, как о чем-то долго еще шептались Витя Корольков и Ваня Селиверстов. А утром Ваня, когда я подошел к нему, молча отвернулся от меня.

...По скрипучей лестнице я поднимаюсь на второй этаж. Сегодня я «приглашен» унтер-офицером Краузе. Стучу в дверь.

— А, Дима Репухов! — Краузе впускает меня в свой кабинет. — Проходи, садись. Я вот как раз приемник включил, поймал русскую радиостанцию. Тебе знакома эта музыка?

Печальная русская песня переполняет мою душу, уносит в родные края. Я вижу бледное, покрытое морщинками лицо матери, и мне кажется, что это вовсе и не песня, а вымученный, тоскливый плач. У меня кружится голова, горький ком подкатывает к горлу. Унтер печально кивает головой:

— Твое детство было таким же печальным, как эта песня. Но теперь все изменилось. Будущее твое светло и прекрасно... Но сейчас ты должен быть послушным и дисциплинированным. Как солдат.

Краузе приблизился к окну и неторопливо продолжал:

— Но борьба еще не окончена. Тебе, будущему разведчику германской армии, нужно учиться переносить всевозможные лишения...

Я насторожился. Как же так? Вначале нам говорили, что едем на экскурсию. Потом Шварц намекнул на какую-то «маленькую услугу». Федотов учит переходить «линию фронта». А теперь...

Набравшись храбрости, я спросил:

— А нас будут учить стрелять?

Краузе не сразу ответил:

— Нет, не будут. Вам оружие не потребуется.

Краузе, пристально глядя на меня, вкрадчиво объясняет, что нам, ребятам, всегда следует

советоваться со старшими и меньше всего следует доверять сверстникам.

— Ну, кто твой самый большой друг? Наверное, Женя Хатистов? — спрашивает он. Я кивнул. Краузе криво усмехнулся:

— А ты знаешь, что он выдал тебя с головой? Вчера ты говорил ребятам, что мы собираемся уморить вас голодом, и, как видишь, мне об этом уже известно...

Я похолодел. Неужели Женька и вправду донес на меня?

А Краузе спешит успокоить меня:

— Не бойся. Мы не собираемся тебя наказывать. Я даже могу понять твоё недовольство, ведь голодать никому не хочется. Только в другой раз приходи со своими жалобами прямо ко мне: как видишь, я все равно все знаю...

В этот день я с Женей Хатистовым не разговаривал. Я его видеть не мог. Мне хотелось сказать ему, что он предатель. Не знаю, почему я ему этого не сказал.

...Вернувшись в комнату после беседы с Краузе, Женя плотнее закрыл за собой дверь и зло процедил сквозь зубы:

— Где Валька?

— Только что был. Не видел его в коридоре? — отозвался Толя Парфенов.

— Если бы видел — не спрашивал, — и, обведя ребят виновато-растерянным взглядом, Женя сказал: — Валька-то... предатель!

Приютские угрожающе надвинулись на него.

— Что ты сказал? Повтори!

— Предатель ваш Валька, вот что! Забыл, как клятву давал и землю смоленскую жрал? И не подавился, зараза!

— Ты полегче, а то знаешь!..

У Жени задрожали губы:

— Я-то знаю!

Бесшумно открылась дверь. Появился Валька. — Вот он! — заорал Женя. — Продавать своих, гад? — и, бросившись на Вальку, рванул его за ворот френча. В следующий миг мальчишки клубком завертелись на полу.

— Сам ты меня продал, шкура! — визжал Валька, отчаянно колотя Женю кулаками.

— А Димка-то тоже немцам продался! — услышал я за спиной голос Вани Селиверстова, и в тот же миг сильный удар по голове свалил меня с ног. Я попытался подняться, но на меня

набросились сразу несколько пацанов и стали остервенело колотить кулаками. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы вдруг над нами не раздался резкий голос Таболина:

— Нечего сказать, молодцы! А ну-ка, всем встать! Смирно!

Я еле держался на ногах, все плыло у меня перед глазами. У Вальки из носа шла кровь, и он, запрокинув голову назад, хватал ртом воздух. Женя Хатистов зажимал ладонью разбитую губу.

— Эх вы, герои! Из-за чего подрались-то?

Мы молчали.

— Тоже мне, друзья-говарищи. В следующий раз подумайте как следует: может, в вашем споре замешан еще кто-то, — и строго заключил: увижу такое безобразие — в карцер посажу драчунов.

И вышел.

— Женька, Димка, Валька! — выкликнул Ваня Селиверстов. — Ну-ка, признавайтесь, кто что сболтнул унтеру.

— Я ничего не болтал! — сказал я.

— И я не болтал! — сказал Валька.

— И я не болтал! — сказал Женя.

Тогда я перешел в наступление:

— Это Женька нашептал унтеру, будто я на голоду жаловался. Мне унтер сказал.

— Я ему нашептал?! — вытаращил глаза Женя. — Да чтоб мне домой не вернуться, если я ему хоть слово про тебя сказал! Это вон Валька ему на меня шептал. — Женя сжал кулаки и угрожающе придвинулся к Вальке. — Что, может, не ты ему рассказал про автомат, который я весной у солдата спер?

— Да чтоб мне!.. — забожился Валька. — Я и не знаю ни про какой автомат.

— Я же рассказывал.
— Ни в жизнь!
— Рассказывал,— подтвердил Ваня Селиверстов.— Вчера, когда мы с занятий вернулись.

— Так вчера я Герману на кухне помогал! — запротестовал Валька.— Я и на занятия не ходил. Мы переглянулись: вот те раз! Если никто ничего не говорил унтеру, откуда же ему известно про автомат и про мои слова насчет голдухи?

— Братцы, а может, нас подслушивают?—шепотом высказал предположение Ваня Селиверстов.— Может, у них тут в стенах...

— Ну, а зачем унтер наговаривает нам друг на друга?—спросил я, чувствуя, как от Ваниной догадки у меня по спине побежали мурашки.

— Не понимаешь?

— Нет...

Ваня наклонился к самому моему уху:

— Они хотят, чтоб мы горло друг другу перегрызали!.. А нам надо держаться вместе. Понял теперь?

— Понял.

Ваня был самым старшим среди нас, и его мнение чаще всего принималось нами безоговорочно. А теперь авторитет Вани Селиверстова еще больше возрос: после «работы», которую провел с нами унтер-офицер Краузе, мы чувствовали себя довольно беспомощно, и нам нужен был вожак.

Ваня сказал:

— Кто первый начнет драться — тот, значит, с унтером заодно.

И мы решили, что не будем больше драться.

Мальчишки есть мальчишки, и время от времени драки все-таки случались. Из-за какой-нибудь ерунды. И тогда Ваня, а с ним еще трое или четверо ребят, что покрепче, бросались разнимать и мирить драчунов.

Серый туман плотной стеной окутал и лес, и дорогу, и озеро. Небо, казалось, слилось с землей. Растянутой цепочкой мы шли по обрывистому склону холма. Под ногами угрожающе шуршала каменистая осыпь. Все чаще и чаще скатывались вниз увесистые булыжники. Ребята stalkивали их ради забавы и смотрели, как они, подпрыгивая и увлекая за собой попадающиеся на пути более мелкие камни, летели на дно оврага.

Табалин остановил строй:

— Здесь идти опасно, поэтому никакого баловства — будьте осторожны.

— Кто хочет жить — не сорвется,— возразил Федотов.

Он первым, прыгая с камня на камень, продвигался вперед, а Табалин замыкал группу.

Все произошло мгновенно. Позади меня раздался пронзительный крик. Я оглянулся, но в тумане сначала ничего не мог разобрать.

И тут по цепочке передали:

— Табалин разбился!

Когда я подошел к месту происшествия, то увидел сгрудившихся в кучу растерянных ребят и среди них сидящего на корточках в обнимку с березкой Толю Парфенова. Это он закричал, когда, оступившись, потерял равновесие. Табалин успел подхватить его и отбросить к березке, а сам не удержался и кувырком покатился вниз по крутому склону, увлекая за собой булыжники.

Мальчишки поодиночке выползали из тумана и, сгрудившись, настороженно смотрели вниз. Широко расставляя ноги, к нам приблизился Федотов. Распорядился:

— Парфенов, Репухов, Селиверстов, Хатисов — со мной спуститесь на дно оврага. Остальные следуйте в безопасное место, к северному склону холма. Там нас и ждите.

Табалин лежал, раскинув руки. Лицо его было в крови. Федотов приложил ухо к его груди.

— Дышит,— сказал он как бы сам себе и показал нам на молодую березовую поросль:— Выломайте два деревца и — мигом ко мне.

Мы уложили Ивана Семеновича на березовую волокушу. Его полузакрытые глаза неподвижно смотрели в мутное небо. Казалось, он спит. Воспитатель достал из кармана бинт и наложил на кровоточащую рану у виска тугую повязку.

Вечером Таболина из «охотничьего» домика увезли в госпиталь.

Однажды мы собрались в кружок в своей комнате и завели разговор о самом сокровенном — о том, удастся ли нам когда-нибудь вернуться домой, на Родину. Мы еще не знали, какую судьбу нам готовят фашисты, не знали, какую именно «услугу» должны будем оказать им. Уже месяц, как мы жили в «охотничьем» домике в полной изоляции от остального мира и даже не знали, живы ли наши родные. Унтер-офицер Краузе во время своих вечерних «бесед» рассказывал нам о «славных победах» немецких войск. По его словам выходило, что еще немного — и Советская власть перестанет существовать.

И вот Женя высказал такую мысль: унтер-офицер частенько днем отлучается из «охотничьего» домика, а в комнате у него приемник...

— Вот бы послушать наших!

Кто-то нерешительно возразил:

— Влетит.

Но Ваня Селиверстов громко поддержал Женю:

— Небось, к стенке не поставят! Зато будем знать, что и как...

Мы слишком увлеклись и забыли про всякую осторожность.

Валька Белов сказал в полный голос:

— Я пойду! Я знаю, где надо крутить.

— Не сдрейфишь? — спросил Ваня.

Валька даже обиделся:

— Иди ты! Сдрейфишь...

Но тут Ваня, вспомнив, что нас могут подслушать, что-то зашептал сидевшему рядом Вальке Белову. Тот кивнул и так же шепотом передал мне:

— Если что — говори: мол, в сад за яблоками сговаривались слазить...

Я — Жене:

— Спросят — говори, что яблок нарвать сговаривались...

И — пошло от одного к другому. Идея слазить ночью за яблоками вынашивалась нами давно. Помещичий сад находился километрах в двух от «охотничьего» домика, и часто, по дороге на топографические занятия, мы вожаделенно поглядывали на зреющие плоды. Пунцовыми яблоками усыпаны были и деревья, растущие вдоль шоссе. Эти деревья казались нам ничими: захотел яблоко — сорви! Но когда однажды Витя Корольков поднял с земли червивую падалицу, подскокивший Федотов схватил его за шиворот, с силой потряхнул и с расстановкой стал внушать: «Это тебе, братец мой, не Россия! Положи-ка на

место, поближе к дереву,— и, наградив Витю затрещиной, толкнул его в строй.

В тот же вечер, когда мы все готовились ко сну, вдруг явился унтер-офицер Краузе и увел с собой Ваню Селиверстова. А немного погодя Федотов поднял с постели Вальку Белова. У самого порога Валька обернулся, и я увидел на его лице растерянную улыбку.

— Ребята,— сказал Володя Пучков.— Как хотите, а надо спасать Ванюху.

— Как мы его спасем?— с сомнением спросил я.

— Надо сегодня ночью забраться в сад к помещику, нарвать яблок побольше. Тогда фрицы поверят, что мы и правда об этом договаривались.

На ночь ворота запирались, и возле них расхаживал часовой. Перелезть через трехметровую ограду было нам не под силу. Но мы и не собирались перелезть через нее. Мы знали одно заросшее бурьяном местечко, где под ограду неизвестно кем и для какого случая был сделан лаз.

Когда совсем стемнело, четверо ребят выскочили через окно на улицу и крадучись направились к лазу.

Вот и сад. Затрещали ветви яблонь, с глухим стуком посыпались на землю тяжелые плоды. Во дворе усадьбы залаяла собака...

А утром на мягком тарантасе приехал разъяренный помещик. Он был до того взвинчен, что казалось, вот сейчас лопнет от злости... В коридоре послышались тяжелые шаги.

— Встать! Всем выйти во двор!— Унтер-офицер построил мальчишек.— Кто из вас ночью ходил в сад? Я спрашиваю: кто посмел нарушить установленный порядок и дисциплину?— Сквозь стекла очков вспыхнули его глаза. А позеленевшее от ярости лицо покрылось багровыми пятнами.— Зачинщики хулиганского проступка— три шага вперед, марш!

Володя Пучков, переминаясь с ноги на ногу, нерешительно вышел из строя. За ним потянулся Павлик Романович.

— Еще я ходил в сад,— низко опуская голову, признался он.

Краузе ловко схватил Павку за ухо:

— Сопляк!..

Сильный удар опрокинул Павку на землю. Упершись руками в песок, Павлик медленно поднял голову, посмотрел на Шварца, потом стремительно, словно пружина, вскочил на ноги и замер по стойке смирно.

Обер-лейтенант назидательно сказал:

— За то, что вы натворили, следует очень строгое наказание— пять лет каторжных работ. Его рука повисла в воздухе, сжатый кулак с хрустом уперся в Железный крест на груди.— Мы есть подлинные ваши друзья. И наша цель— не преследование, а спасение виновных от заслуженного возмездия. Но сохранить вашу безопасность и тем более жизнь возможно только путем при-

менения другого, более легкого наказания, и вы должны быть благодарны нам за это.

Указательный палец Шварца, как шпага, повернулся в сторону Романовича и Пучкова.

— Вы должны сейчас же отправиться в карцер.

Федотов добавил:

— Нашкодили, мерзавцы, и не подозреваете, что господин обер-лейтенант из дружеских соблагов принял на себя всю ответственность за ваш хулиганский проступок и теперь не вы, а он отвечает за все своей головой. Эх, вы! Дикая деревня с ее дурным обычаем, где каждый стремится, как в гости, к соседу в сад, хотя и своих яблок ему некуда давать. А здесь, в новой Германии, закон и порядок превыше всего.

Воспитатель подтолкнул Павла и Володю вперед и со смешком бросил:

— Нечего сказать, приятная подобралась компания.

В тот день Шварц и Краузе куда-то внезапно уехали, и мы снова вспомнили о приемнике, который стоял у него в комнате. Запасной ключ от комнаты — мы знали — лежал у Германа в коробке с инструментом, на пожарном ящике. Женья вызвался стащить его. А кто пойдет в комнату к унтеру?

Решили тянуть жребий. Слушать радио досталось мне.

...С зажатым в руке ключом я осторожно прокрадываюсь вверх по лестнице. Скрип расхожих ступенек заставлял неистово колотиться мое сердце, и когда я оказался на площадке второго этажа и ступени перестали скрипеть, мне почудилось, что вокруг наступила мертвая тишина. Но вот я услышал доносившийся снизу дробный перестук: та-та-та, та-та-та... Да ведь это Женька выбивает на крыльце чечетку, маскируя меня!

Почти машинально вставляю ключ в замочную скважину, поворачиваю... Дверь бесшумно отворяется, и я вхожу в комнату.

Вот он, приемник на деревянной подставке у окна. Рядом — стол, покрытый зеленым тонким сукном, и кресло у стены. Знакомая обстановка. Несколько секунд я оцепенело смотрю на молчаливый приемник и вдруг вспоминаю — дверь-то осталась открытой! Метнулся к порогу. Прислушался. Внизу, у воспитателя в комнате, тихонечко плакал баян.

Закрыв за собой дверь, я облегченно вздохнул и на цыпочках подошел к приемнику. Включил его и, зажав ручку настройки, перевел стрелку в ту точку, откуда при «беседах» у Краузе слышал русскую печальную песню. Затаив дыхание, я уставился на зеленый огонек. Беспокойно подумал: почему он молчит? Потом откуда-то издали послышалась русская речь. Передавали про зверства фашистов на Орловской земле. Потом в приемнике затрещало, запикало, и я не мог разобрать начала новой передачи. Когда же трескучие звуки пропали, я услышал твердый и сильный голос диктора.

— «...наши войска на Брянском направлении продолжали наступление и, продвинувшись на отдельных участках от 6 до 10 километров, заняли свыше 40 населенных пунктов.

На Харьковском направлении наши войска, преодолевая сопротивление и контратаки противника, продолжали наступление и, продвинувшись на отдельных участках от 7 до 10 километров, заняли свыше 50 населенных пунктов...»

Я выключил приемник, перевел стрелку настройки на прежнюю волну и, не помня себя от радости, бросился к двери. У порога остановился, прислушался. На лестничной клетке было тихо. Тогда я осторожно, на цыпочках спустился вниз.

Тут же радостная весть облетела всех мальчишек. Она до слез взволновала ребят.

— Наши-то бьют фрицев! Да еще как! — по цепочке передал мне радостную весть Толя Парфенов, не подозревая, что фронтovou сводку передал Хатистову я.

Через несколько дней на домах немецких обывателей задрожали, извиваясь на ветру, меченые фашистской свастикой флаги с черной каймой. Мы сразу догадались — здесь и Курская дуга, и Орел, и Брянск, и Харьков.

Нас же беда миновала только через два дня. Унтер-офицер самолично освободил из карцера Володю, Павлика, Ивана и Валю.

Радости не было конца. Это была маленькая, но наша победа.

Иван, когда пришел в себя, поведal:

— Поначалу меня избили и уже потом в нателном белье бросили в каменный мешок. Он был до того мал, что я не мог встать во весь рост. Не мог сидеть — ног нельзя было вытянуть, ни, тем более, лечь. Как я там столько пробыл, сам не знаю. Самое удивительное — меня ни разу не вызывали на допрос. А Герман, наш повар, тайком кофе приносил и бутерброды. Когда все уходило за пределы усадьбы, беседовал со мной. За кого он в самом деле — за Гитлера или

за наших,— я так и не понял. Но больше всего он хотел знать, что я буду делать, ежели случаем окажусь на Советской земле. Тут-то Герман по-всякому ко мне притирался. Иди, говорит, к своим. А я твердил одно: «Вы что? Там меня сразу убьют!»

А вот что рассказал Валька. Его допрашивали Шварц и Федотов.

— Всё приставали: скажи да скажи им, о чем мы договаривались с Ваней Селиверстовым. Я говорю: «В сад за яблоками договаривались идти». Шварц тогда: «Ну зачем врешь? Поверь, мы знаем все, но мы желаем, чтобы ты сам во всем признался, начистоту», и подал мне листок бумаги: «Читай!» Я прочел: «Наш уговор... не бойся... к стенке не поставят». Тут я догадался — фашисты подслушивать-то нас подслушивали, да слышали не все.— «Так ведь это мы о драках,— говорю.— Сколько раз уговаривались не драться, а все равно кто-нибудь да начнет... Ваня им говорит: не хватало, чтоб мы тут дрались. Ну, а те не слушают. Чего, говорят, бойсья, за это к стенке не поставят...» Отступились они от меня.

На один из ближайших дней была назначена генеральная репетиция по преодолению «линии фронта». В этот вечер в особняк прибыло отделение немецких солдат. Они должны обеспечить охрану этого участка «фронта».

Мы должны скрытно обойти посты охранения и выйти на исходный рубеж, который нужно преодолеть вовемя.

Объявлен сбор. Мы шагаем по дороге к лесу. Там уже расставлены посты. У опушки Шварц останавливает отряд и подает команду:

— Приготовиться! Марш!

...Я стараюсь втиснуть свое тело в каменную землю. В лесу тишина. Впереди, в полумраке, бродят какие-то тени. Над головой что-то застучало. От неожиданности я цепенею, но тут же беру себя в руки. Да ведь это дятел, лесной доктор! Бестолковый, нашел время обедать. Приостановился под самой кроной и стучит о ствол длинным носом-молоточком. Дятел спокоен. Не чувствует опасности. Я ползу вниз по пологому скату оврага. Внезапно передо мной вырастает завал. Он устроен вдоль ручейка.

Если ползти вдоль завала, скрываясь в зарослях, наверняка меня заметит часовой. Я осторожно раздвинул колючие ветки и почти рядом услышал сдавленный крик. Бросился в заросли и, прячась за стволы деревьев, ползком стал двигаться вперед, к обозначенной на карте поляне. Там и увидел мальчишек. Они стояли неподвижно и исподлобья наблюдали, как два солдата суетливо возились возле кого-то, лежащего на траве. Ober-лейтенант, нервно жестикулируя, что-то быстро говорил ребятам. Что там могло произойти? До слуха долетали отдельные отрывки фраз Шварца.

— ...Я не допущу... Бог мой!..

Я встал в полный рост и приблизился к месту происшествия.

— ...Это поразительный случай...— возбужденно говорил Шварц.— Он мог стоять жизни доблестному немецкому солдату, но я, тем не менее, восхищен находчивостью и решительностью моего юного друга и надеюсь, что там, за линией фронта, вы все будете действовать столь же храбро и решительно.

Я спросил у Жени Хатистова, что же все-таки произошло.

Оказывается, Валя стукнул солдата из охраны по башке дубовым дрыном.

— Видать, живучий — шевелится,— сказал Толя Парфенов.

Солдат и правда приподнял голову и поглядел вокруг затуманенным взглядом. Шварц спешил заявить, что генеральная репетиция прошла успешно, и мы отправились в обратный путь, в лесной особняк.

После ужина между Ваней Селиверстовым и Валей Беловым произошла короткая перепалка из-за того солдата.

— Едва избавились от одной беды,— возбужденно шептал Селиверстов Белову,— так тебе мало, на вторую полез, как медведь на рожон. Ну зачем ты его стукнул?

— Я не хотел,— виновато сказал Валя.

— Не хотел! — передразнил его Иван.— Руки зачесались, да?

— Я сперва думал: это пенек торчит из-под земли, а когда ближе подполз, гляжу: фашист. Тут я и сообразил, что он ведь может увидеть меня и вывести из игры. Ну, и долбанул по макушке.

— Зря ты, Иван,— вмешался в разговор Женья.— Ведь обер-лейтенант даже похвалил Вальку за находчивость. Значит, все правильно.

Однако Ваня стоял на своем:

— Еще неизвестно, чем все кончится. Думаешь, Шварц такой дурак, ничего не понимает? Как бы не так!

За час до отбоя в нашу комнату заглянул Федотов и велел построиться во дворе.

Подошел Шварц.

— Ребята,— начал он.— Как вы уже знаете, под Курском германское командование предприняло маневр по выпрямлению линии фронта. Теперь наша новая победа не за горами.

Я-то знаю, что врет он, нахально врет, и, едва сдерживая себя, тру глаза кулаком — прикрываю свою радость.

У обер-лейтенанта резкая и сухая речь постепенно переходит в истерический крик:

— Германская армия сильна, как никогда! Придет час, и мы будем владеть всем миром!..

Крик сливается с гулом летящих где-то в стороне самолетов и далекими раскатами зенитных залпов. Я смотрю в темное вечернее небо: опять англичане летят Кассель бомбить.

Запрокинув вверх голову, Шварц, словно пес, ловит ноздрями воздух и небрежно бросает через плечо:

— Эти самолеты никогда не вернуться на свою базу!

Обер-лейтенант уже не смотрит в небо. Его пронизывающий взгляд скользит по нашим лицам:

— Завтра вас ждет большое событие: вам предстоит интересная прогулка на военном самолете. Она будет замечательна еще и тем, что каждый из вас совершит свой первый прыжок на автоматическом парашюте. И я вместе с вами разделяю вашу радость.

С вечерними сумерками мы расплозились по углам. Огрызком карандаша переписываем друг у друга адреса. Никто не знает, что случится завтра, а может уже и сегодня.

Лесной особняк медленно погружался в сонную вечернюю мглу. С юга надвигались черные клубы туч. Они ползли так низко, что цеплялись

за верхушки деревьев. Порывистый ветер бился о стены. Уснули пацаны, причмокивают в забытых, что-то невнятно бормочут, посапывают. Я тоже, свернувшись клубочком, стараюсь уснуть. Но мне не дают покоя мысли о завтрашнем прыжке. Я стараюсь убедить себя в том, что не расшибусь насмерть. Но стоит только закрыть глаза — и вот уже я лечу головой вниз...

К утру прояснилось. После завтрака во двор особняка пришла крытая черным брезентом автомашина. В ней мы и уехали на аэродром.

Внешне никто из ребят не проявлял какого-либо беспокойства и уж, конечно, никто не хныкал, хотя всем было страшно. Федотов был доволен нашим настроением. Заботливо поправляя за моей спиной парашют, он бодро сказал:

— Ты, Дима, прыгай смелее, не бойся. Немецкие парашюты — самые надежные в мире.

— Понятно, Алексей Николаевич, — бодро ответил я.

Самолет с ревом оторвался от земли и взмыл в небо. Когда загорелась сигнальная лампочка, Федотов подал команду:

— Встать! Построиться вдоль правого борта! — Он прошел вдоль шеренги и подтолкнул первого — Толю Парфенова — к открытой двери. Толя, взмахнув руками, исчез в голубой дыре. Затем прыгнул Женя Хатистов.

...Я нырнул в бездну и через несколько мгновений повис под куполом разноцветного парашюта. «Все хорошо», — подумал я и с удовольствием огляделся. Лес, озеро, речка... Домики крошечные-крошечные. А вон там, на зеленом поле, словно кто-то рассыпал бобы. Да это же стадо коров пасется!

А вон и ребята! Выше и ниже меня висели купола парашютов, а под ними медленно раскачивались темные скорченные фигурки. Все ближе земля... И вдруг я услышал крик. Кто-то из мальчишек стремительно пролетел мимо меня к земле. У кого-то не раскрылся парашют! Но у кого?.. Я не помню, как сам приземлился, как освободился от ремней парашюта и бросился, припадая на ушибленную ногу, к лежащей неподалеку фигурке. Через несколько минут вокруг собрались почти все ребята. Судорожно глотая воздух, они смотрели на мертвого Вальку и молча всхлипывали.

Со стороны ангаров выкатилась машина скорой помощи и направилась в нашу сторону. Она остановилась в нескольких метрах от места происшествия. Из кабины вышли врач и обер-лейтенант, а из кузова санитары вынесли носилки. Врач мельком взглянул на Вальку и приказал грузить его в машину. Шварц стоял в сторонке с прижатой к груди фуражкой и пристально смотрел на нас. Вскоре появился и Федотов.

— Невероятно! — вздохнул он и вытер вспотевший лоб рукавом. Затем обер-лейтенант произнес:

— Я не могу найти слов, чтобы выразить всю скорбь. Смерть несчастного мальчика... Нет! Я не могу. — Шварц низко склонил голову и, вытирая платочком глаза, медленно побрел к ангару. Мы потянулись за ним вслед. И только тут я взглянул на свою ногу. На голени расплылось красное пятно. Боль становилась невыносимой.

До утра я не мог уснуть. Мое тело пронизывала тупая, пульсирующая боль. Беспокойные мысли одолевали меня: денек-два как-нибудь перетерплю, а если не заживет нога? Ясное дело — убьют меня фашисты. Пристрелят в подвале. За-

чем я им хромой? На рассвете кое-как уснул, но утром, как прежде, вскочил на ноги и вскрикнул от боли. Женя обеспокоенно спросил:

— Что с тобой?

Я сказал ему о своей беде, показал ушибленное место. Голень вся распухла и посинела.

После завтрака Федотов объявил:

— Сбор на площадке у террасы.

Потом на крыльце показался Шварц.

— Мы вместе с вами переживаем героическую смерть юного друга, — печально сказал он.

А что в самом деле было у него на душе? Какие мысли бродили под маской воскового лица? Его взгляд ощупывает хилые мальчишеские фигурки.

И вдруг он улыбнулся:

— Я вижу, что вы устали и вам необходимо отдохнуть. Сегодня вы увидите образцовую жизнь немецкого крестьянина и на себе испытаете подлинное германское гостеприимство. Итак, через два часа отправляемся на ферму в гости к добрым немецким труженикам.

Ферма встретила нас поросычим повизгиванием. Ваня ахнул от удивления, увидав двухметрового породистого хряка.

— Вот это да!

Хозяин фермы, высокий худой старик, разъяснил:

— Таких у меня четыре пары. Один из них даже имеет золотую медаль. Настоящую.

— Он — буржуй, — прошептал Женя, глядя на старика.

Фермер показал нам чистеньких овец, гладких, сытых коров и, наконец, повел нас в подвал, где каждому вручил по бутылке фруктовой воды.

Шипучий кисло-сладкий напиток всем понравился.

Ребята попросили добавки и выпили еще по бутылке. Тут Федотов посмотрел на часы:

— Пора домой.

Обратно шли через лес. Приметив небольшую зеленую лужайку, Федотов разрешил нам немного поиграть. Мы разбрелись среди сосен. Неожиданно Толя Сидоров воскликнул:

— Белка!

Белка сидела на ветке и лапками мыла рыжую мордочку. Ребята вмиг сбились в кучу, окружили зверька.

— Какая красивая! — произнес Ваня. — Белочка, иди к нам. Мы тебя не обидим. Будешь жить у нас.

Но белочка только посмотрела на нас глазами-бусинками, махнула хвостиком и прыгнула повыше.

— Чего стоите? Ловите ее! — закричал воспитатель. — Хватайте за рыжий хвост! — и громко расхохотался. — Кто смелый — лезь на дерево!

Прыгнув на соседнее дерево, белочка не рассчитала, упала на траву. Женя схватил ее и, прижимая к груди, ласково замурлыкал:

— Не бойся, тебе будет у нас хорошо!

Ребята сгрудились вокруг счастливица:

— Покажи!

Но Женя посадил зверька за пазуху, прикрыл от посторонних глаз.

— Потом. Пусть успокоится.

— Дай-ка, — протянул руку воспитатель.

— Я поймал, белочка моя! — насулился Женя и отступил назад.

— Что-о-о? — Федотов как бы шутя, с усмешечкой вытащил у него из-за пазухи белку. Перед нашими глазами мелькнуло ее пушистое

тельце. Воспитатель ухватил ее за задние лапки и секунду выжидательно смотрел на мальчишек. В следующее мгновение он сделал резкое движение руками и разорвал зверька. Теперь это уже была не белочка, а два окровавленных, трепещущих лоскута. У меня перехватило дыхание. Ребята широко раскрытыми глазами смотрели на воспитателя.

— Чего уставились? — хмуро сказал Федотов. — Вот так будет с каждым из вас, если попадете в руки НКВД.

Вздрыгнули мальчишки.

Впятером — Паша Романович, Витя Корольков, Женя Хатистов, Ваня Селиверстов и я, — спрятавшись в зарослях акации, решаем, как нам теперь быть.

— Ну и жизнь, — подавленно шепчет Витя. — Тут смерть по пятам ходит, да и дома, если вернемся, неизвестно что будет.

— Чего раскис! — перебивает его Ваня. — Думаешь, наши не поймут, не разберутся, что к чему?

— Ты, Витька, небось забыл, как в Касселе клятву давал, — говорит Женя.

— Ничего не забыл!

— Тогда не хнычь. Неужели не понятно, что фрицы у нас слабину ищут? Запугивают они нас, вот что!

— Тебе, может, все понятно, а мне не очень. Выходит, я сразу должен податься к своим и сказать: «Я, Павел Романович, такой-сякой, у немцев по компасу учился ходить, в разведчика-невидимку играл и, как бы между прочим, целых сорок дней водил фрицев за нос, вдобавок кашу ихнюю ел. Даю честное пионерское, никто мне не поверит. Вы, пацаны, как хотите, а я поначалу сбегая домой, к мамке, а уж потом пойду в НКВД.

— Я домой не пойду. В Красную Армию подамся.

— А я первому, кого встречу на нашей земле, скажу, кто я такой, — говорю я.

Прошло еще два дня. Учебные тренировки

в поле не проводились. Немцы словно бы махнули на нас рукой и даже разрешили большую часть времени, отведенного на военно-спортивные игры, проводить, как мы сами хотим.

За это время у меня на ноге появился небольшой свищ. Я с трудом скрываю свою хромоту. Вот и сейчас вместе с ребятами я иду на озеро. Но чего мне стоит эта прогулка! Я собираю все силы, стискиваю зубы и стараюсь не хромать. Иду медленно-медленно. Невыносимая боль останавливает меня на полпути. Сажусь возле ручейка, журчащего в нескольких метрах от дороги, и опускаю больную ногу в холодную воду. Женя, заметив, что я отстал, возвращается ко мне, участливо спрашивает.

— Здорово болит?

Я вытаскиваю ногу из воды.

— Теперь немного полегче.

— Да у тебя кровь! — испуганно восклицает он и растерянно смотрит на меня. — Что делать-то будешь?

— Не знаю. Иди к пацанам.

— А ты?

— Посижу немного, отдохну, потом притоплю.

Женя побежал к озеру.

И тут я вдруг увидел приближавшегося ко мне младшего инструктора Таболина. Он шел со стороны особняка. Откуда он взялся? Ведь он в госпитале был! Вот сейчас он увидит и...

Натянув на ногу ботинок, я встал. Боль несколько притупилась. Сделав несколько шагов, я оказался лицом к лицу с Таболиным. Он протянул мне руку:

— Ну, здравствуй! Что у тебя с ногой?

Я так и обмер. А он уже поднял мою штанину и внимательно, чуть нахмурившись, стал осматривать рану.

— На летном поле, когда прыгали, расшиб, — дрожащим голосом признался я и стал уверять: — Это ничего, заживет. На мне быстро болячки заживают...

— Подожди меня здесь, никуда не уходи, — сказал Таболин и исчез в кустарнике.

Вскоре он вернулся, достал из кармана пузырек с какой-то жидкостью, смазал мне рану, перевязал и вдруг ни с того, ни с сего, пристально поглядев мне в глаза, спросил:

— Ты — пионер?

С языка у меня чуть не сорвалось: «Конечно, пионер!» Но я вовремя спохватился и замотал головой.

— Так я тебе и поверил, — сказал Таболин.

Он закурил и время от времени поглядывал на меня.

«Поймать хочет», — думал я, сидя на траве и не спуская с него глаз. Я вспомнил, как подлаживался к Ивану Селиверстову повар Герман.

Но вот Таболин бросил окурок в воду и подошел ко мне.

— Дима, нас тут двое, ты и я, и этот разговор останется нашей тайной. Я обязан предупредить тебя, что немцы на днях забросят вас всех на территорию Советского Союза со специальным заданием. Передай ребятам, что они должны будут поступить как настоящие пионеры...

— А как это? — спросил я.

— Не прикидывайся дурачком. Ты знаешь, как.

Таболин досадливо морщился. Он был в затруднении. «А может, это ты ищешь дурачка?», — думал я.

Таболин продолжал:

— Когда вы окажетесь у своих, немедленно связывайтесь с представителями местных властей — идите в райисполком, к председателю колхоза, в милицию — словом, не теряйте ни минуты, и все расскажите.

— Ну да! — протянул я. — Чтобы нас сразу схватили, как ту долку. Там ведь долго не разговаривают, сразу — пулю в лоб. Алексей Николаевич лучше вас знает...

— Алексей Николаевич запугивает вас, — сердито произнес Таболин. — Он служит фашистам. А я — нет. Понял? Впрочем, все равно, веришь ты мне или нет, но ты должен знать, что галстук советского пионера имеет красный цвет — цвет крови, пролитой нашими отцами в октябрьские дни и в гражданскую войну. Льется она и сейчас, Дима. И вы, пионеры, коль попали в сложные военные условия, должны выполнить свой пионерский долг. Я думаю, что многие из вас уже поняли, ради чего немцы вас кормят и так много говорят о вашем будущем. — Иван Семенович положил свою руку на мое плечо: — Все это я должен был сказать вам раньше, но я просто не успел. И в госпитале, когда пришел в себя, в первую очередь вспомнил о вас и подумал: «Ребята остались совсем одни на чужой земле. Совета и помощи ждать им неоткуда. В такой обстановке даже взрослому человеку не всегда удается выстоять. Потому я и решил тебе все это сказать. А ты передай остальным. Только не говори обо мне. Условились? — он посмотрел на мою ногу. — А с этим я постараюсь что-нибудь сделать. Ступай к ребятам.

С этими словами он круто повернулся и пошел назад, к «охотничьему» домику.

На следующий день унтер-офицер Краузе назначил меня дневальным. Одновременно он приказал к 12 часам дня почистить ему сапоги. Когда я вышел с начищенными до блеска сапогами на террасу, ко мне подошел Таболин и, дружелюбно похлопав по плечу, спросил:

— Ну как, не тяжело? — и негромкой скороговоркой сообщил: — Завтра отправляетесь в Россию. Скоро увидишь свою маму. Ребят предупреди. И еще вот что. Напиши там, в России, письмецо моей матери Марии Венедиктовне Голосовой. Так, мол, и так, жив, здоров ваш сын Иван Семенович Таболин, скоро думает вернуться домой. Запомни адрес: Орловская область, Кромский район, деревня Красный Клин. Повтори. Я повторил адрес, пообещал непременно выполнить просьбу.

Потом я взял ведро и, прихрамывая, направился к озеру набрать воды. У калитки меня нагнал Женя Хатистов.

— Дело есть, — сказал он заговорщицким тоном. — Помнишь, я нашел в подвале мешки с ядом?

— Ну?

— Так вот: я стянул один. В кустах у разбитого моста запрятал.

— Зачем он тебе? — удивился я.

Женька бросил на меня презрительный взгляд:

— Голова — два уха! Да ведь этот яд можно высыпать в колодец, из которого фрицы воду на ферму качают! Враз все их свиньи передохнут...

Мне эта мысль понравилась. Мы сходили с Женькой к разбитому мосту, вдвоем приволокли мешок с «ядом» к колодезю, затем Женя перочинным ножиком взрезал глянцевито поблескивающую толстую бумагу, и мы высыпали содержимое мешка — белый с неприятным запахом порошок — в колодец.

После этого Женька побегал к «охотничьему» домику, а я продолжил свой путь за водой.

Мы так никогда и не узнали, подошли ли в самом деле немецкие свиньи.

...Рано утром нас разбудил зычный федотовский басок:

— Подъем! Смотрите, солнце уже висит над лесом. Эй вы, сони! Одевайтесь и живо в столовую. А после завтрака собирайтесь в дорогу.

Мы покидали «охотничий» домик.

Через двое суток прибыли на станцию Орша. Чувство радости от того, что я стою на своей, русской земле, перехватывало дыхание. Я у себя на Родине, в каких-нибудь ста километрах от дома!.. Я догадываюсь, что такое же чувство переживают и мои товарищи.

Но мы еще ничего не знаем о задании, которое подготовила немецкая разведка, и настроенно ждем.

Федотов подает команду:

— Шагом марш!

Мы идем мимо станционных строений и разбитых паровозов. Некоторые паровозы, словно устав от долгой и трудной работы, сошли с рельсов и уткнулись носом в насыпь.

У ремонтного депо нас встретил Шварц и, подведя к одному из паровозов, предложил полагать по нему, а затем подробно рассказал, как паровоз работает, где хранятся запасы угля и как уголь подается из тендера в топку.

После этого нас посадили на вездеходы и повезли на аэродром.

...Мы сидим за огромным деревянным столом. На нем расставлены блюда с ветчиной, рыбой и хлебом, а в стеклянных вазах — яблоки и сливы. Перед каждым из нас — тарелка с отварным картофелем.

Пришел Шварц.

Выпив стакан клюквенного сока, он встал и торжественно произнес:

— Разведка германской армии поручает вам выполнить важное и почетное задание. — При этих словах он взял со стола кусок каменного угля.

— Как вы думаете, что это такое?

— Уголь, — хором ответили мы.

Шварц усмехнулся:

— Ваша ошибка вполне понятна. На самом деле — это взрывчатка, выкрашенная под цвет каменного угля. И она непременно должна попасть в топку советских паровозов.

Он сделал паузу и продолжал:

— Я очень беспокоюсь за вашу дальнейшую судьбу и не скрываю: задание очень серьезное. Каждому, кто попадет в руки советской разведки, грозят пытки и мучительная смерть. Поэтому будьте находчивы и осторожны...

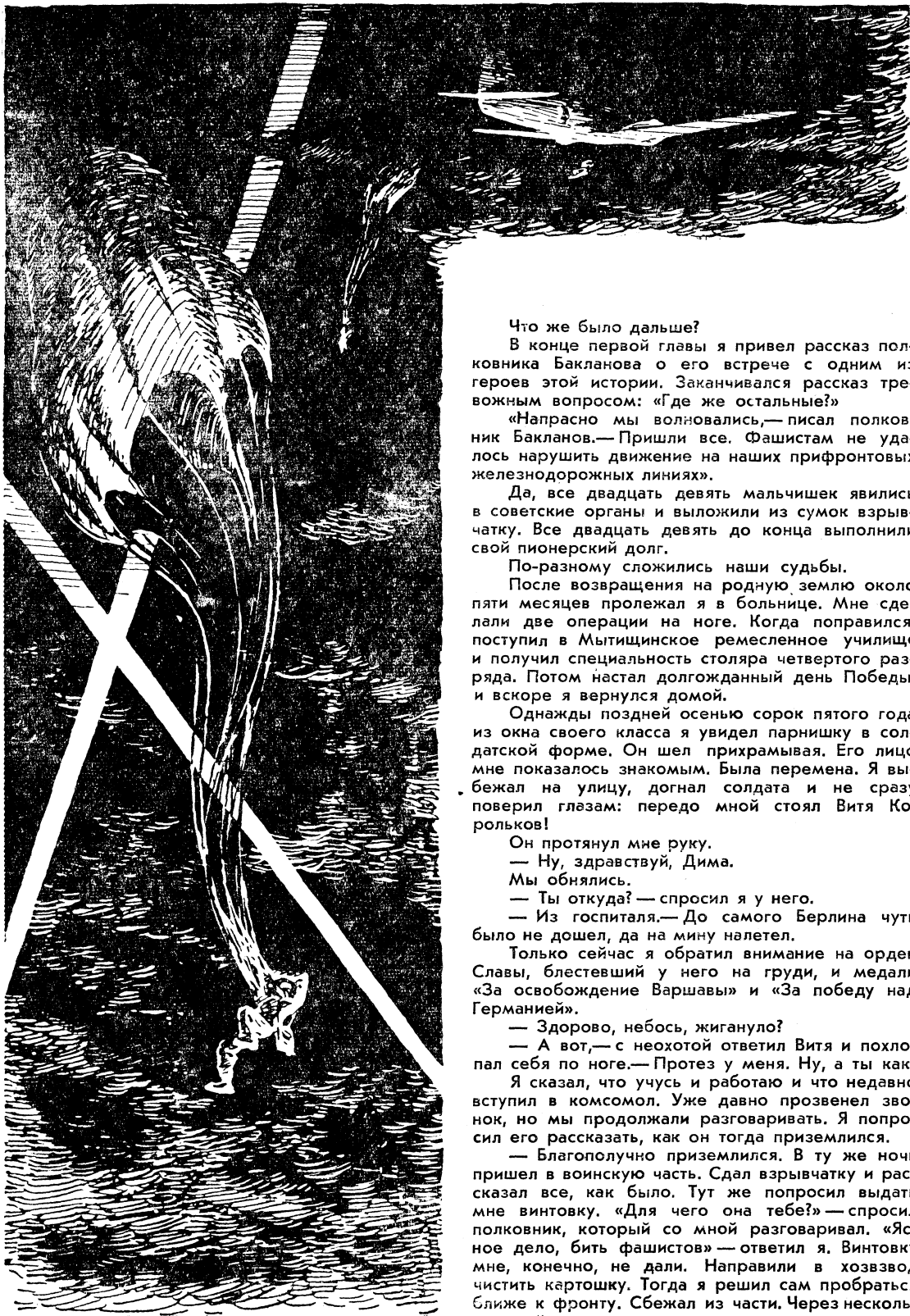
Потом нас разбили на три группы и отвели в помещение, похожее на барак. Каждую группу разместили в отдельной комнате.

Вскоре за нами пришел унтер-офицер Краузе и распорядился:

— Раздевайтесь. Одежду оставьте здесь.

В комнате напротив мы получили советские деньги, лохмотья, хлеб, спички.

Нас ждало последнее испытание...

Что же было дальше?

В конце первой главы я привел рассказ полковника Бакланова о его встрече с одним из героев этой истории. Заканчивался рассказ тревожным вопросом: «Где же остальные?»

«Напрасно мы волновались,— писал полковник Бакланов.— Пришли все. Фашистам не удалось нарушить движение на наших прифронтовых железнодорожных линиях».

Да, все двадцать девять мальчишек явились в советские органы и выложили из сумок взрывчатку. Все двадцать девять до конца выполнили свой пионерский долг.

По-разному сложились наши судьбы.

После возвращения на родную землю около пяти месяцев пролежал я в больнице. Мне сделали две операции на ногу. Когда поправился, поступил в Мытищинское ремесленное училище и получил специальность столяра четвертого разряда. Потом настал долгожданный день Победы, и вскоре я вернулся домой.

Однажды поздней осенью сорок пятого года из окна своего класса я увидел парнишку в солдатской форме. Он шел прихрамывая. Его лицо мне показалось знакомым. Была перемена. Я выбежал на улицу, догнал солдата и не сразу поверил глазам: передо мной стоял Витя Кольков!

Он протянул мне руку.

— Ну, здравствуй, Дима.

Мы обнялись.

— Ты откуда? — спросил я у него.

— Из госпиталя.— До самого Берлина чуть было не дошел, да на мину налетел.

Только сейчас я обратил внимание на орден Славы, блестящий у него на груди, и медали «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

— Здорово, небось, жигануло?

— А вот,— с неохотой ответил Витя и похлопал себя по ноге.— Протез у меня. Ну, а ты как?

Я сказал, что учусь и работаю и что недавно вступил в комсомол. Уже давно прозвенел звонок, но мы продолжали разговаривать. Я попросил его рассказать, как он тогда приземлился.

— Благополучно приземлился. В ту же ночь пришел в воинскую часть. Сдал взрывчатку и рассказал все, как было. Тут же попросил выдать мне винтовку. «Для чего она тебе?» — спросил полковник, который со мной разговаривал. «Ясное дело, бить фашистов» — ответил я. Винтовку мне, конечно, не дали. Направили в хозяйственный двор чистить картошку. Тогда я решил сам пробраться ближе к фронту. Сбежал из части. Через несколько дней меня задержали, учинили допрос: кто,

откуда, куда иду. Я сказал, что сбежал из детского дома. Поверили. Да и как было не поверить — тогда много бездомных пацанов бродило по прифронтовой полосе. Пристроился я к взводу связи кабельно-шестовой роты, учеником линейного надсмотрщика. Поначалу шести носил, а потом научился тянуть провода и по минным полям. Бывало, связистов разрывало на куски, но мы шли вперед, давали связь. В общем, на войне как на войне.

От Вити же я узнал и о судьбе некоторых других мальчишек. Петя Фролов и Володя Пучков находились в детском доме. В 1944 году обоих приняли в комсомол. Женя Хатистов жил в Смоленске, слесарил на заводе «Металлист» и учился в вечерней школе в шестом классе, тоже комсомолец. Ваня Селиверстов работал помощником комбайнера в совхозе Талашкино Смоленского района, а Толя Парфенов учится в техникуме.

— Свою-то деревню видел? — спросил я у него.

— Нет еще. Вот иду. Отец писал: фашисты перед отступлением сожгли все дотла. Люди живут в землянках. Ну, мне пора, — заторопился он вдруг. — Еще свидимся.

И, припадая на одну ногу, он зашагал в свою родную деревню.

Но свидеться нам больше не пришлось: Витя Корольков умер в феврале 1946 года в Смоленском военном госпитале.

С тех пор прошло более 25 лет. За это время я разыскал многих своих друзей — героев этой повести.

Евгений Яковлевич Хатистов после демобилизации — он служил в армии с 1947 по 1951 год — приехал в Смоленск и поступил слесарем в автоколону № 19 по ремонту машин. Сейчас у него большая дружная семья. Жена Лидия Андреевна работает на швейной фабрике. Старшая дочь Светлана учится в медучилище, а два младшие, двойняшки Тамара и Лариса, в седьмом классе.

Почти так же сложилась судьба у Петра Яковлевича Фролова: в 1948 году Смоленский районкомат призвал его в армию, а после демобилизации, в 1951 году, он приехал в Смоленск, поступил работать на мебельный комбинат. У него двое детей. Людмила учится в 8-м классе, а шестилетний Юра ходит в садик.

Павел Прохорович Романович до 1953 года жил на Украине. Работал слесарем и трактористом в МТС. Потом переехал в Москву. Работает слесарем в цехе № 35 электрозавода имени Куйбышева. Не так давно его избрали председателем цехкома.

Владимир Николаевич Пучков в 1945 году разыскал в Москве свою мать. Поступил слесарем на автомобильный завод имени Лихачева. Потом служил в армии, после демобилизации работает бригадиром слесарей в одном из научно-исследовательских институтов.

Иван Григорьевич Селиверстов до недавнего времени работал оператором в дорожно-строительном управлении города Донецка. «Бригада у нас коммунистического труда. Живу хорошо. Только вот недавно была у меня одна неприятность. Тяжело заболел и попал в больницу, где сделали мне сложную операцию», — писал он.

19 мая 1971 года, 42 лет от роду, Иван Григорьевич умер. В одном из последних писем он сообщал: «У нас в Донецке, в газете «Комсомольское знамя», был перепечатан очерк В. Прусакова «Горсть земли». Там было рассказано про нас — ребяташек военного времени. Все на нашем производстве знают об этой истории, все хващуются и поздравляют меня, хотя в очерке лично про меня ничего не сказано. Но это неважно. Важен сам факт».

Несколько слов хотелось бы сказать о младшем инструкторе немецкой разведывательной школы Таболине.

Я случайно встретил его фамилию, просматривая подшивку смоленской областной газеты «Рабочий путь». В одном из номеров, в воспоминаниях бывшего начальника особого отдела партизанского полка «Тринадцать» А. А. Милехина я прочел такие строки:

«С июня 1942 года комсомолец Таболин связал свою судьбу с партизанами, был зачислен в разведроту. В марте 1943 года Иван Таболин был направлен на работу в Троснянский райком комсомола, но вскоре по его личной просьбе был откомандирован в распоряжение Советской Армии. Позже был заброшен в тыл врага».

Так мне стало известно о том, что из себя представлял в действительности «младший инструктор» Таболин. Это был наш человек, выполнявший спецзадание.

Вот что сообщила мне его мать, Мария Венедиктовна Голосова:

«Как сообщили мне из Смоленска, мой сынок погиб в ночь с 4-го на 5-е марта 1944 года в Могилевской области, в деревне Ланьково.

Я ездила на могилу своего сокола. Могила недалеко от школы. На ней поставлен памятник. Люди встретили меня очень хорошо. Они водили меня на то место, где Ванюша сражался с врагом. Как рассказывали мне, он попал в засаду и бился до последней пули. Когда его нашли, то возле моего сыночка было разбросано около пятисот пустых гильз, а чуть поодаль — восемнадцать убитых фашистов. Вот так бился мой соколик, защищая свою отчизну».

Полковник Бакланов еще писал вот о чем: «...К сожалению, я не помню фамилий юных патриотов. Вот бы найти их и рассказать всем об этом замечательном подвиге».

Мне удалось установить, кроме названных в этой повести, еще десять имен и фамилий. Это Коля Минченков, Ваня Мазуров, Володя Сидоренков, Федя Езинов, Володя Коршунов, Павел Гуров, Валя Румянцев, Володя Захаренков, Рудик Хамутдинов, Коля Трусов.

Все мы бок о бок прошли через испытания, которые выпали на нашу долю.

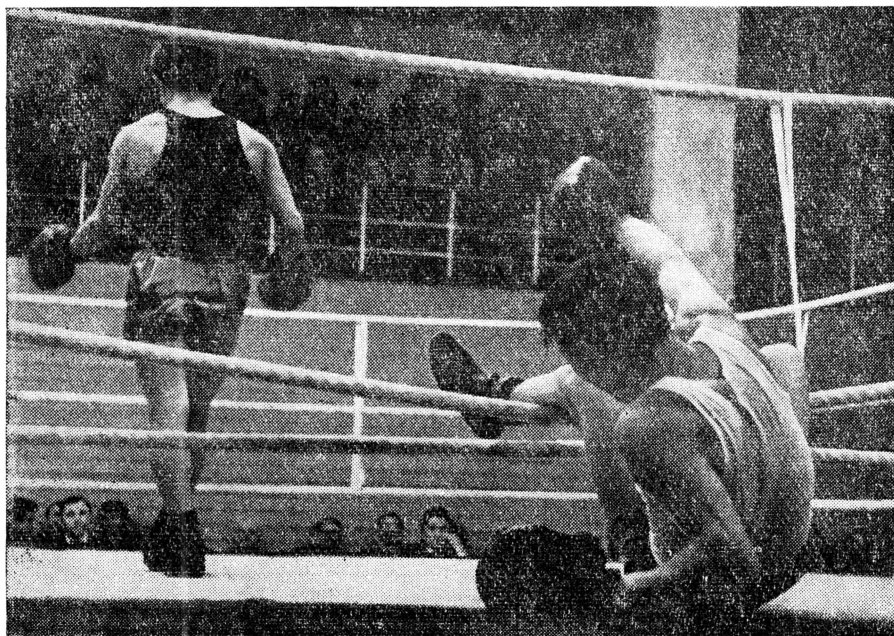
Остается добавить еще несколько слов о себе.

После окончания средней школы в Смоленске я закончил Московский строительный техникум, затем, работая начальником производственно-технического отдела строительного-монтажного управления, без отрыва от производства закончил Московский экономический институт. В настоящее время работаю в городе Свердловске в тресте «Уралстальконструкция».

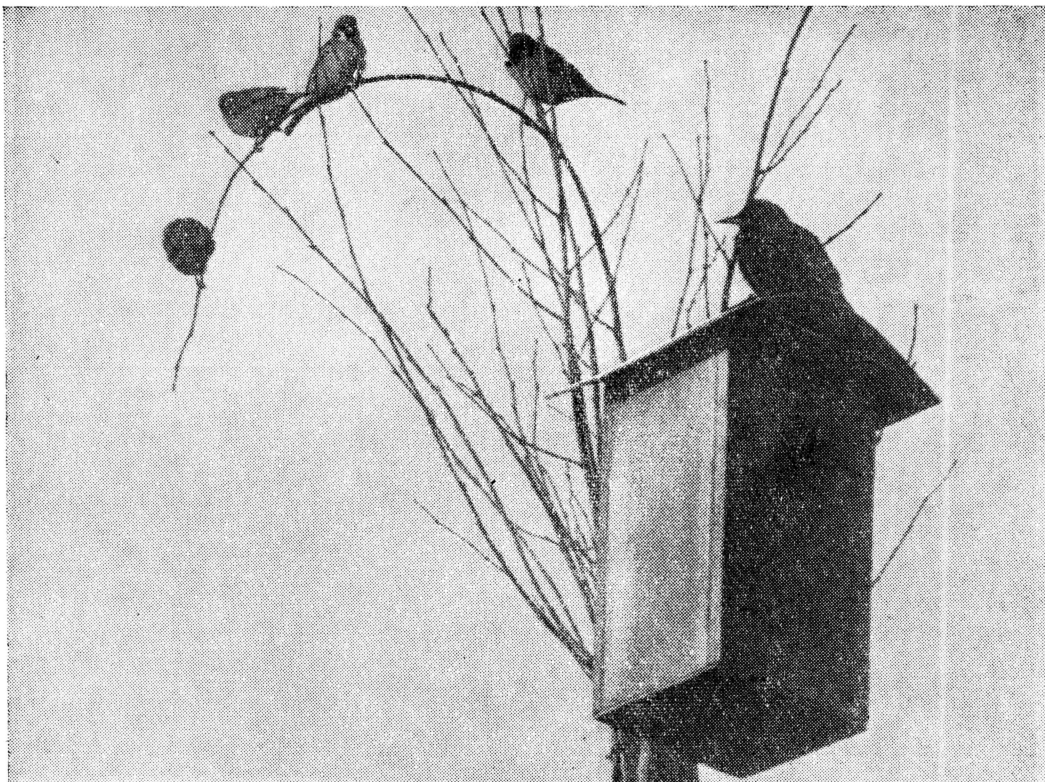

СПЕЛЕОЛОГИ

Фото М. Милицына (г. Киев)

ПОЧТИ НОКАУТ
Фото А. Хамзина (г. Ангарск)

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Фото Н. Яковлева (г. Свердловск)

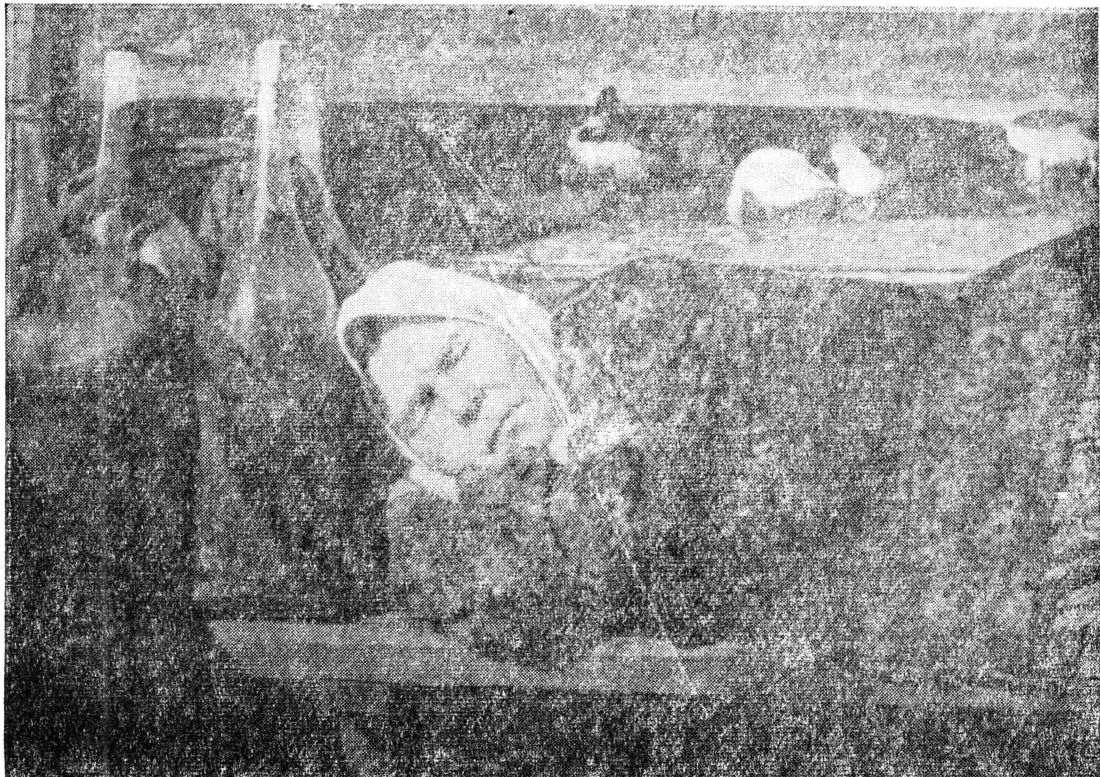

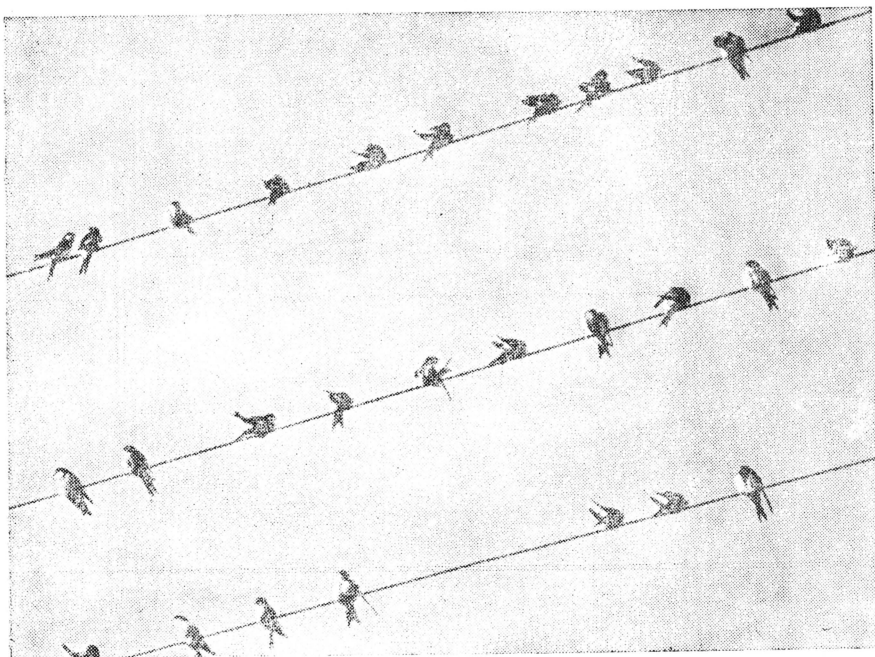
ЗДЕСЬ КЛЮЕТ

Фото В. Миловского (г. Днепрпетровск)

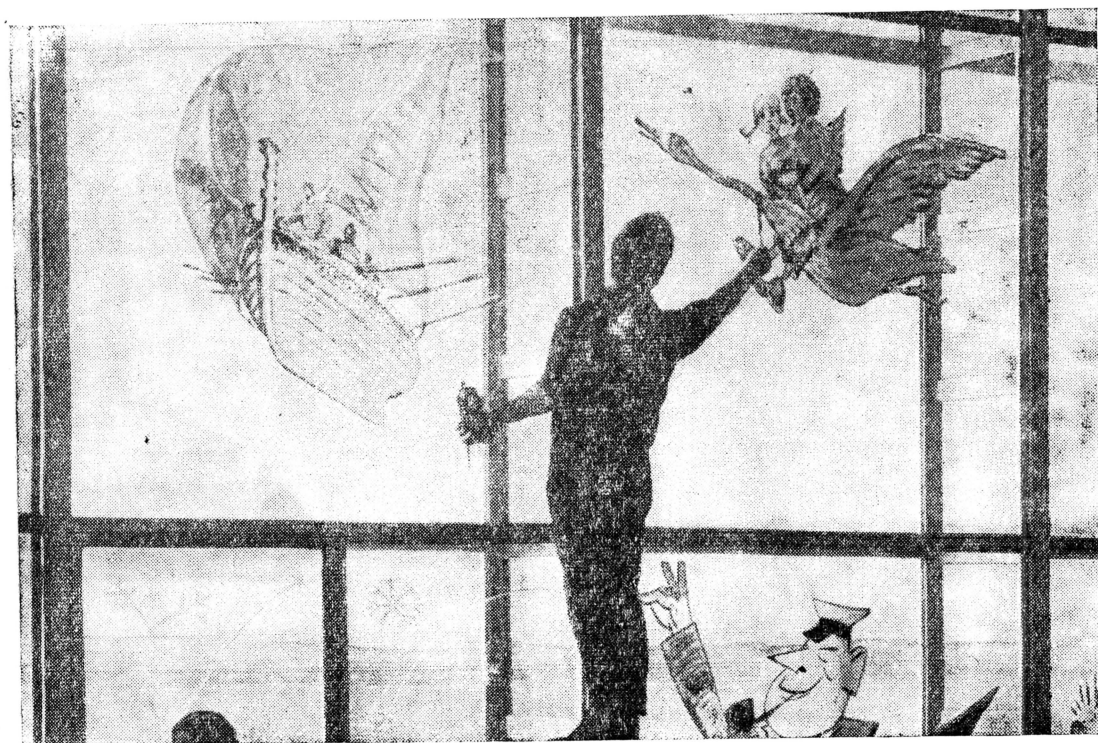
Фото И Большакова
(г. Свердловск)

НА АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ

ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ
Фото Н. Яковлева (г. Свердловск)

СКАЗОЧНИК

Фото П. Ищенко (г. Омск)

А. КИТАЕВ

ГОРЩИКИ

Автор этих воспоминаний о знаменитых горщиках — инженер-геолог, сын известного в свое время коллекционера и знатока камней — рассказывает о людях, с которыми ему пришлось встречаться в детстве и юности и которые определили его жизненный путь.

МУРЗИНСКИЙ
«ПРОФЕССОР»

Со смертью Даниила Кондратьевича Зверева, можно считать, кончилось старое поколение горщиков, прославившее уральские самоцветы на весь мир. Это было особое племя людей, фанатически влюбленных в уральский камень, всю жизнь проводивших в тайге, в «горé», как называли в старину шурфы и копи, рисковавших не только здоровьем, но и жизнью ради самоцвета, «которого мир не видел».

Я не раз бывал у Даниила Кондратьевича уже в последние годы его жизни, когда он жил в Свердловске. Помню, меня всегда удивлял своим умом, обаянием и поразительным знанием горного дела этот благообразный седой старик в сером картузе и сапогах с короткими голенищами. Друзья-горщики, да нередко и ученые тоже, в том числе академик Ферсман, который дорожил давней дружбой со старым горщиком, в шутку называли его «профессором». И называли так не только за великодушное знание минералов, но и за его интеллигентный, «профессорский» вид.

Я долго не мог понять, кого же он мне напоминает своей окладистой бородой, крупным лбом мыслителя и острым, цепким взглядом, пока однажды не услышал от него рассказ об одном забавном случае.

— Иду я это по улице Ленина, — рассказывает Данила Кондратьевич, — а за мной башкир. «Скажи, — спрашивает, — где улица твоего батка?» Долго не мог понять, что он от меня хочет, народ уж собрался, башкир сердится, твердит про улицу «моего батка», а тут кто-то и говорит: «Да ему, наверное, улицу Карла Маркса нужно!» Башкир обрадовался, благодарит, а я смеюсь — из-за бороды попал в сыновья Карла Маркса...

Жил «мурзинский профессор» очень скромно — в полуподвальном помещении по Коробковской улице. Одна комната в квартире была проходной, в ней обычно ночевали заезжие горщики из деревень, товарищи по охоте за камнем. Во второй комнате чувствовался некоторый комфорт — на полу разостланы половики, у одной из стен — березовый диван с двумя креслами по бокам, на другой — старинные, из бишера, картины. В этой комнате происходил прием гостей и угощение чаем.

А во дворе, перед окнами квартиры, находилась знаменитая «кладовуха», заваленная камнями: в ящиках, на полках и деревянных ларях. От обилия камней буквально глаза разбегались, но Данила Кондратьевич точно знал, где лежит каждый минерал, и никогда не тратил времени на поиски.

Дом, в котором жил Зверев, до революции принадлежал тоже знаменитому в своем роде человеку — Прокопию Самойловичу Южакову. В то время как Южаков из простого горщика на перепродаже уральских самоцветов вышел в купцы и разъезжал с камнями по всей Европе, Азии, Африке и даже Америке, его земляк, Данила Кондратьевич, продолжал бродить с бадожком по ложкам и речкам Мурзинской округи.

Первое время, пока не постарел, он там и жил — в деревнях Сизиковой, Сарапулке, Шайтанке, Липовке, Колташах и самой Мурзинке. Обладая большим опытом и чутьем на камень, он советовал горщикам, как, в каком направлении вести разработку копей, а когда след жилы терялся, сам спускался в шахты или ямы и, внимательно, сантиметр за сантиметром исследуя горные породы, находил «поводок» или «отмешь» потерянной жилы.

Как-то я его спросил: «Почему вы стали горщиком?» Данила Кондратьевич усмехнулся, помолчал, а потом рассказал целую историю, признаться, для меня, так давно его знавшего, довольно неожиданную. Тем более, что другим, случалось, он рассказывал ее и иначе.

— Родители мои,— рассказывал Данила Кондратьевич,— точно были против «каменной» работы. А меня манили только камушки. Я их собирал, узнавал названия им, и все тайком, против воли родителей, вдоволь насмотревшись на «фартовую» жизнь старателей. Жили-то мы в Колташах, рядом с Мурзинкой!

Однажды к нам в деревню приехал молодой горщик — сын знаменитого в свое время Самойлы Южакова из деревни Южаковой. Прокопий, или как его тогда все звали, Пронька, хорошо зная камни, определил собранные мной минералы, много рассказал о самоцветах такого, о чем я и не подозревал. А потом показал свои штуфы и ограненные камни. Я не мог оторвать от них глаз. Помню, во сне даже видел южковские камушки.

Вот тогда я и решил окончательно пойти за камнем.

Прокопий увез меня в Южаковку, и там вместе с отцом своим и братом Якунькой стали учить камнерезному делу. Мне тогда было шестнадцать лет.

Южаковы научили меня обрабатывать и гранить самоцветы на гранильных станках, которые у них были дома, а потом вместе с ними я стал ходить на копи и научился добывать камни, работая и забойщиком, и подсобным, и наблюдателем в артелях, хозяевами которых были вначале сам Пронька, потом Якунька или Самойла, а впоследствии, после смерти Самойлы, его жена Самошиха.

Пронька Южаков, быстро богатея, превратился в Прокопия Самойловича, купил себе дом в Екатеринбурге и устроил меня к себе на квартиру. Я у него выполнял разные поручения: покупал камни, продолжал разработку копей, а главное — помогал горщикам добывать самоцветы.

В то время я ездил чуть не по всему Уралу за редкими и красивыми минералами, из которых часть отдавал на перепродажу Южакову, а часть оставлял себе. Во время этих поездок я и познакомился со знаменитым в наше время горным деятелем Евгением Никитичем Коротковым.

Коротков, надо сказать, любил камень беззаветно. Организовал, помнится, в 1896 году минералогическую мастерскую при Уральском обществе любителей естествознания. Вот в эту мастерскую я и доставлял минералы, а Евгений Никитич меня обучал минералогии.

...Рассказ шел за рассказом, и я сейчас очень сожалею, что не записывал их сразу. Но кое-что из рассказов Данилы Кондратьевича запомнилось на всю жизнь. Особенно меня поразило рассказ о съезде горщиков, на котором Зверев выступил с обвинениями горного начальства, преследовавшего горщиков за добычу камней.

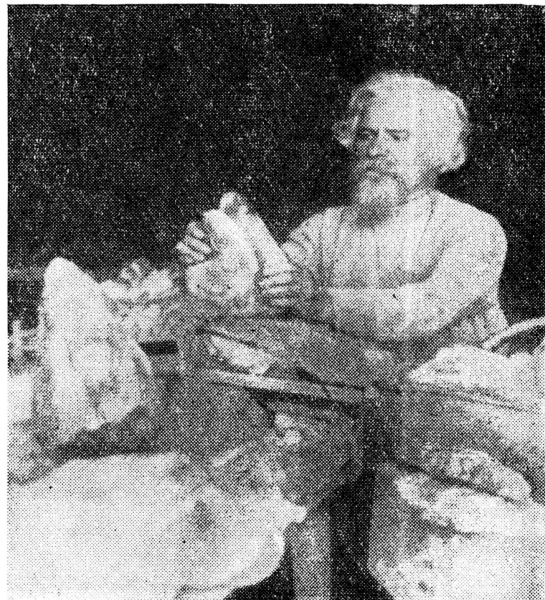
На этом съезде, единственном в своем роде, собранном художником Денисовым-Уральским, собралось сто пятьдесят человек, и только пятнадцать-двадцать из них не сидело в тюрьме за «незаконную» добычу камней.

В этом месте рассказа Данила Кондратьевич вытаскивал газету «Голос Урала», где был описан съезд, и говорил: «На-ка, почитай вот тут». Сам он был неграмотным.

Я брал газету и читал: «Человек может подумать, что на съезд действительно съехались воры, преступники и беглые каторжники. Нет, это рядовые уральские крестьяне, кустари и люди, желающие добывать честным трудом и розысками самоцветы на землях, где их никто не ищет. К чему это приводит? В недрах пропадают втуне богатства, а кустарь покупает втридорога германский камень, который мог бы отлично иметь у себя...»

— Вот-вот,— говорил Данила Кондратьевич,— царь считал все самоцветы в горе своими, потому и хитники были. Воровали, тайком камень добывали, а их — в тюрьму.

Любил Данила Кондратьевич вспоминать и о Д. Н. Мамине-Сибиряке, который в очерке «Самоцветы» так описывает свое знакомство с горщиком:

Данила Кондратьевич Зверев

Фото академика А. Е. Ферсмана

«Ну, а в Колташах кто занимается скупкой?»

— Кроме Данилы никому... Он, значит, ищется, а потом в город камни возит... Приедете в Колташи и спросите прямо Данилу, а уж он все вам обозначит».

Там, в Колташах, они и познакомились, и дружба их продолжалась довольно долго.

— Однажды,— рассказывал с усмешкой Зверев,— это было в конце прошлого века, Дмитрий Наркисович пришел ко мне и предложил, чтобы я каждый день в течение месяца приходил к нему, за что он мне будет платить. За мои рассказы.

Я согласился. Все, что я ему рассказывал, он записывал. Даже записал, как женился мой сын Дема, какие были гости, как проходила свадьба, какие были фамилии рабочих, как назывались шахты, ямы... Затем он вдруг спросил: умею ли фантазировать? Я сказал, что умею. Тогда он стал записывать мои фантазии об убийстве, о любви, о торговле... Хвалил, что хорошо говорю, нравился ему мой говор. А потом сказал, что мои фантазии являются действительностью, так как я их подтверждал всякими случаями из жизни, но что это не плохо, а хорошо.

Бывал у Данилы Кондратьевича в гостях и другой уральский писатель — П. П. Бажов. Одно из героев своих сказов он назвал, кстати, Данилой.

Но больше всего Данила Кондратьевич любил рассказывать о своем друге академиком А. Е. Ферсмане.

— С Александром Евгеньевичем мы познакомились в 1912 году. Он впервые тогда пришел на квартиру. Сказал, что адрес ему дал и рекомендовал меня Владимир Иванович Вернадский.

Александр Евгеньевич был в то время еще молод и уральских камней почти не знал. Заставлял меня рассказывать о минералах, о месторождениях, об истории их открытия, и несколько дней все записывал, что я ему говорил. Его особенно интересовали народные названия самоцветов. Записывая их, он говорил, что эти меткие народные термины помогут ему понимать рассказы местных горщиков.

Вышло так, что мы учили друг друга, потому что он мне говорил, как такой камень зовется по-научному, а я — по-нашему, по-народному.

А потом мы поехали в Колташи, на открытое мной россыпное месторождение рубинов, где произвели промывку песков. А из Колташей — в Мурзинку, объехали все главные копи.

Показывая мне свою «кладовуху», Данила Кондратьевич говорил: «Вот этот камень для науки. Приедет Александр Евгеньевич — это ему, для науки пригодил».

Академик Ферсман высоко ценил знания «мурзинского профессора», пригласив его позднее, уже после революции, в Москву оценщиком драгоценных камней в трест «Самоцветы», а потом и во Внешторг. К нему, старому уральскому горщику, ставившему вместо подписи крест, приходили профессоры и академики для выяснения сложных минералогических вопросов, особенно по уральским камням. Президент Академии наук А. П. Карпинский в знак особого уважения и дружбы подарил ему свою любимую трость из красного дерева с набалдашником, изображающим человеческую голову.

Но бывали и курьезные случаи.

— Приходит однажды ко мне профессор один, — рассказывал Данила Кондратьевич. — Принес изумруд и спрашивает: из какой, по моему мнению, мурзинской копи этот камень? По мнению самого профессора — так из алабашской, но никак не с Адуя. А я посмотрел и сразу увидел, что камень не уральский, а забайкальский. И говорю ему: «Константин Константиныч! Это изумруд и не алабашский, и не адуйский. Это забайкальский камень».

А профессор аж вспылил:

— Чем докажешь? — спрашивает.

— А ничем, — отвечаю. — Нужно лучше смотреть на камень. У каждого свое лицо. Вот у вас, Константин Константиныч, свое лицо, а чем докажешь, что оно ваше? Так и у камня.

— Профессор, — смеялся Данила Кондратьевич, — ушел от меня рассерженный. Так и не поверил, видно, что камень не алабашский.

— А вот еще случай был, — начинал новый рассказ Зверев. — Приходит ко мне молодой инженер, только что институт кончил. Говорит: командировал его директор треста «Самоцветы» ко мне, выяснить, сколько там, на копях, туфты, что нужно делать, как с ней бороться? Просмотрел, — говорит мне инженер, — кучу литературы, но нигде не нашел, как определяется минерал туфты».

Пришлось ему объяснить, что туфта — это не минерал, а обман, жульничество, приписка объема работ. Тогда он уж и сам стал смеяться.

А однажды Данила Кондратьевич сам пришел ко мне. Сел, улыбается и говорит:

— Клад сегодня вызывали оценивать.

— А что же смешного? — спрашиваю.

И тут он рассказал, что приехали из одного важного учреждения за ним на машине. Привезли, провели в комнату, а там на столе разложены самоцветы, прикрытые газетой. Попросили его оценить клад.

— Ну, я снял газеты, посмотрел и не удержался — рассмеялся. Не камни это, а стекла, хитники когда-то подделали под камень.

Таков был «мурзинский профессор», всю свою долгую жизнь отдавший камням и знавший их, несмотря на свою неграмотность, не хуже академика.

КРИСТАЛЛОГРАФ-САМОУЧКА

На свердловских улицах нередко можно встретить человека, невольно обращающего на себя внимание: горные сапоги, большой рюкзак за плечами, а в руках молоток, лопата, нередко и кайло. На вид ему лет пятьдесят, а на самом деле — восемьдесят. Это известный на Урале кристаллограф-самоучка Василий Владимирович Шахмин. Несмотря на свой преклонный возраст, он до сих пор снабжает всевозможные лаборатории, музеи и ученых редкими минералами.

Но среди минералогов Шахмин известен не столько как коллекционер и горщик, сколько как умелец, научившийся гранить из горного хрусталя линзы для особо точных оптических приборов. Академик А. В. Шубников, один из основателей советской кристаллографической школы, не раз отмечал огромные заслуги в этом деле Василия Владимировича, с которым он долгое время сотрудничал. В своей домашней мастерской Шахмин сумел изготовить из кристаллов кварца уникальнейшие по точности линзы, клинья для работы с инфракрасными и ультрафиолетовыми лучами, изогнутые кристаллы для рентгенокопии, особо прочные сапфировые резцы и другие уникальнейшие изделия из камня.

Василий Владимирович происходит из старинной уральской семьи горщиков. Его прадед, дед и отец занимались гранильным делом, семья Шахминых в свое время была известна высокохудожественными изделиями из мозаичного малахита. С малахита начал и девятилетний Вася Шахмин, по десять-двенадцать часов в день просиживая за гранильным станком.

Семья Шахминых постоянно нуждалась в ограночном сырье, поэтому Вася Шахмин с юных лет стал искателем цветного и драгоценного камня. Сначала — для семьи, а позже — для музеев и научных институтов.

Тайнам горного дела его обучал Данила Зверев, с которыми они сохраняли дружеские отношения почти до самой смерти «мурзинского профессора».

— Придет, бывало, Данила Кондратьевич ко мне, — вспоминает Шахмин своего горного учителя, — долго смотрит на какой-нибудь минерал и начнет кряхтеть. Ну, закряхтел — значит, ему нужен этот камень, а сказать прямо — не хочет. Когда подаришь ему, а иногда скажешь: «Данило, у тебя ведь есть такой же». — «Да, — ответит, — только не совсем такой, а похожий». А если я камень все же не отдам — еще раз крякнет с досады, но просить все равно не будет.

Иногда Зверев приходил к Василию Владимировичу вместе с академиком А. Е. Ферсманом.

— Тот не кряхтел, — посмеивается Василий Владимирович, — а сразу к сундуку: «Ну, друг, открывай свой заветный ларец, что у тебя там нового, какие редкости?» Если камень ему был нужен, говорил прямо: «Вот этот минерал мне нужен, я его забираю». Я отдавал без сожалений, знал, что это нужно для науки.

Через Зверева Шахмин познакомился с Прокопием Южаковым, который разгадал в молодом гранильщике незаурядный талант минералога и стал использовать на поисках новых месторождений самоцветов. Но, окончательно Василий Владимирович пристрастился к «каменным хождениям» из-за Александра Васильевича Калугина, основателя коллекционного дела на Урале. С ним Шахмин познакомился в 1900 году и стал приносить из своих путешествий редкие минералы и штуфы. Перед самой революцией мастерская Калугина вместе со складом минералов перешла, так сказать, по «минералогическому наследству» Шахмину.

В это же время, и тоже, можно сказать, «по наследству», Василий Владимирович получил большой архив горного инженера Борислава Поляновского — человека высокообразованного, увлеченного уральским камнем, его историей и поисками новых месторождений. Записки Поляновского, его книги по минералогии и стали для Шахмина своеобразным университетом.

Но не бросал Василий Владимирович и камнерезное дело, с каждым годом оттачивая мастерство, которое потом так пригодилось для создания уникальнейших оптических приборов.

Начало его дружбы с наукой было положено в 1925 году, когда Институт прикладной минералогии занялся интенсивными поисками на Урале горного хрусталя, причём уже не для геологических, а для физических лабораторий. Хрусталь тут требовался не просто чистый, а с правильной кристаллизацией. Вот когда пригодился Шахмину и его природная наблюдательность, и записки по минералогии и кристаллографии Поляновского, и собственное чутье камнереза!

Выполнив первые задания А. В. Шубникова и узнав, для чего нужны эти безупречно чистые кристаллы хрусталя, Василий Владимирович решил сам попробовать обработать их. Его линзы, выточенные без всяких измерительных приборов, «на глаз», поразили Шубникова точностью формы и правильностью выбора кристаллических осей. Надо было не просто знать, а буквально чувствовать строение кристалла, чтобы угадать, под какими углами к кристаллическим осям вести обработку.

Тончайшая, «сверхювелирная» работа кристаллографа-камнереза приводила ученых в изумление: лучшие заграничные фирмы, занимавшиеся изготовлением подобных приборов и располагавшие самыми современными оптико-механическими станками, не могли добиться такой точности и чистоты, с которыми выполнял заказы советской науки Василий Владимирович Шахмин.

Андрей Лобачев тоже был потомственным горщиком: его отца и деда в свое время хорошо знали в самоцветной Мурзинке. Андрей пристрастился к горному делу с детских лет, а впоследствии приобрел славу «ходячей энциклопедии», ибо не было минерала или уголка Ильмен — ныне знаменитого на весь мир Ильменского заповедника, — который бы не был ему известен.

В Ильмены семья Лобачевых перебралась из Мурзинки, когда Андрей вместе с отцом был приглашен в экспедицию минералога М. П. Мельникова. Закончив там работу, отец Андрея решил навсегда остаться в Ильменских горах, купил дом в Миасском заводе и стал заниматься добычей минералов.

Начальство не благоволило к Лобачевым, упорно отказывало им в разрешении на добычу камня. Андрей тайком, то в летнюю светлую ночь, то в зимнюю лунную рылся в горах: перебирал старые отвалы, перемывал пески на заброшенных приисках и упорно искал новые жилы с «узорчатым камнем».

Во время этих тайных путешествий Андрей узнал все тропинки, все ложки, болотинки и так освоился в Ильменских горах, что мог найти любую копи или месторождение в любое время.

На вид Лобачев был крепкий, среднего роста русобородый мужчина, всегда взлохмаченный, часто угрюмый, но с неизменно любопытными, как-то не вязавшимися с его угрюмостью глазами.

Он часто приходил к нам в дом (наша семья тогда тоже жила в Миасском заводе), приносил редкие минералы для показа моему отцу, души не чаявшему в красивом камне. Обычно молчаливый, Андрей мог о камнях говорить часами: как растут кристаллы, где встречаются, как выглядят на солнце и при луне. Он говорил о камне как о живом. Достанет из кармана друзу хрусталя и объясняет: «Вот это братья. Их не отличишь друг от друга, все различие — в росте. Один родился раньше, это первенец, а потом уж пошли его братья».

В карманах Андрея всегда лежали какие-нибудь камни. Однажды вытащил апатиты и начал длинную лекцию по минералогии — откуда он только все это знал!

— Эти камни по-русски называются обманщики...

Апатит и в самом деле в переводе с латинского — «обманщик».

— Настоящая физиономия этого камня, — продолжал Андрей, — желтоватые шестигранные кристаллы. Но они любят менять свою окраску и бывают стекловатые, как кварц, зеленоватые — словно аквамарин, зеленые — точно изумруд, а то и розовые с желтизной — впрямь фенакиты. Сколько людей они обманули своим непостоянством!

В другой раз он вытащил из карманов целую коллекцию ильменских минералов.

— Физиономии ильменских минералов (у него все камни имели свою физиономию) самые красивые, таких камней во всем мире нет! Ильменские бесцветные топазы — самые чистые на свете, на них смотришь — и кажется, что это затвердевший воздух. А вот корунды — это же от неба у них такая синева! Ночью, когда небо темное, и сами они серые, не приметные...

Отец часто путешествовал по Ильменам с Лобачевым. И почти всегда брал меня. Андрей так знал горы, что ехал от одной копи к другой без дорог, никогда не плутая. С помощью Андрея Лобачева познакомились с Ильменскими копиями, и точно так же — без дорог и тропок, все ученые, путешественники и любители минералов. И всем Андрей объяснял, что собой представляют ильменские минералы, как растут и где встречаются. А в доказательство своих лекций неизменно демонстрировал камни, тут же им найденные в копи.

Но это была маленькая хитрость Лобачева: у него на каждой копи имелись тайнички. Он так привык быть проводником по Ильменам, что заранее найденные редкие минералы оставлял в каждой копи, зарывая их в своих тайниках, чтобы потом быстро, не тратя времени на поиски, показывать их экскурсантам. Он говорил, что иногда заполняет эти тайнички ночью. А когда мы его спрашивали, как он ночью определяет камни, Андрей отвечал: «на ощупь», «на вкус», «на зуб». Александр Евгеньевич Ферсман, также много путешествовавший по Ильменам с Лобачевым, говорил: «Невозможно понять, как он определяет минералы, но у него имеется необыкновенная наблюдательность и знание природы».

Сам Андрей любил вспоминать, как в Миасский завод «на ста тройках» приезжали ученые — участники VII Международного геологического конгресса, который проходил в конце прошлого столетия в Петербурге.

— Я знал, что иностранные ученые будут просить у меня камни, поэтому выучил на нескольких языках слово «нет». Дарил я камни из тайников только Владимиру Ивановичу Вернадскому, а он уже, смотря по обстоятельствам, одаривал ими гостей. Но все же самые лучшие свои камни я иностранцам не показывал, считал, что они должны остаться в наших, русских, музеях.

И действительно, Андрей нередко, продавая моему отцу какой-нибудь редкостный камень, говорил:

— Это камень особый, больше таких нет, а может, больше и не найдется, не продавайте его далеко, пусть он как-нибудь потом попадет в наш музей.

Около пятидесяти лет жизни отдал Андрей Лобачев Ильменским горам, оказав неоценимую услугу русской науке, но, обиженный царскими властями, все время преследовавшими его за тайную добычу самоцветов, отказывавшими ему в праве честно заниматься горным делом, к сожалению, унес с собой в могилу тайну многих открытых им месторождений цветного и драгоценного камня.

«ХИТНИЦА» ПОВЕЛИХА

Второй знаменитостью в Миассе была Евдокия Григорьевна Повелева, так же, как и Андрей Лобачев, тайно занимавшая добычей ильменских минералов.

Повелиха, как звали ее у нас в поселке, все камни называла ласково, словно детей: «циркончики», «фенакитчики», «тяжеловесики»... Камни она любила самозабвенно и все мечтала найти сказочную жилу-клад, где были бы вместе все «камушки-цветики». Этот клад она искала всю жизнь, полную лишений и разных приключений.

Как и Андрей Лобачев, Повелиха искала камни большие ночами — летом и зимой, нередко с опасностью для жизни, ибо встречалась в лесу и с волками, и змеями, которых она ужасно боялась, и с бешеными собаками. Но больше всего Повелиха боялась лесной стражи, в руки которой попадала часто.

Если Андрей Лобачев, обладавший необыкновенным слухом и ловкостью, при появлении стражников исчезал, словно привидение, то Повелиха, не отличавшаяся ни ловкостью, ни прытью, даже не пыталась убежать. Вся ее надежда была на хитрость, а хитрюга она была необыкновенная.

Из лесу она обычно выходила с корзинкой, доверху наполненной сосновыми шишками, и при встрече со стражниками объясняла, что «ильменские шишки дают ярый жар, лучше не придумаешь для хорошего самовара», а всему Миассу было известно, что Повелиха — большая любительница чая.

Корзинку, конечно, проверяли, ничего не находили, кроме шишек, а когда пытались обыскать ее, отлично зная, что вся она увешана мешочками с камнями, Повелиха, размахивая батошкой, поднимала такой крик и визг, что, ругаясь и отплевываясь, стражники отпускали «сумасшедшую» бабу на все четыре стороны.

Мне много раз довелось бывать у нее дома. Жила Повелиха на окраине Миасса, на южном склоне горы. Она всегда угощала чаем и любила рассказывать со всеми «страшными» подробностями про свои лесные походы за камнем.

Домик у Повелихи был новенький, тайный промысел приносил ей, видно, немалый доход, хоть она и жаловалась на «скудость жизни». В домике и в усадьбе царили чистота и порядок — все было выкрашено, блестело и сверкало. Лавки — желтые, выкрашены охрой, которую она сама где-то и нашла в горах, печь — белая, покрыта каолиновой глиной, о которой в Миассе и понятия никто не имел, а полати и рамы сверкали нарядной малахитовой краской. Все соседки завидовали ее домику.

Ее уважали за ум и бесстрашие, хотя за глаза и называли «полумужиком» — действительно, кто еще из женщин рискнул бы пойти в глухую ночь, зимой в горы?! По характеру она была полной противоположностью Андрею Лобачеву — веселая, общительная, говорливая, готова любому дать совет, с любым поговорить «от души».

Странно, что оба они — Лобачев и Повелиха, — уважая друг друга, никогда не общались. Это были соперники, вечно враждовавшие из-за фанатичной любви к камню. Если один находил какую-нибудь минералогическую редкость, то другой «из кожи лез», чтобы найти еще лучший и рассказать всем в Миассе с гордостью: «Это что! Вот у меня минерал — так редкость. Такого еще никто не видал, вот буду ждать Александра Евгеньевича, может, он скажет, что за камень. Уж он-то оценит мою находку!»

В отличие от Лобачева, она всегда всех называла только по имени-отчеству, хвастаясь после поездок в Екатеринбург или Москву:

— Ой, батюшки, как восхищался моими камнями Николай Иванович!

Это значило, что она была в гостях у академика Кокшарова. Или еще:

— А сколько анекдотов мне рассказал Модест Онисимыч! Как он умеет смешить! Вот уж месяц, а я все смеюсь.

Это означало, что она останавливалась у профессора Клера.

Когда ее спрашивали, как она научилась узнавать и находить минералы, Евдокия Григорьевна всегда рассказывала о своем муже, о его дружбе с Дмитрием Лобачевым — отцом Андрея, как она помогала им обоим копать самоцветы, когда они были в экспедиции у Мельникова.

До самой смерти, а умерла она в возрасте девяноста лет, искала Евдокия Григорьевна редкие минералы, тот самый «цветной клад», который бы прославил ее Ильмены на весь мир...

Фантастический рассказ

Аэлита АССОВСКАЯ

Рисунки Е. Стерлиговой

Окна в лаборатории были маленькие, узкие и без стекол.

— Надо бы затемниться,— сказал Вэл из-за пульта.— Будем наблюдать таймионы.

Леня привычно защелкнул ставни. Но в пластике где-то образовалась щель и узенький лучик-прожектор заиграл пылинками. «Святая мадонна! — ужаснулся Леня.— Если гигиенисты заметят, Вэлу здорово влетит... Вызову-ка техника».

И шагнул в бездонную темноту камеры.

— Скафандр!..— заорал Вэл, срывая голос.

64 Но дверца камеры со скрипом уже закрывалась...

Как часто потом вспоминался ему этот звук!..

Лунардо открыл глаза, скрип продолжался, но этот звук издавала теперь чуть прикрытая дверь в спальню. Солнечный луч, упираясь в стену, выхватывал роящиеся пылинки.

Как обычно, стояла тишина, невероятная, до звона в ушах, первозданная тишина. «Вот что значит эфир, не засоренный информацией»,— подумал Лунардо. Он вспомнил, что тогда его тоже поразила тишина, и это было страшно, потому что именно тишина исключала возможность возвращения.

Лунардо закрыл глаза, как бы вновь

приглашая странный и навязчивый сон. Но сон не шел. И Лунардо уже знал, что сон придет неожиданно, когда его меньше всего ждут, потому что неизбежно наступает то шаткое равновесие, без которого жизнь оборачивается приступом немолимо острой тоски. Теперь он не сможет не вспоминать.

...Нет, самым страшным оказалась все же не тишина, а синее после черноты камеры небо и жесткая, пожелтевшая от южного солнца трава. Сначала он обрадовался, что чудом остался жив. Его могло шлепнуть с высоты в десять, двадцать или тысячу метров... Он мог спокойно очутиться в океане, в каких-нибудь ста километрах от берега, или вообще обратиться в искусственный спутник и потом сгореть в атмосфере. Судьба оказалась необыкновенно милостивой к нему и на редкость жестокой: пространственно-временная координата его местонахождения будет известна с такой большой ошибкой, что его даже не станут искать. Чтобы детально прощупать всю область, понадобится, по меньшей мере, сотни лет и энергия нескольких квазаров. Они уже столкнулись с этим, когда провалился Роджер... А ведь он тоже, может быть, жив и тоже один. Леня, волей судьбы ставший теперь Лунардо, отдален от Роджера, по самым приблизительным оценкам, столетиями...

Тогда после «приземления» Леня медленно встал и перешагнул через обожженную полосу земли — место, где взорвалась оболочка камеры. Сидеть и ждать не имело смысла: его никто и никогда не запеленгует.

Навстречу шел человек. Леня с любопытством оглядел его просторные крестьянские одежды. Старинные. Леня еще не наметил никакого плана действий. Только приказал себе не опускать глаза под подозрительным взглядом аборигена. Что делать — необычная одежда Лени с точки зрения времени, в которое он попал, вполне могла показаться подозрительной.

Однако встреченный им человек заговорил сам на языке столь же древнем, как и его платье, и Леня подавил неприятную слабость в ногах. «Значит, в пространстве совсем небольшое «дельта», зато во времени... лет шестьсот, не меньше».

О возвращении нечего было и думать. Для них, своих современников, он погиб...

Только не ныть! Радоваться надо: пер-

вый в мире, впервые в истории человечества. «Один из первых», — уточнил Леня. Раньше это случилось с Роджером. Но главное, Леня остался жив, и там, в лаборатории, об этом догадаются. Кто-нибудь не поверит, что он погиб. Лина? Или Вэл? Что-нибудь придумают... Может быть, удастся наладить связь. Буду передавать информацию. А жаль, что я не историк — вот кому был бы здесь рай!

Он попытался представить себе, что делалось там, на другом конце пространственно-временного отрезка. Сначала раздался громкий крик. Его, Лени, от неожиданности, когда его рывком втянуло в канал.

А потом — что было потом? Точнее, что будет потом?

Крик, наверное, яркой вспышкой растворит изображение Лени на мониторе. Экран засветится нестерпимо ровным голубым светом, от которого режет глаза. Потом Лина, сидевшая в соседней комнате, бросится к черному провалу камеры, и ее будут оттаскивать. Потом Вэл, уже безо всякой надежды, прощупает ближайший временной район. А потом выключит экран и усталым голосом скажет: «Все. Поиск окончен». И по видеofону станет докладывать начальству о том, что непредвиденная фокусировка временных датчиков сделала камеру неуправляемой; во время эксперимента физик такой-то остался в океане пространства-времени. Координаты катастрофы обнаружить не удалось. Как и в случае с Роджером...

Лина, глотая слезы, закричит: «Нет!» — и станет крутить рукоятки настройки, чтобы еще раз посмотреть временную развертку. На ее плечо ляжет рука Вэла.

— Не надо. Мы не знаем, где искать. И потому ничем не можем помочь. Пока, во всяком случае.

А комната будет постепенно наполняться людьми. Лина забьется куда-нибудь в угол, но ей все равно не удастся спрятаться от потока сочувственных слов.

— Он сделает все, от него зависящее. Мы еще узнаем о нем. Он такой парень! Лина, прости, я говорю всем известные истины, но в науке не бывает без жертв. Будь же, наконец, мужественна. Ради него.

Это может сказать только Вэл. Потому что другие всего о них с Линой не знали.

Вспоминать то злосчастное утро Лунардо не любил. Возможно, потому, что это было первое утро, когда он почувствовал себя слабым. Что делать? Затаиться и ждать — авось нащупают твои следы и выловят? Или жить легально, не пряча то, что окружающим покажется в лучшем случае странным? Возможно, достойным костра... Необходимо все же считаться с горьким опытом истории.

И он попытался представить себе, как вышел из положения Роджер. Ему, этому комку нервов, непримиримому фанатику науки, должно быть много тяжелей, чем Лёне.

Святая мадонна, как это было трудно! Жить со своей тайной в знакомом, но до боли чужом мире, где чувствуешь себя гостем.

Вспоминать не хотелось, но мысли наплывали одна за другой.

...Он брел по пыльным дорогам, прокаленным беспощадным южным солнцем. И неожиданное открытие — речь аборигенов была не совсем чужой. Он немного понимал язык! Значит, так. Немедленно «слиться со средой», а то в одежде двадцать первого века долго тут не продержаться. Одинокая харчевня... Хозяин, сначала испуганный, удивленный, начавший было креститься и звать на помощь... Леня был вежлив и внимателен. Потом, гораздо позднее, сеньор Лунардо — так переделает на свой лад Лёнино имя хозяин харчевни — заслужит репутацию обаятельного человека одним своим умением вежливо и внимательно слушать собеседника...

Хозяин еще не совсем пришел в себя, но Леня уже смог ему объяснить свою просьбу. Тот ушел в задние помещения и принес ворох одежды. Теперь испугался Леня — необходимо расплатиться, а чем? Он пошарил глазами по сторонам и...—слава юношескому увлечению рисунком! — кусочком угля Леня изобразил на стене харчевни хозяина за стойкой трактира. Лицо трактирщика просияло — эту плату он принял.

Этот маленький эпизод определил судьбу Лени в новом мире.

«Говори с физиком о физике, а с поэтом о поэзии — и ты избежишь многих разочарований». Он часто вспоминал эту поговорку, принесенную из двадцать первого. О чем же говорить с ними! Через пропасть шириною в шесть веков можно было протянуть лишь мостик простейше-

го обмена информацией. И даже не научной — его новые современники не нуждались в ней, — а простой, житейской.

Если он и знал много, то обязан был только тому, что Эйнштейн родился раньше него, и Ландау, и Арутюнян.

Леня стал художником. Это было близко ему и понятно тем, кто его окружал. Еще в институте друзья шутили, что физика и живопись — родные сестры Лениного призвания. Теперь одной из сестер суждено было шагать с ним об руку всю жизнь.

Лунардо закрыл глаза, чтобы не видеть хоровод пылинок. Вставать он не спешил — сегодня думалось.

А что, если... Считали же его странным. Спасительное, все объясняющее сумасшествие... Самовнушение или необычный, пророческий сон... И не было никакого двадцать первого века, никакой камеры, провала, Вэла. И Лины?.. Даже Лины? Нет, нет, не надо...

Двустороннюю связь наладить не удалось. Но сколько лет прошло, пока он не додумался до простой мысли! Ведь можно посылать информацию о себе по обычному временному каналу. Через всю историю. Чтобы облегчить им поиски. Чтобы помочь обнаружить его, Леню, теперь уже — сеньора Лунардо. Конечно, установить с высокой точностью его пространственно-временные координаты — почти фантастика. Но если попытаться обнаружить его исторические следы? Необычную фигуру в истории человечества? Нужно сделать что-то, чтобы привлечь к себе внимание через века. Наука исключается. То, что он знает, любой счел бы здесь ересью, а самого его — изгоем, лишенным рассудка. Но искусство... Оно, как и наука, переживает столетия. Надо собрать всю волю, все способности, если они действительно в нем таились — способности художника, — и постараться, чтобы сделанное им выдержало испытание временем, чтобы о нем увидели... И Лина...

Если уж нет других стимулов, если чувств времени притупилось временем, то ради Лины...

Только он никак не мог представить себе, какая она, Лина. Это, наверно, потому, что время уже тронуло его самого. Поседело волосы, лицо покрылось морщинами, под глазами отвисли мешки.

В свои автопортреты он вкладывал не только искусство художника, но и объективность ученого. А ему не давала покоя

мысль о тщетности, бесполезности и этой затеи. Даже если рисунки сохранятся до двадцать первого, его же не узнают!.. Ведь его помнили только молодым, и никому не придет в голову отождествлять юношу с портретом угрюмого седовласого старца. Даже Лине, которой теперь тоже пятьдесят... Впрочем, неизвестно, может быть, Лины уже нет... Или, вернее, — еще нет. А его самого?.. Не надо!

Сеньор Лунардо шел по улице, закутавшись, как обычно, в короткий, до колен, красный бархатный плащ. Долгие годы не смогли заставить его носить длинные темные одежды. Он выглядел несколько экстравагантным, но лучшему

живописцу страны было позволительно иметь маленькие слабости. Ведь он так умен, так добр, так приветлив. Это о нем говорили, что нет и не будет на свете другого такого человека, который бы знал так много. Легким наклоном головы он приветствовал горожан, почтительно снимавших перед ним шляпы.

Внимание его привлекла карета, в которой ехала богатая и знатная дама. Лунардо приостановился, чтобы пропустить процессию, и... словно прирос к земле. Этой минуты он ждал столько лет! Неужели сумели?... Ребята, молодцы! А он еще сомневался — стоит ли жить! По его морщинистым щекам катились слезы.

В карете сидела... Лина. Совершенно не тронутая временем (потом, потом об этих парадоксах!..), такая же прекрасная (это счастье сделало его сентиментальным...), как в то далекое утро. На смуглом лице ее трепетала знакомая, но всегда поражающая своей таинственностью полуулыбка-полунасмешка. Лина не узнавала его. Немудрено: ведь прошло столько лет — в его измерении, по крайней мере.

Он бросился к повозке, готовый сорвать с себя эту проклятую испорченную морщинами кожу, эту бороду и седые кудри, чтобы снова стать тем самым Леней из двадцать первого...

Женщина равнодушным взглядом скользнула по фигуре старца. Ей льстило восхищение знаменитого живописца. Она подумала, что неплохо было бы заказать у него свой портрет, хотя, по слухам, сеньор — не поклонник женской красоты.

Их взгляды встретились. Лунардо опустил голову. Святая мадонна, эти глаза не могли принадлежать Лине...

Как сказал один древний поэт, «нет чудес, и мечтать о них нечего». Признайся, в глубине души ты уже давно потерял надежду на возвращение, понял, что нельзя желать невозможного. Но как замечательно, что тебе встретишься женщина, словно две капли воды похожая на твою Лину! Это будет условным знаком. Остается только перенести произведение природы на холст. Живопись не нуждается в переводчиках.

...Знатная сеньора с удовольствием приняла приглашение Лунардо... Она была терпелива и тщеславна, могла часами сохранять требуемые живописцем позу и выражение лица. Но картине не суждено было украсить стены замка богатой дамы. По непонятным причинам, художник не пожелал расстаться с портретом.

Окна в лаборатории были маленькие, узкие и без стекол. Высокие, как своды собора, потолки тонули в темноте. Голубой свет монитора выхватывал напряженный профиль Вэла и руки его, словно приросшие к клавишам управления.

Лина сидела у малого пульта, и лица ее не было видно. А она улыбалась. Как всегда — немного загадочно, совсем так, как на потемневшем от времени портрете, который вчера был обнаружен историками и который мог принадлежать кисти лишь его — Лени...

Н О В И Н К И

Кирилл БУЛЫЧЕВ. ЧУДЕСА В ГУСЛЯРЕ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1972, 368 стр.

Нет, что ни говорите — странные вещи творятся в городе Великом Гусляре! Пряником из космоса попадает в квартиру Корнелия Удалова существо с тремя ногами, красными глазами и в очках. В ближнем озере обнаруживается осьминог, ищущий контакта с людьми. В зоомагазине поступают в продажу волшебные

золотые рыбки! Наконец, приворотное зелье, попав не по назначению, невидимой веревкой привязывает к влюбленному толстяку... его же собственного козла...

Илья ВАРШАВСКИЙ. ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ НЕТ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1972, 384 стр.

«Эта книга была задумана как сборник избранных рассказов», — пишет в авторском

предисловии известный советский фантаст.

В основе рассказа, давшего название всей книге, — проблема взаимоотношений человека и машины. Крупный математик соглашается удалить из своей памяти все, что сочтет ненужным и лишним кибернетической машиной. Операция удается на славу. Но профессор Кларенс, утративший «бесполезные эмоции», перестает быть человеком: он превращается в мыслящего робота, в бездушную машину.

ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ БЕТПАК-ДАЛА

Из книги „Вечные следы“

Однажды директор Карагандинского музея Л. Ф. Семенов показал мне очень редкий, еще нигде не напечатанный документ. Он был написан в 1890 году и назывался «Копия с приложения к записке о торговле Акмолинского уезда и ее направления». «Приложения», составленные уездным начальником Троицким, содержат много данных о торговле Акмолинска со Средней Азией и Китаем и, по существу, являются своеобразным «дорожником», в котором подробно описаны караванные пути от Петропавловска до Ташкента и Кашгара. В рукописи самым тщательным образом отмечены природные условия местностей, растительность, водные источники, места стоянок.

Заметки Троицкого заставили меня вынуть старые походные тетради и воскресить в памяти некоторые страницы из истории путешествий через степи Казахстана...

Следы этих путешествий теряются в глубокой древности. Так, например, еще в 569 году н. э. Земарх, посланник императора Византии, посетивший государство тукюзцев (тюрков), пересек пустыню Бетпак-Дала. В XIII веке там прошли новые гости из далеких стран. Это были Смбат, начальник конницы Малой Армении, и властитель этого государства царь Гетум I.

Но это времена очень давние. А вот история нескольких путешествий в более близкие к нам годы...

...Широкому кругу читателей еще не известна история путешествия двух русских горняков через казахские степи в Ташкент в 1800 году. Это были колыванские берг-гешворены Бурнашев и Поспелов. Подлинник их путевых записок лишь недавно обнаружен в Барнаульском государственном архиве, о чем сообщает алтайский краевед-историк Н. Я. Савельев.

Очень важно отметить, что Бурнашев и Поспелов были одними из первых геологов, исследовавших Казахстан и Среднюю Азию. Их пригласил правитель Ташкента Ходжей Юнус для геологических работ в его владениях.

Казахский султан Букей предложил Бурнашеву и Поспелову сопровождать их до самого Ташкента, для чего согласился ожидать попутчиков на реке Нуре. Путешественники вышли из Семипалатинска, достигли форпоста Семиарского и двинулись в сторону Каркаралинских гор. В пути русские геологи находили агаты и сердолики, исследовали почвы степи. Так они дошли до Нуры, где их с нетерпением ожидал Букей.

Любознательные горные мастера выполняли также труд, не входивший в их прямые обязанности. Они описали хлебопашество казахов на Нуре, охоту с беркутом, обратили внимание на предметы из железа и меди, бывшие в употреблении у казахов, обследовали курганы возле Нуры и собрали некоторые археологические предметы. На пути к Бетпак-Дале были открыты горы, сложенные из красной и зеленой яшмы.

«...В общей положении сей степи, относительно ее удобства к обитанию, надлежит исключить ту часть, которая следует к полудню, за пространством гор. Она называется Битпаком и покрыта более терновником и отчасти полынню травой; по причине же неимения воды не населяется», — так исследователи описывали Бетпак-Далу. Однако они оговаривали, что вода в пустыне есть всюду, на глубине не более двух саженей.

Михайло Поспелов, рукой которого были написаны путевые заметки, считал, что пустыня Бетпак-Дала начинается от гор Кок Томбак. Исследователи выбрали самый опасный, но зато короткий путь через урочище Тюсьбулак, хотя им была известна вторая дорога — на Уванас. Они дошли до реки Чу, которую М. Поспелов называл «Цуя», и переправились через нее на камышовом плоту.

Наконец впервые показали заветные горы

Кара-тау. Преодолев перевал у селения Бабаты, Бурнашев и Поспелов направились к Ташкенту, куда и прибыли 28 июня 1800 года.

Русским горным мастерам была устроена торжественная встреча. Они прожили в Ташкенте три месяца, подробно осмотрели его. Европейская наука в те годы не имела достоверных сведений о Ташкенте и его владениях. Поэтому записи М. Поспелова приобрели огромную ценность.

Выяснилось, что Ташкент закупал в русских владениях медь, железо, жемчуг, кораллы, дорогие меха котиков, сукна и другие товары, доставлявшиеся через Казахстан.

Чтобы закрепить успехи караванной торговли, Бурнашев и Поспелов наметили удобный путь: Ташкент — Уванас — горы Актау — Нура — Каркаралинские горы — Беркутли — Куказлык — Биштерек — Ямышево на Иртыше. Именно этой дорогой и возвратились они на родину. Горные мастера подтвердили наличие свинцовой руды в известковых толщах гор Кара-тау. «Их точное указание было первым достоверным сообщением об ископаемых богатствах гор Средней Азии», — так пишет о Бурнашеве и Поспелове один из советских историков.

В 1807—1823 годах Муртаза Файзулин, «торговый татарин Казанского посада», так именуется он в старинных бумагах, совершил несколько путешествий в Среднюю Азию. Он не раз проходил по суровой Бетпак-Дале, не однажды переправлялся на камышовом плоту через реку Чу. Один любознательный русский чиновник подробно расспросил Муртазу и с его слов составил очерк пути от Ташкента до берегов Нуры и Ишима.

Дорожник Файзулина описывает города Ташкент, Туркестан и Сайрам. Далее упоминается Мангат с обильными зарослями травы «дармана», содержащей цитварное семя. Оказывается, этот продукт еще в начале XIX века в огромном количестве вывозился через Казахстан в Россию.

Файзулин описывал Чудское озеро в горах Кара-тау, наполненное неизвестной, похожей на

стерлядь, рыбой. В тех же местах он обнаружил 12 древних курганов. С синих гор Кара-тау Муртаза Файзулин спустился в долину Сузака, откуда до Петропавловска оставалось 26 дней пути. Затем он переправился через реку Чу и вскоре очутился на пороге Бетпак-Далы.

«По степи Бит-пак земля чрезвычайно тверда, почти как камень, но она вся покрыта низким каким-то деревом баялыч, похожим несколько на можжевельник», — читаем мы в дорожнике Файзулина.

Далее там написано:

«Здесь оканчивается степь Бит-пак. Сия прямая дорога через нее, — как уверяет Муртаза, — открыта киргизам одним; по прежней дороге она простиралась на 180 верст».

Двенадцатый по счету переход Файзулин завершил на Нуре, а еще через день благополучно дошел до Ишима.

...Сто с лишним лет назад неизвестный русский землепроходец приказчик торгового каравана сообщил П. И. Небольсину сведения о путях из Петропавловска в Ташкент. Длина маршрута составляет 1600 верст. Неизвестный путешественник шел через Акмолинск, Сары-Су, Бетпак-Далу, Чу, Сузак, переваливал через свинцовые горы Кара-тау.

«А для русского купца Ташкент важная страна, и в Кошкар, и в Бухару почти что рукой подать. В Кошкар из Коканда каждую неделю ходят караваны и везут на потребу неизвестных нас стран русские товары: сукно, цветной плис, коленкоры, миткаль, железо, чугун», — записал П. И. Небольсин в 1851 году.

Эти путешествия русских землепроходцев (многие из которых до сих пор остались неизвестными, их отчеты надо отыскивать в архивах Ташкента, Омска, Семипалатинска и других городов Казахстана, Сибири и Средней Азии), пересекавших в прошлом угрюмую безводную пустыню Бетпак-Далу, способствовали взаимопознанию и сближению народов России и Средней Азии.

Сергей МАРКОВ

Ю. ЯРОВОЙ

ШАХТЫ БЕЗ ШАХТЕРОВ

ОСТАНОВКА У СИНИХ КРИСТАЛЛОВ

Шахта оказалась необычной: в нее не спускаются, а въезжают. Длинный двухкилометровый тоннель в конце концов приводит к нормальному, как выражаются горняки, стволу с клетями и рудоподъемом — все, как в обычной шахте, только все это глубоко под землей, в горе.

Гору в поисках медной руды не только прошли штреками, тоннелем и квершлагами — руду добывали здесь и открытым способом, в карьере. Об этом напоминает гигантская воронка глубиной в двести с лишним метров — Московский университет можно в ней спрятать, — вырытая в макушке горы. Из этой воронки экскаваторами вынули 25 миллионов кубометров пустой породы да миллионы тонн руды.

Воронка карьера напоминает жерло вулкана и по размерам, и по виду. Когда-то, сотни миллионов лет назад, на этом месте и в самом деле был вулкан, сейчас о нем напоминают только геологиче-

ские термины — интрузивные, то есть изверженные, магматические породы, гидротермальные, то есть возникшие под влиянием высоких температур, руды. И вот человек, вооруженный взрывчаткой и мощными землеройными машинами, вырыл искусственный кратер...

Стенки этого искусственного кратера являют собой настоящий геологический музей: желтые, голубые, багово-красные породы, выходы медноколчеданных жил, отмеченные зеленоватыми потеками, складки, слоистый, как пирог, гранит. Опытный геолог, прогулявшись по дороге, вьющейся серпантином по стенкам карьера, без труда разгадает всю многомиллионную историю древнего вулкана. Но сейчас спуститься в «кратер» нельзя — опасно.

Карьер закрыли летом прошлого года из-за оползней и камнепадов. Еще раньше закрыли шахту: добывать руду подземным способом оказалось невыгодно. И опустел

Блявинский рудник, дожидаясь окончательного решения своей судьбы. По расчетам геологов, в горе осталось еще немного первосортной медной руды. Но как ее взять? Из карьера — опасно, из шахты — слишком дорого...

Маленький рудничный электровоз бойко постукивает по рельсам, увозя по тоннелю в глубь горы научных сотрудников Уральского института «Унипромедь». Сопровождает их главный маркшейдер шахты Виктор Спиридонович Каллистратов. На его глазах родился, пережил расцвет и упадок один из известнейших на Южном Урале рудник — сырьевая база Медногорского медносерного комбината. По знаку Каллистратова машинист останавливает электровоз далеко от шахтного ствола.

Несколько шагов по штреку, и мы замираем, пораженные: под скупым светом рудничных ламп сверкает дружа ярко-синих кристаллов. Они омываются водой, которая сочится из стенки штрека и падает в канаву крупными голубыми каплями.

— Осторожней, берегите глаза, — предупредил маркшейдер. — Серная кислота!

Он нагнуллся и нашел в воде бугристый комочек красной меди.

— Самородная? — удивился я.

— Микробная, — усмехнулся биолог Абакумов, тщательно нанося на карту выход голубой воды.

Судя по отметке на карте Виталия Васильевича, мы стояли как раз под одной из стенок кратера, вырытого экскаваторами. Какой же сложный путь прошла капля дождевой воды внутри горы, чтобы обернуться сверкающим синим кристаллом, да еще по пути извлечь из руды этот бугристый комочек красной меди!..

«ЗВЕРЮШКИ»

АНТОНА ЛЕВЕНГУКА

В 1695 году в Голландии появилась книга, вызвавшая немало толков и споров. Книга по тем временам имела вполне

научный вид — написана на латинском языке, имела массу рисунков и довольно претенциозный, но в общем-то вполне

научный заголовок: «Тайны природы, открытые Антонием Левенгуком». Это был первый труд по микробиологии — результат почти тридцатилетних наблюдений выдающегося мастера-оптика.

Левенгук пережил в своей

жизни две волны славы. Сначала он стал известен как создатель лучших в мире оптических стекол. Его линзы, каждая размером с булавочную головку, давали увеличение в 250 раз! Вот при помощи такой фантастической линзы Антоний Левенгук и открыл удивительный мир микробов. Однако датой рождения микробиологии принято считать не 1695 год, когда вышла знаменитая книга ученого-самоучки, принесшая ему мировую славу, на этот раз уже как биолога, а в 1684-й, когда потрясенный своим открытием голландский мастер-оптик написал в Лондонское Королевское общество — наиболее авторитетную в то время академию — письмо, поразившее весь ученый мир. Левенгук писал: «С величайшим изумлением я увидел в капле (из зубного налета) великое множество зверюшек, оживленно двигающихся во всех направлениях, как щуки в воде...»

С тех пор прошло почти триста лет. Микробиология из науки о чудесах превратилась в одну из самых фундаментальных биологических дисциплин. Выявлены и классифици-

рованы десятки тысяч всевозможных видов бактерий, кокков и спирохет, ученые выяснили, что большинство болезней людей, животных и растений вызываются микробами и их мельчайшими родственниками — вирусами. Установлено, что мир микроорганизмов занимает в биосфере Земли главное место. Достаточно сказать, что атмосферный кислород на 80 процентов состоит из продуктов жизнедеятельности микроорганизмов, обитающих в океане. И все же до сих пор микробиология остается наукой о «хаосе», как в свое время классифицировал микробов великий естествоиспытатель Карл Линней. Объясняется это не только чрезвычайно малыми размерами бактерий и трудностью их изучения, но главным образом их невероятной воздушности. Где только они не живут! С помощью аэрозондов микробы были обнаружены в стратосфере — на высоте 40 километров, а с помощью батискафов — на дне океанских впадин. Сенсацией в науке явились исследования советских биологов в районе Северного полюса. Пробы, взятые со дна

Северного Ледовитого океана на Северном полюсе в 1954-55 годах со льдин дрейфующих станций «СП-3» и «СП-5», показали, что микрофлора арктических морей лишь немногим уступает земной микрофлоре средних широт.

Еще более сенсационными были опыты исследователя соликамских сильвинитов Н. К. Чудинова. Он вырастил микробов, которые оказались «законсервированными» в каменной соли еще в палеозое — 250 миллионов лет назад! Открытие Н. К. Чудинова положило начало геомикробиологии — науке о роли микроорганизмов в геологических процессах Земли.

Размеры микробов действительно микроскопические — их можно разглядеть только под микроскопом. Но зато их масса поражает воображение. Чтобы представить, например, их роль в круговороте веществ Каспийского моря, профессор А. Е. Крисс подсчитал, что воды среднего и нижнего Каспия содержат более 1 600 000 тонн микробной массы! Для перевозки каспийских микробов потребовалось бы не менее 100 тысяч железнодорожных вагонов...

ПИТАЮТСЯ СЕРОЙ, «ДЫШАТ» — ЖЕЛЕЗОМ

В Куйбышевской области есть озеро, которое называют Серным. Со времен Петра I из этого озера добывалась сера, необходимая для производства дымного пороха. А позже, в прошлом веке, когда врачи установили целебность серных вод, там был открыт курорт.

Если взять из Серного озера каплю воды и поместить ее под микроскоп, то взору откроется удивительная картина: капля буквально нашпигована шариками, палочками, нитями и свалами, которые медленно плавают, извиваются и переливаются ярко-желтыми блестящими. Это серобактерии — микроорганизмы, которые питаются серой. «Питаются» в данном случае, разумеется, надо понимать в переносном смысле, ибо процесс питания и дыхания у бактерий со-

вершенно иной, чем у высших животных. Капельки серы, которыми начинены серобактерии, образуются при окислении ими ядовитого газа сероводорода. Таким образом, серобактерии не только очищают озеро и пруды от ядовитых газов, но и являются концентраторами элементарной серы. Почти все месторождения серы, как сейчас установлено, образованы бактериями.

Но есть бактерии, которые живут, образно выражаясь, «на железе». Они так и называются — железобактерии. Обнаружить их можно в стоячей воде, особенно много их в болотах. Буро-коричневый мох, выстилающий берега и дно таежных озер, — это не что иное, как остаток железобактерий.

Впервые работу железобактерий наблюдал выдающийся

советский микробиолог Н. Г. Холодный. Его опыт может воспроизвести любой натуралист. Тонкие стекла надо вставить углом в пробку и опустить эту «ловушку» в банку с болотной или озерной водой. Через несколько дней, когда стекла помутнеют, на одном из них можно обнаружить удивительное микроскопическое деревце. Стебельком деревце прикрепляется к стеклу, а его веточки свободно плавают в воде. Деревце имеет строгую форму. Каждая веточка делится на две, которые, в свою очередь, тоже раздваиваются через равные промежутки на отростки.

Если в распоряжении у натуралиста достаточно мощный микроскоп, то на конце каждой веточки он увидит прозрачно-блестящую клетку. Это и есть железобактерия. А само деревце — ее дом.

Химический анализ «дома» железобактерии показывает, что он состоит из гидрата оки-

си железа. Как же образуется это удивительное железное дерево?

Все живые организмы, включая и человека, для поддержания жизни должны расходовать энергию. Человек, как и другие животные, получает эту энергию, сжигая атмосферным кислородом органические вещества. Растения живут за счет энергии солнечного света. А бактерии?

Бактерии не только используют способы получения энергии, которыми природа наделила животных и растительный мир, но и «изобрели» свои собственные способы, совершенно невероятные с точки зрения живого организма. Так, серобактерии получают энергию за счет окисления сероводорода. А когда его мало или совсем нет в воде, они окисляют в серную кислоту личные запасы серы. Еще оригинальнее способ добычи энергии у железобактерий. Если серобактерии серой как бы питаются, то железобактерии — железом «дышат». Как это происходит?

Железо — один из самых распространенных на Земле элементов. Встречается оно в двух видах: в земной коре, в горной породе — двухвалентное, так называемое закисное, которое легко растворяется в воде, а на поверхности земли, в реках, озерах и болотах — трехвалентное, окисное, которое в виде гидрата окиси хорошо всем знакомо как ржавчина.

Железобактерия живет за счет химической реакции перевода трехвалентного железа в двухвалентное. Впитывая в себя растворенное практически в любой воде закисное железо, она превращает его в ржавчину, а остающийся при этом свободный электрон служит в качестве своеобразного костра, поддерживающего ее жизнь. Таким образом, железобактерии как бы питаются электронами, однако сам про-

цесс их поглощения напоминает привычное, хорошо знакомое нам дыхание. А буро-коричневые деревца, которые выросли на стеклах при опыте, — это микробные отходы.

Долгое время биологи спорили о происхождении крупнейших на земле железных месторождений, в частности, и Криворожского. Сейчас неопровержимо доказано, что эти месторождения образовали железобактерии.

Казалось бы, невероятный факт — миллиарды тонн руды! Однако вот, например, с какой скоростью образуются месторождения серы: ученые подсчитали, что ежегодно на дно куйбышевского Серного озера оседает до 120 килограммов трупов бактерий, начиненных чистой молекулярной серой.

Обнаружены десятки аналогов железобактерий, приспособившихся «питаться» и «дышать» различными металлами — от марганца до урана. Так, например, знаменитое Чиатурское месторождение марганца в Грузии образовано микроорганизмами из группы лептотрикс.

Но самым удивительным в геомикробиологии оказалось открытие бактерий, которые не создают, а разрушают месторождения полезных ископаемых.

В 1947 году из шахтных вод на медных рудниках были выделены тиобациллус феррооксиданс и тиооксиданс, что в переводе на русский язык означает «серная железокисляющая и сероокисляющая бактерия».

Если взять на химический анализ шахтную воду, допустим, из «Капитальной 1-й» Дегтярского рудника, то в каждой ее капле легко обнаружить серную кислоту. Откуда она взялась, догадаться нетрудно: почти все медные руды содержат пирит, халькопирит, сфалерит, то есть являются серосодержащими. Окисляя серу в кислоту, бактерии по-

лучают ту самую жизненно необходимую энергию, которую они используют на рост и деление клеток. Микробиологи и геологи подсчитали, что ежегодно на Дегтярском руднике тионовыми бактериями добывается из руды две с половиной тысячи тонн серной кислоты, которая откачивается вместе с шахтной водой.

Однако вспомним: тиобациллус феррооксиданс, клетки которой также можно найти в каждой капле шахтной воды вместе с сероокисляющими бактериями, живут за счет окисления не серы, а закиси железа. Анализ же шахтных вод показывает, что вместо ожидаемой окиси железа воды содержат... медный купорос! Недаром на Блявинском руднике, да и в некоторых старых забоях Дегтярского рудника шахтная вода голубая — такой цвет воде придает медный купорос.

Немало потребовалось труда и опытов, чтобы разобраться во всех превращениях капли воды, попавшей в медную руду. Чем бы ни «питались» и ни «дышали» бактерии-рудокопы, им все равно нужна вода — и для химических реакций, благодаря которым бактерии получают энергию в виде свободных электронов, и для размножения. Поэтому-то так долго и шли споры между микробиологами, считавшими, что руды разрушают бактерии, и гидрометаллургами, которые считали, что разрушителям медных месторождений является сама вода. В конце концов выяснилось, что руду разрушают все-таки бактерии, причем конечным итогом превращений капли воды в медной руде является раствор серной кислоты с медным купоросом.

Разобравшись, наконец, с этой головоломкой, микробиологи и горняки задались вопросом: а нельзя ли таинственных невидимок заставить выступить в роли шахтеров?

ПОЧЕМУ КРАСНЕЕТ ГВОЗДЬ

Почему дорого стоит этот красноватый, хорошо известный человечеству еще с древ-

нейших времен металл? Все дело в том, что медь, как и золото, содержится в руде

в рассеянном состоянии. Встречается, правда, и самородная медь, но почти так же редко, как и золотые самородки. Обычное содержание меди в руде — 1—2 процента. Одна тонна черновой меди стоит около 700 рублей.

Черновую медь люди уже давно научились получать и более дешевым способом, причем не из руд, а из шахтных вод. На Блявинском руднике воду из шахт откачивают в два так называемых осветительных прудка, где она отстаивается, а потом поступает на цементационные установки, представляющие собой длинные, до трехсот метров, деревянные желоба, заполненные железным скрапом.

Процесс цементации меди может воспроизвести каждый школьник. Для этого нужно растворить в воде несколько кристаллов медного купороса. А затем в стакан с голубой водой опустить обыкновенный железный гвоздь, и он покроется медью.

Еще интенсивней идет процесс цементации под землей,

в голубых шахтных водах. Там ключи и гвозди приобретают красный цвет за считанные минуты. А на цементационных установках медь оседает в виде бурого порошка на скрапе. Бурый порошок — это и есть цементная медь.

Первая в мире промышленная установка бактериальной добычи меди была построена в 1964 году на Дегтярском руднике. Автором проекта установки был кандидат технических наук Артур Иванович Голомзик, ныне начальник лаборатории рудной микробиологии института «Унипромедь».

Опытная установка представляла собой небольшой цементный бассейн под навесом. В нем выращивались бактерии, раствор с которыми по трубам закачивался в рудное

тело, в так называемую Южную выклинку, уже отработанные шахтерами. Вода с бактериями разрушала руду и насыщалась медным купоросом. Снизу Южная выклинка была подсечена штреком, в котором и собиралась обогащенная металлом вода. А из штрека насосами раствор подавался на цементационную установку.

Вот и вся «бактериальная» шахта, где при помощи шахтеров-невидимок было добыто около сорока тонн меди.

Экономисты подсчитали, что стоимость меди, добытой бактериями, в два-три раза ниже получаемой обычным, горно-металлургическим способом, включающим в себя полный цикл переработки руды — от обогащения до конверторной плавки.

ШАХТЫ или ЗАВОДЫ

Казалось бы, все преимущества налицо. Вместо капитальных шахт — небольшие дренажные выработки, вместо обогатительных фабрик и медеплавильных заводов — цементационные установки. Однако бактериальная добыча меди имеет и существенный недостаток. Дело в том, что медные руды, как правило, полиметаллические, содержат в себе цинк, серебро, золото и целый ряд редкоземельных элементов. При обычном, горно-металлургическом способе золото и ряд редких металлов выделяются на медеэлектролитных заводах. При бактериальной же добыче меди все металлы-спутники остаются в руде или, если частично переходят в раствор, уходят с так называемыми хвостовыми водами в реки.

Эта особенность, да еще сама принципиальная новизна нового способа добычи меди задержали освоение бактериальных установок на шахтах. В конце прошлого года на Дегтярском руднике была пущена более или менее солидная промышленная установка. И вдруг, это было примерно через месяц-полтора после пуска установки, вместе с медным купоросом

пошел цинковый. Что произошло?

Для микробиологов особой загадки в этом явлении не было. В лабораторных условиях и раньше удалось выделить штаммы тиобациллы, который активно разрушал не только цинковые руды, но и молибденовые и даже урановые. Особенно эффективной оказалась добыча бактериями урана. По данным зарубежных научных журналов, сейчас 80 процентов этого сырья для атомных станций и реакторов добывается в шахтах бактериями. Установка Дегтярского рудника лишь подтвердила лабораторные опыты. Комбинацией различных штаммов тиобациллы из руды можно перевести в растворы целый ряд металлов, за исключением, возможно, благородных — золота и серебра. А дальше что? Ведь цементации, то есть осаждению на железном скрапе, поддается только медь...

Ионообменные смолы обладают поистине волшебным свойством — осаждать на себе атомы вполне определенных, избранных веществ. Нашлась такая смола и для меди.

Одновременно с монтажом бактериальной установки на

Дегтярском руднике на той же «Капитальной 1-й» была смонтирована и ионообменная установка из четырех колонн, каждая из которых на треть засыпана смолой. Через эти колонны прокачивался раствор медного купороса, извлеченный из руды бактериями, и мелкие желтоватые кристаллики смолы разбухали, приобретая фиолетовый цвет, — это осаждалась на смоле медь.

Затем через те же колонны пропусклась серная кислота, которая растворяла в себе осадившуюся на смоле медь, и получался уже концентрированный раствор медного купороса — элюат.

Установки для извлечения меди из элюата разработали в институте «Унипромедь». Таким образом, привычный горно-металлургический процесс получения меди превратился в бактериально-химический. Таким именно и представляют себе будущий рудник дегтярцы. Впрочем, рудник, пожалуй, — не то слово: от рудника останутся только старые, отработавшие свой срок шахты, а весь процесс получения меди будет проходить на бактериально-химическом заводе.

А как же с цинком и другими металлами? Найдено ионообменное «сито» и для цинка. Нет никаких сомнений,

что химики подберут для каждого металла свою смолу-осадитель точно так же, как микробиологи — свой штамм тиобациллы. И практически все металлы, содержащиеся

в медной руде, будут извлекаться из бактериальных растворов точно так же, как сейчас извлекается медь. Все, за исключением благородных, не растворяющихся в серной

кислоте, — золота и серебра. Но и на золото уже найден свой микроб, правда, не бактерия, а микрогрибок. Обнаружили грибок в иркутском Институте редких металлов.

ДВЕ СТРАНИЦЫ ФАНТАЗИИ

Иркутские ученые столкнулись с загадочным явлением: на некоторых россыпных месторождениях катастрофически падало содержание золота. Было такое впечатление, словно золото растворяется в воде. Но этого не может быть! Золото, и то с большим трудом, растворяется лишь в так называемой «царской водке» — смеси азотной и серной кислот.

Решили поставить опыт в лаборатории. Воссоздали природные условия и поймали-таки вора-невидимку. Им оказался плесневый грибок — мельчайший спорозый микроорганизм.

Впрочем, невидимкой назвать его трудно. Посеянный на золотоносном песке, этот грибок начинал энергично впитывать в себя драгоценный

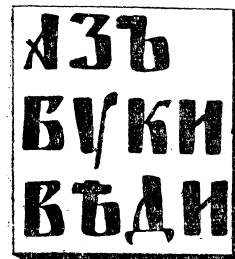
металл, покрываясь позолотой. Через 15—20 часов грибок впитывал в себя 98 процентов всего золота, которое предлагалось ему в виде корма. Так была разрешена одна из геологических загадок: почему золото, этот «неподдающийся» окислению металл, является в то же время самым рассеянным элементом в земной коре?

А теперь попробуем представить себе горный рудник будущего, точнее — завод-рудник. Руда прошивается, словно иглами, скважинами. По ним в руду нагнетается раствор. Обогащенный затем солями различных металлов, раствор подается по трубопроводам к заводу, где последовательно прокачивается через ионообменные колонки и бактериальные чаны. И каж-

дая смола, каждый микроорганизм выбирает из раствора его «личный» металл. На последней стадии раствор освобождается от кислоты. В реки возвращается та же кристально чистая вода, которая прошла такие удивительные превращения под землей, в руде.

Фантазия? Микробиологи считают, что такие бактериально-химические заводы придут на смену нынешним шахтам и рудникам уже к концу нашего столетия. Рудная микробиология сейчас переживает примерно тот же период, что атомная энергетика — время строительства первых реакторов. Мало тогда кто верил, что пройдет лет двадцать, и на смену тепловым электростанциям, поглощающим в сутки целые эшелоны угля, придут электростанции, где люди работают в белых халатах, где чистота помещений напоминает операционные. Уйдут в прошлое шахты, а место шахтеров под землей займут рудокопы-невидимки — бактерии.

Персональный словарь

Чаще всего толковые словари включают в себя какой-либо язык в целом. Но для того, чтобы во всех подробностях изучить словарный состав языка, необходимо знать и местное наречие. В России диалектные словари появились лишь в прошлом веке. В настоящее время готовится много-томный «Словарь русских народных говоров» на основании трудов лингвистов нескольких поколений.

В то же время внимание ученых привлекают говоры и отдельных, даже самых маленьких, сел и деревень. Составляются словари отдельных населенных пунктов. Так, в Пермском университете готовится «Словарь деревни Акчим Красновишерского района». В Москве напечатан «Словарь деревни Деулино Рязанской области». Их готовили вузы и Академия наук. Но до сих пор лингвисты не изучали словарный запас какого-либо одного лица. А между тем и в таких словарях необходимость есть. Ученые все пристальнее всматриваются, вслушиваются в речь отдельных людей, умея в капле воды видеть океан — необозримый океан народной речи.

Доцент Шадринского пединститута В. П. Тимофеев в течение долгих лет наблюдал диалектную речь своей матери, крестьянки деревни Усольевой Шатровского района Курганской области Евдокии Михайловны Тимофеевой, 1897 года рождения. В родном селе она росла до 19 лет, и ее речевые навыки сформировались именно там. Впоследствии она жила в селе Сладчанском, селе Мехонском, в нескольких деревнях вблизи Мехонского. Кстати, Сладчанское и Мехонское — довольно старые зауральские поселения. Мехонское основано в 1660 году, а Сладчанское — в 1754-м переселенцами из Архангельской, Вологодской и Вятской губерний. Поэтому говор сел Усольево, Мехонское и Сладчанское одинаков — он носит черты вятско-вологодской группы.

Словарь называется «Диалектный словарь личности» и содержит 2705 слов и 87 устойчивых выражений (фразеологизмов). В него вошли далеко не все слова, известные Евдокии Михайловне (общий объем ее словаря — 27337 слов).

Когда-то среди ученых было распространено мнение, что неграмотный человек владеет тремя-четырьмя сотнями слов, словно готтентот из пустыни Калахари. Это неверно: 300—400 слов — это средний активный запас лексики любого человека, независимо от его культурного уровня; он употребляет их ежедневно для общения. Разумеется, есть различия в том, какие это слова, и эти различия зависят от степени образованности и от профессии. Кроме активного запаса, в распоряжении человека находится пассивный, который составляют слова, известные говорящему, но или редко им употребляемые, или совсем не употребляемые. Сравним: что и леопард. Первое

нами употребляется очень активно: «Что там написано?» «Что вы нам привезли?» Другое мы употребляем значительно реже, хотя понимаем его смысл: «Пойдем в зоопарк, посмотрим на леопарда»; «Пальто пятнистое, как шкура леопарда». Пассивный словарь во много раз превышает активный, и его объем также зависит от жизненного опыта, образованности, профессии. Даже у человека неграмотного, но много прожившего, он исчисляется десятками тысяч слов.

В речи Евдокии Михайловны Тимофеевой составитель отметил главным образом лишь слова, не входящие в состав современного литературного языка. Потому и словарь его называется диалектным. Прежде всего отметим в нем слова древнерусской эпохи: **баять** — говорить, **блзнить** — казаться, мерещиться: «Не смотри на покойницу-ту, поблзнит»; **бучить** — вываривать кадку с применением горячих камней, листьев смородины, крапивы; **взвеличать** — назвать по имени и отчеству: «Пришла, назвала его и **взвеличала** — Петро Александрович»; **в надею** — надежно: «Дай честно слово, чтоб уж в надею было». Иногда древние слова связаны с приметами, поверьями. Таково **выть** — аппетит: «Не тянись (то есть не потягивайся) за столом-то, **выть-ту чёрту отдашь**». Здесь мы видим интересное отражение народных правил приличия. Потягиваться за столом неприлично, и осуждение этой манеры народ закрепил в примете. Есть приметы, отражающие наблюдательность народа. Так, при слове **загнета** — выем, углубление в печи для хранения тлеющих углей дается пример: «**Загнета** потухла — ненастье будет».

Другой разряд слов — экспрессивная лексика — слова с особыми оттенками смысла, придающими речи яркую образность, выразительность: **налупасить** — побить, **лентяк** — лентяй, **полудурье** — придурковатый, глупый человек, **навливаться** — навязываться силой, **парусить** — быстро идти, **уматывать** — уходить восвояси. Среди экспрессивных слов есть такие, которые основаны на звукоподражании или звуковой символике: **буздырнуться** — удариться о что-либо: «**Не буздырнись** о косяк-от»; **вычеченивать** — изображать кого-либо из себя, слишком нарядно одеваться: «Ишь, как **вычеченивает**»; **охаверник** — шалуни, безобразник, **начихонастить** — начистить, сделать красивым: «Вишь, как самовар **начихонастила!**» Это же слово имеет значение «нахлестать коглыбо ремнем, вицей (пругом), веником»: «Унес я у отца поперёсы, дак ладно он меня тогда **начихонастил** ремнем»; **нахалкаться** — напиться: «Ишь, **нахалкался** холодной воды, закашлял».

Кроме отдельных слов, в словаре приводятся их устойчивые сочетания, или фразеологические обороты: **до услепу** — до боли в глазах: «**Дома** телевизор **до услепу** смотрят, да еще в

кино ходят»; без утыху — без отдыха: «Болтаешь ты без утыху, уж помолчал бы»; в добры входить — входить в доверие, добиваться уважения: «И скажу, мне не в добры входить», то есть скажу всю правду, не стараясь добиться хорошего отношения к себе. Сочетание гульна корова значит гуляка, человек, редко бывающий дома: «Ты чё жо, как гульна корова, дома не живешь?» Дуй — дерн — не стой значит кинуться, бежать: «Я кричу его, а он дуй — дерн — не стой!» Выражение за всяко просто значит попросту, без умысла: «Я тебе вот за всяко просто скажу: учишь, толк потом узнаешь». Если человек известен своими отрицательными качествами, о нем скажут: — «Дак ведь он чё — известно золото! Даже ждуть нечё».

Если человек долго болеет, не поправляется, то о нем говорят, что он не кунееет и не соболеет. Это — из языка охотников, промышлявших в лесах куницу и соболя только в пору, когда их мех достигал ценной кондиции (куница кунееет, а соболя соболеет). Есть и другие выражения, взятые из профессионального языка. Так, о неисправном человеке говорят: «Какой он есть, дак уж не перепресть». Плохую пряжу перепресть можно, а плохо воспитанного человека очень трудно перевоспитать. Человека, не справляющегося с работой, неловкого и неповоротливого называют несродна ямщина. Почему? Ямщики, уходившие в города на заработки, часто теряли связь с родной деревней, с семьей, становились как бы несродными, чужими. Может быть, они теряли и навыки крестьянского труда. Выражение **растворено не замешано** взято из языка печников и каменщиков и означает: раствор для кладки кирпичей еще не готов, не размешан; а в переносном смысле это означает — начато, но не доделано.

В словаре приведено много примеров из фольклора, особенно частушек — и озорных, и печальных, и трогательных. Например, к слову **ровня** — люди одинаковые в чем-либо — приведено:

Раскудрявая березка
Не по ветру клонится.
Дорогой ты мой миленок,
Не за **ровней** гонишься.

К слову **рёлка** — незатопляемое место, остров, луг, отмель на реке, образуемая наносами, дается такая частушка:

Пересохни, быстра речка,
Перейду на **рёлочку**.
Привыкай, мое сердечко,
К новому миленочку.

Особенно часто достается в частушках **грубьянке** — сопернице в любви:

Грубьянку рыжую
Из деревни выживу.
Потому и выживу —
Ненавижу рыжую.

Есть частушки не только о любви. Например:

Что-то пало, созвенею
С грядки синее ведро.
Это кто на тройке гонит?
— Олександрович Петро.

Или: Эх, пол земляной,
Поголок жердяной.
И пошли мои пимы,
Запошваркивали.

Словарь, составленный В. П. Тимофеевым, представляет ценное исследование народной речи.

Очень интересны приложения к словарю, содержащие показатели, как часто употребляются отдельные разряды слов, тематические группы лексики, наблюдения над речью старшего и младшего поколений носителей диалектной речи. Думается, что словарь с интересом прочтут и учителя, и учащиеся старших классов, и любители народного поэтического творчества.

«Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева издан в Шадринске Курганской области.

* * *

Вот уже прошло шесть лет, как меня пригласили в редакцию «Уральского следопыта» и предложили написать статью об особенностях лексики уральских говоров. Эта тема была близка мне как одному из составителей «Словаря говоров Среднего Урала». В майском номере журнала 1966 года появилась первая статья «Откуда это слово». В ней говорилось о происхождении отдельных диалектных уральских слов. По-видимому, опыт удался, были получены первые письма от читателей. Так родилась рубрика «Аз, буки, веди». С тех пор было опубликовано свыше 40 статей. Пора подвести некоторые итоги.

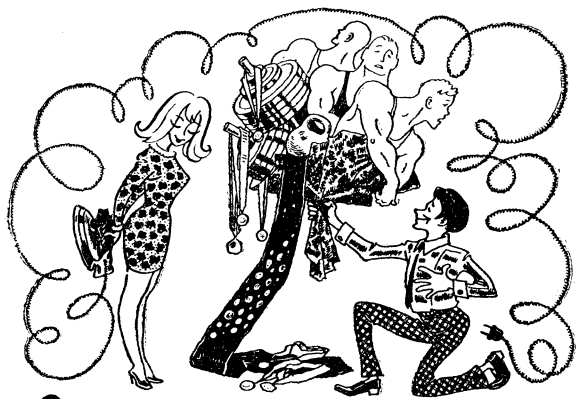
Надо сказать, что почти на каждую статью приходили читательские отзывы, вопросы и предложения. Писали люди в возрасте от 12 до 80 лет: и школьники, и рабочие, и солдаты, и учителя, и домохозяйки, и моряки, и пенсионеры. Письма шли из Кемеровской, Челябинской, Омской, Одесской, Свердловской, Пермской, Свердловской областей, из Львова и Якутии, из Башкирии и Донбасса. Заметки о происхождении различных слов, русских и иноязычных, об истоках географических названий, человеческих имен и фамилий вызвали наибольший интерес. Это и понятно — происхождение имен и фамилий человека и названия местностей всегда имели и имеют притягательность, вызывают интерес массы читателей. Нет человека, который бы не имел имени, и нет города или села без названия. А названия часто подернуты дымкой тайны, развеечь которую бывает трудно даже специалистам.

Не меньший интерес вызвали материалы, посвященные уральскому слову, хранящему не меньше тайн, чем этимология собственных имен. Выразительность и меткость уральской диалектной лексики, пути ее возникновения и формирования, ее близость к словам других русских говоров, составляющих великий русский язык, — все эти вопросы остаются актуальными и сегодня.

Какова была цель всех этих публикаций? Привлечь у читателя, особенно у молодежи, любовь к слову, привлечь внимание к вопросам лингвистики — науке не менее увлекательной, чем многие другие.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

От редакции. Большой интерес читателей вызвали статьи, связанные с происхождением географических названий. Вот почему с ноября, 1973 года мы открываем на страницах «Уральского следопыта» «Клуб топонимики».

С доставкой на дом

Юмореска

Петя Зябликов был мрачен, тени ходили по его лицу. Ему предстояло сегодня предпринять решающую попытку в завоевании сердца Анюты Глазкиной, и, собираясь на танцы во Дворец культуры, он наводил сейчас блеск на вечерний туалет. Угрюмо уставившись в холодно мерцающее зеркало, он без энтузиазма созерцал отнюдь не атлетическую фигуру. Да, надежд на успех было совсем немного. Вот если подложить побольше ваты в плечи пиджака — вид получится почти спортивный...

Грустные Петины размышления прервал звонок. Петя помчался в прихожую. На пороге стоял длинный небритый субъект с лихорадочными глазами и странно улыбался.

— Вам чего? — спросил Петя с тревогой.

— Вы Зябликов П. В.? — сипло спросил субъект.

— Ну я, а что?

— Вы заказывали в магазине № 13 нейлоновую рубашку с доставкой на дом. Так я ее принес. Распишитесь здесь... — И незнакомец подsunул Пете какую-то бумагу.

В руках у Пети остался мягкий сиреневый сверток, перевязанный бечевкой.

А. ДАЙНОВСКИЙ

Рисунки В. Бубенчикова.

Немедленно вскрыв пакет, он натянул рубашку и против обыкновения остался доволен своим видом. Рубашка сидела безукоризненно, более того, она отчего-то весьма успешно создавала иллюзию бицепсов на Петиних руках. Облегченно вздохнув, Петя принялся облачаться в свой выходной темно-коричневый костюм. И тут вдруг увидел клочок бумаги, болтавшийся на нитке, обернутой вокруг одной из пуговиц новой рубашки. На ярлычке было лишь два слова: НЕ ГЛАДИТЬ!

— Ну кто же гладит нейлон! — неодобрительно хмыкнул Петя. — Могли бы и не писать.

Необычное началось после того, как за Петей захлопнулась дверь его квартиры, захлопнулась — с оглушительным грохотом, с потоком осыпавшейся с потолка штукатурки.

— Пора бы ремонт сделать, — подумал Петя и тут же об этом забыл.

Весело насвистывая, он поскакал вниз по лестнице. Настроение у него было превосходное. В радостном порыве он небрежно распахнул дверь подъезда перед соседкой, возвращавшейся с работы. Дверь, тихо хрустнув, слетела с петель и шлепнулась на асфальт.

— Ну и молодежь нынче пошла! — ужаснулась соседка. — Хулиганы да и только...

Настроение у Пети снова начало портиться. «Она на честном слове держалась, а я виноват!» — подумал Петя и, прислонив оторванную дверь к стене возле подъезда, поплелся во Дворец культуры на танцы.

Анюту Глазкину, стройную и румяную, кружил в вальсе партнер-верзила с нечесаной гривой светлых волос. Петя понял, что действовать надо немедленно, иначе он станет самым несчастным человеком на земле, причем — на всю жизнь! Перед началом следующего танца Петя решительно подошел к Анюте.

— Анюта,— сказал он после первого круга,— я давно хотел вам сказать, что...

— Ой,— вскрикнула вдруг она,— не сжимайте мою руку так, у меня будут синяки!

«Смеется»,— подумал Петя обиженно и замолчал. Когда танец закончился, он все так же молча проводил партнершу на ее место и двинулся к выходу.

Дорогу ему преградил тот самый верзила, что танцевал до него с Анютой.

— Эй, ты! — сказал он издевательским тоном.— Чего к моей невесте пристаешь? Пойдем, поговорим.

— Да я...

— Пойдем, пойдем! — Верзила толкнул Петю в плечо.

На улице Петю уже ожидали многочисленные дружки Анютино «жениха». Пете стало грустно и захотелось домой. Верзила замахнулся; Петя, движимый инстинктом самосохранения, ухватил в воздухе волосатую руку. Парень дико вскрикнул. Придерживая вывихнутую руку, он пятился от Пети и бормотал:

— Ты чего! Если разряд по каратэ, так и пользуешься? Так же нечестно!..

Об этой истории долго говорили в городе. Дружинники очень удивились, когда маленький щуплый паренек привел целую компанию хулиганов, трясущихся от страха. А Петя в этот день понял, что стал сильным. И силу эту по непонятной причине дала ему рубашка.

Дождавшись, когда город уснет, Петя вышел на улицу, чтобы проверить свои возможности. Чугунную скамью в парке он без малейших усилий поднял одной рукой. Пугливо озираясь, Петя подобрался к одиноко стоявшему «москвичу» и... шутя поставил его на попу, а потом снова на колеса. Вершиной Петиных достижений оказался самосвал, который после легкого напряжения был положен на бок.

На следующий день, едва дождавшись конца смены, Петя понесся в спортзал.

— Тебе чего? — насмешливо спросил его тренер заводской команды Витя Кусачкин.— Посмотреть пришел?

— Нет, записаться,— твердо сказал Петя.

— Да ты же грыжу схватишь,— изумился тренер.— Отвечай после за тебя! Видишь, какие тут силы нужны? — Витя с гордостью указал на лучшего заводско-

го штангиста Гену Шпаклина, с сопением выжимавшего семидесятикилограммовую штангу.

— А можно, я попробую? — попросил Петя, словно не замечая насмешки.

— Ладно, давай,— вдруг согласился Витя и ехидно подмигнул прислушивавшимся к беседе мускулистым ребятам.

Петя Зябликов подошел к штанге и, застенчиво улыбаясь, поднял ее над головой.

— Подбавьте килограммчиков сто, что ли,— скромно попросил он...

С этого момента началась спортивная карьера Пети Зябликова. Через месяц он стал мастером спорта. На чемпионате страны занял первое место. Еще через полгода получил звание чемпиона мира. Тренеров, судей и болельщиков удивляло, правда, то обстоятельство, что к штанге Петр Зябликов всегда выходил одетым в щегольскую нейлоновую рубашку. Но как не простить эту маленькую причуду человеку, которого пятнадцать спортивных агентств мира называли лучшим спортсменом века!

В соавторстве с видным спортивным обозревателем Петя написал книгу под названием «Как стать сильным». Теле- и радиорепортеры ночевали под Петиними окнами в надежде получить долгожданное интервью. Наконец Анюта Глазкина первой объяснилась ему в любви и стала его женой...

И все это великолепие оборвалось в один весенний день.

В тот день Петя должен был участвовать в показательных выступлениях на открытии нового городского Дворца спорта. Поглядев на часы, Петя потянулся и встал — пора было собираться. Он надел неизменную рубашку. И вдруг что-то кольнуло у него в груди. Петя глянул в зеркало. Магическая рубашка, выстиранная и проутюженная неопытной Анютой, безжизненно висела на его жиденьких плечах. Петя напряг мускулы — и ничего не почувствовал. Сила пропала. Пришлось звонить во Дворец, говорить, что заболел тяжело и надолго...

Каждую неделю П. В. Зябликов заказывает по рубашке в магазине № 13 и с нетерпением ждет того странного небритого субъекта с сиреневым пакетом, перевязанным бечевкой...

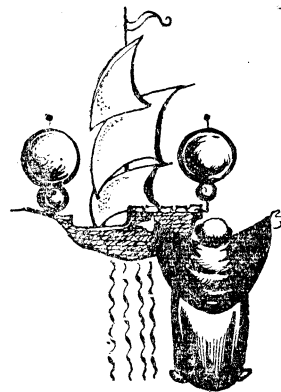
ВПЕРВЫЕ В РОССИИ

Первые в России автомобильные гонки состоялись 11 октября 1898 года между Александровской и Стрельной (около Петербурга) на дистанции в 41,6 км. Наибольшая скорость, показанная в этих соревнованиях, равнялась 25,5 км в час.

ИЕЗУИТ-«ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ»

Одну из первых летательных машин придумал в 1670 году иезуит Франциск Лана. Его машина должна была состоять из плетеной лодки с мачтой и парусами; к концам лодки прикреплялись вертикальные прутья с четырьмя большими шарами, изготовленными из листовой меди. Достаточно было, по мысли изобретателя, откачать из шаров воздух — и машина оторвалась бы от земли.

По чисто техническим и иным причинам хитроумному иезуиту не удалось осуществить свой замысел.

«ВЕСТИ ИЗ ГРЯДУЩЕГО»

22 ноября 1878 года английский военный корреспондент Арчибальд Форбес передал из Джумруда телеграмму, известившую об осаде афганской крепости Али-Мусдшид, которая началась в 10 часов утра.

Разница во времени между Афганистаном и Англией привела к тому, что в номере «Дейли ньюс», вышедшем в Лондоне в 9 часов утра того же дня, уже содержалась эта телеграмма. Была она напечатана и в утренних номерах нью-йоркских газет того же дня, хотя передача ее из Лондона в Нью-Йорк заняла около пяти часов. Немедленно распространявшись по американскому континенту, телеграмма Форбеса попала, наконец, и в шестичасовой утренний выпуск газет Сан-Франциско, так что обитатели этого города смогли узнать о событии, которое по местному времени совершилось лишь спустя два часа, причем — на другом конце земного шара, в тринадцати тысячах миль от Сан-Франциско.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 18179. Подписано к печати 25/IX 1972 г. Бумага 84×108¹/₁₆—2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч. изд. л. 9,68. Тираж 185 000. Цена 30 коп. Заказ 428

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Л. ВАСЬКОВ

КАРУСЕЛЬ (Фото)

В. ВЕТЛУГИН

СЕВЕРНЫЙ КОВБОЙ (Фото)

М. ГЛАДУНОВ (Г. КРАСНОЯРСК)

БОЛЬШОЙ ЕНИСЕЙ

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН
Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора], МУСА ГАЛИ,
А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный секретарь],
В. ШУСТОВ